

4019 (с)

ОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЕНИ В. И. ЛЕНИНА

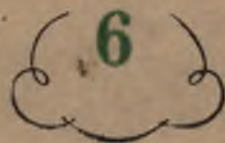
ЗАПИСКИ

ОТДЕЛА
РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК

6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК VI

Н. А. НЕКРАСОВ, Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ,
М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Редакция
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

МОСКВА—1940

Отв. редактор Н. А. Мещеряков.

Сдано в набор 4/X 1939 г.
Подписано к печати 19/VII 1940 г.
6 1/2 печ. л. Б9875.
Заказ № 3329. Тираж 3000 экз.

Типография «Известий Советов депута-
тов трудящихся СССР, Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ

Чернышевский, Щедрин и Некрасов, которым посвящен настоящий выпуск нашего издания, являются крупнейшими представителями того общественного движения, которое Ленин называл русской революционной демократией.

Движение это до Октябрьской социалистической революции мало изучалось нашими историками и литературоведами. Не было полных критически подготовленных изданий сочинений крупнейших представителей революционной демократии; их переписка не только не была издана, но даже и собрана.

В. И. Ленин в своей известной статье «От какого наследства мы отказываемся» указал на родство основных идей русских «просветителей» шестидесятих годов, которых он позже, при изменившихся условиях цензуры, называл «революционными демократами», с идеями нашего марксизма. Он указал, что марксисты являются владельцами идеологического наследства «просветителей» шестидесятих годов, а потому на них лежит обязанность изучать и развивать дальше это ценное наследство. Сам Ленин прекрасно знал и глубоко любил литературные произведения Чернышевского, Щедрина, Некрасова, Писарева — этих крупнейших представителей литературы шестидесятих годов — часто пользовался их произведениями в борьбе с политическими противниками.

Наше современное литературоведение помнит эти указания и эту оценку Ленина. За последние годы было сделано много в деле изучения крупнейших представителей «просветительства» шестидесятих годов: издаются полные и критически проверенные собрания сочинений, собирается, приводится в известность и издается их переписка и т. д., и т. п. Шестидесятники и их деятельность (и притом не только литературная) становятся доступными для внимательного изучения. И это изучение уже начинается.

Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и Щедрин — четыре крупнейших представителя шестидесятих годов. Все они и должны были поэтому войти в настоящий сборник. Но по Добролюбову в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина нет никаких интересных новых материалов. Поэтому в наш сборник входят материалы, касающиеся только остальных троих.

Чернышевский, Некрасов, Щедрин интересны не только своей писательской деятельностью. Они провели громадную и чрезвычайно важную работу в области организации революционных сил демократии своего времени. Мы имеем в виду их работу по организации и редактированию сперва «Современника», а с конца шестидесятих годов — «Отечественных записок», — двух лучших и

наиболее влиятельных журналов того времени, объединявших вокруг себя лучших представителей революционной демократии. Чернышевский, Некрасов и Щедрина были тесно связаны по своей журнальной работе; между ними существовала также неразрывная дружеская связь. Работая в разных областях литературы, они дополняли друг друга. Помещение в одном сборнике материалов, касающихся их троих, является поэтому глубоко интересным.

В прошлом (1939) году исполнились пятидесятилетия со дня смерти Чернышевского и Щедрина. Это также является мотивом, побудившим Отдел рукописей к изданию сборника материалов, относящихся к вождям революционной демократии.

Некоторые из публикуемых материалов имеют особо глубокий интерес. Таковы, например, отрывки из писем Кавелина к М. Н. Каткову. Кавелин, как типичный умеренный либерал, был политическим противником революционного демократизма Чернышевского. Но, как умный человек, Кавелин высоко ценил громадный запас знаний и гениальность своего непримиримого противника и, несмотря на противоположность взглядов, выступал в его защиту перед Катковым. Это очень интересный штрих, характеризующий значение Чернышевского и его оценку современниками в конце пятидесятих годов.

Для оценки Чернышевского интересны также его письма к Гольцеву, относящиеся к концу восьмидесятых годов, то-есть к периоду, наименее освещенному в биографии Чернышевского. Укажу два примера.

В письме к В. А. Гольцеву от 19 августа 1888 г. Чернышевский писал: «...в вопросах об отношениях русской публики ко мне я индифферентен. В русской публике нет людей, которых я считал бы компетентными судьями моим ученым мнениям. Я пишу для европейской публики, а не для русской. Печатаю по-русски лишь потому, что еще не имею возможности печатать по-французски или по-английски с одновременным изданием немецкого перевода (и перевода на французский, если подлинник английский, или наоборот). Я считаю себя имеющим силу содействовать переработке некоторых отделов науки. Основательно ли это мое мнение о себе? В данном случае не это имеет практическую важность для отношений между Вами и мною, а только то, что я имею это мнение. Из того следует: я не могу допустить, чтобы журнал, в который я посылаю статьи, брал на себя суд о их содержании. Возвращаясь к вопросу о том, пришлю или не пришлю я в «Русскую Мысль» продолжение моего трактата. Мнение русской публики не затрагивает моего самолюбия ни похвалами, ни порицаниями».

На первый взгляд эта часть письма производит странное впечатление. Что значит это заявление? Чрезмерно высокая оценка самого себя и чрезмерно низкая оценка русских читателей, среди которых ему приходится жить и работать? Не ошибся ли Чернышевский, так высоко оценивая свои статьи и утверждая, что их не в силах понять никто из русских читателей?

Чернышевский чрезвычайно высоко ценил русский народ и, стало быть, русского читателя. И совсем не чрезмерная оценка самого себя продиктовала ему указанные выше строки.

Чернышевский и после возвращения из ссылки до конца своих дней оставался революционным демократом, а статьи свои ему пришлось помещать в умеренной либерально-народнической «Русской мысли», имевшей своими читателями такие же умеренно-либеральные слои русского общества. Вообще вторая половина восьмидесятых годов — это было время полного отхода русского «общества» от революции и радикализма, время отказа от широких и глубоких планов общественного преобразования, время торжества «теории малых дел». Таково было тогда все (или почти все) русское общество. А нового читателя, новой революционной демократии, выдвигаемой пролетариатом, Чернышевский, живя

в провинции, еще не видел. Статьи его во второй половине восьмидесятых годов читали только архимуренные либеральные народники. Естественно, что он, как яркий революционный демократ, не слишком высоко ценил мнение о себе либерально-народнических читателей «Русской мысли» и других подобных ей журналов того времени. А в Западной Европе уже могуче развивалось в конце восьмидесятых годов движение пролетариата. Участники этого движения могли понять революционные идеи Чернышевского, и, естественно, что для них-то он и хотел бы работать.

Разве не интересный и притом чрезвычайно важный штрих для понимания Чернышевского последних лет его жизни дает это письмо?

В том же письме мы находим и другое, тоже на первый взгляд странное место. Чернышевский пишет Гольцеву: «Вы затруднялись напечатать мою статью потому, что в «Р[усской] мысли» были помещены статьи, превозносившие дарвинизм. Ваше затруднение было неосновательно. Журнал не может связывать свою свободу обязанностью держаться мнений, высказываемых его сотрудниками по все[м] вопросам, не входящим в его программу. В программу учено-литературного журнала не могут входить никакие решения никаких вопросов, кроме вопросов общественной жизни нации. Для него не обязательно признавать или отрицать — не то что дарвинизм, а хотя бы даже систему Коперника. По вопросам, не относящимся к текущим делам национальной жизни, журнал того рода, как «Р[усская] мысль» или «Вестник Европы» или *Revue des deux mondes* или *Fortnightly Review*, не может иметь никаких редакционных мнений. Он печатает статьи по ним, но сам остается индифферентен по всяким спорам, не относящимся к национальным делам».

Что это значит? Неужели Чернышевский не понимал, что то или иное отношение к научной теории тоже входит в систему мирозерцания автора и тесно связано с его общественно-политическими взглядами, что всякая наука партийна? И разве сам он не требовал такой цельности мирозерцания от сотрудников руководимого им «Современника»?

Конечно, он все это прекрасно знал, и требование им свободы высказываний для себя по научным вопросам нужно объяснить совсем по-другому.

До конца дней своих Чернышевский оставался материалистом. Правда, в его феербахманском материализме были ошибки; были они в его отношениях к дарвинизму и в его исторических объяснениях, но все-таки он твердо стоял на точке зрения материализма. А редакция «Русской мысли» всецело была во власти позитивизма, в основе которого лежит идеализм. Последовательное и строгое проведение требований единства взглядов у всех сотрудников «Русской мысли» могло побудить ее редакцию отказаться от статей Чернышевского, как несправедливого материалиста, то-есть лишить его единственной доступной ему в то время трибуны. Не философская беспринципность, а политическая хитрость революционного демократа продиктовала ему эту часть письма к Гольцеву. Еще один интересный штрих биографии последних лет его жизни.

В материалах, касающихся Щедрина, интересно письмо А. Н. Плещеева к В. А. Гольцеву, который был в то время редактором «Русской мысли». Запрашивая, по просьбе Щедрина, может ли Щедрин стать сотрудником «Русской мысли», Плещеев добавляет, что Салтыков не хочет, чтобы его статьи проходили через цензуру, и при этом добавляет: «Здесь ходят слухи, что в «Русской мысли» показывают статьи предварительно цензуре, может это и вздор, но это говорят».

Теперь оказывается, что слухи о негласных связях редакции «Русской мысли» с цензурой были далеко не «вздор». В комментариях к IX тому академического издания Гл. Успенского (том этот готов к печати) будет помещено очень интересное письмо секретаря редакции «Русской мысли». Н. Н. Бахметьева

в Главное управление по делам печати. В этом письме Бахметьев от имени редакции сообщает, что «Русская мысль» отказывается от привлечения в число своих сотрудников Щедрина, и что в будущем редакция войдет «в возможно близкие, дружелюбные отношения с цензурным ведомством» и будет «вести дело в согласии с ним». Итак, подозрение Щедрина и его пожелание, чтобы его рукописи не читал Бахметьев, были вполне основательны.

Мы надеемся, что читатели найдут в публикуемых нами материалах не мало и других фактов, интересных для истории нашего общественного развития.

Н. Мещеряков

I. Н. А. НЕКРАСОВ

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Автографы публикуемых нами отрывков прозы Некрасова хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в одном из самых обширных собраний автографов Некрасова, известном под названием «Архив села Карабихи». Собрание это было передано племянником поэта, Константином Федоровичем Некрасовым, в Отдел рукописей в 1925 году. Еще до передачи рукописей значительная часть этих материалов была опубликована в издании: «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М. Изд. К. Ф. Некрасова, 1916». В предисловии к этой книге К. Ф. Некрасов обещал выпустить второй том, в который должны были войти «некоторые неизданные произведения Н. А. Некрасова в стихах и прозе, а также довольно многочисленные варианты уже известных произведений». Однако обещание это не было приведено в исполнение. С тех пор исследователи творчества Некрасова много раз обращались к вышеназванному собранию материалов по Некрасову, причем некоторые произведения, не опубликованные при жизни Некрасова, впервые были опубликованы по автографам, хранящимся в этом собрании, но все же со всей полнотой собрание это не использовано до сих пор. Не были даже, повидимому, опознаны отдельные наброски произведений.

Тщательное обследование автографов Некрасова, хранящихся в «Архиве села

Карабихи», проведенное Отделом рукописей в связи с подготовкой каталога рукописей Некрасова, выпущенного Отделом¹, привело к выявлению в этом собрании затерявшихся и неопознанных листков с неопубликованными автографами писателя. Настоящая публикация имеет целью довести до всеобщего сведения результаты этих разысканий и ввести в научный оборот несколько отрывков некрасовской прозы.

Одни из публикуемых нами отрывков являются простым дополнением к ранее опубликованным текстам, как отрывки из повести «Жизнь и похождения Тихона Тросникова», «Тонкий человек» и «Каменное сердце», другие, как «Сургучов» и драматический отрывок без заглавия, — публикуются впервые. Драматический отрывок не оригинален, содержание его довольно шаблонно и не представляет особого интереса. Специфически некрасовского в этом отрывке мы ничего не находим. Что касается второго произведения — «Сургучов», то, несмотря на черновой характер набросков, публикуемые отрывки представляют значительный интерес не только по тематике, но и по идейной своей насыщенности. В этом отношении особенно интересен последний из публикуемых отрывков, в котором Некрасов говорит о цели и смысле своего творчества, о

¹ Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи Н. А. Некрасова. Каталог. Составила Р. П. Маторина. Гос. Соц.-эк. изд-во. М. 1939.

том, что поведет читателя по грязной лестнице, в грязные комнаты, к грязным людям, покажет увечных и сгорбленных, убогих и морщинистых стариков, бледных дрожащих мальчиков, оборванных и отвратительных женщин. «Словом, — говорит Некрасов, — я поведу вас в мир людей, которых страдания мелки и темны, радости грубы, песни простонародны и полны подавляющей, камнем на душу налегающей грусти, стремления дики, рубища отвратительны, но которые также люди, в которых также закинута искра божественная, может быть не совсем погасшая. Если вы принадлежите к тем, которые торжественно объявляют таких людей несостоящими внимания, такие картины грязными, возбуждающими отвращение — бог с вами! Не для тех я пишу, кто завидев несчастного, умирающего от смрадных ран, зажав нос, торопятся пробежать мимо, но кто спешит к нему с помощью и утешением, тот поймет мою

цель». В приведенных словах совершенно определено слышится некрасовский гуманизм, которому поэт остался верен до конца своих дней.

Публикуя черновые тексты Некрасова, мы стремились в основном строго придерживаться автографа и не приглаживать текст там, где есть шероховатости и недоделки у самого автора. Поэтому незаконченные фразы, недописанные слова, за некоторыми исключениями, оставляются нами в том самом виде, как были в автографе. Наброски на полях, не связанные с основным текстом, выносятся в сноски под строкой, с указанием, в каком месте они находятся в оригинале. Зачеркнутое Некрасовым воспроизводится в угловых скобках. Из зачеркнутого воспроизводим лишь наиболее существенные варианты.

Текст печатается по новой орфографии, с соблюдением всех особенностей правописания Некрасова.

Отрывки из повести

«ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ТИХОНА ТРОСНИКОВА»

1

Тут стоял лакей такой задумчивой с запечатанным письмом в руках; два каких-то пьяных перекопались между собою; старушка вздыхала; мальчик какой-то в пестрядином халатишке. Тут поставили и меня. Я прижалась в угол и стояла как неживая. Один пьяной Один пьяной плакал и жаловался, а другой смеялся над ним утешая его, говорил что ведь они не уголовные, что до свадьбы все заживет, что ни <одни> они только, а ведь вон и другие... Тут он увидел меня: вон видишь какая кралячка! и схватил меня за плечо. Я толкнула его, он пошатнулся, наткнулся и оба они долго пресмешно переминались пока справились и удержались на ногах. Я рассмеялась. Тут пьяной начал приставать ко мне — я не зна[ла] как от него отделаться: он запел что[-то] про (нрзб)скую улицу.

Вдруг вошел чиновник — с бумагами в руке.

Он стал их бранить, что шатаются, пьянствуют, стекла бьют, они стали просить божились что в последний раз — чиновник приказал им молчать и спросил у лакея,¹ на что он лакей подал ему письмо.

Чиновник прочел письмо и спросил у него знает ли он что написано в письме. Лакей отвечал что знает. Чиновник усмехнулся и стал говорить с Траруниной. Потом он обратился к мальчику, которой уж видно попадался не в первой раз потому что чиновник тотчас его узнал не хотел с ним и говорить велел молчать и спросил меня. Я сказала ему все как было, не скрывши ничего и стала его просить... Тут вошел какой-то важный господин с крестом.

¹ В автографе: «лакей».

Чиновник сказал солдату которой пришел за ним, указавши на пьяных — Сперва вот их!... и стал говорить с важным господином.¹ Солдат взял пьянова в халате и сказал «пойдем», тот опять кинулся было к чиновнику, заплакал, начал просить и кинулся было в ноги, но солдат оттащил его и увел, другой крикнул ему «не робей Андрюха» и побледневши прислонился к стене. У меня У меня по телу пробежал мороз. Скоро пришли и за ним. Он только махнул рукой сказал пропадай! и пошел. <у меня сердце екнуло и> в глазах начинало темнеть. Я сама прислонилась к стене. Чиновник, поговоривши с толстым господином и ушел сказавши что нужно навестить справку. Господин сел и стал смотреть в нашу сторону. Потом пришли и за мальчишкой, который ревел на всю комн[ату]. Я не опускала глаз, прижалась к стене и крепко стиснула зубы потому что мне не хотелось заплакать, как этот мальчишка, да вдруг сама не знаю как ресницы заморгали и слезы прорвались. Лакею, который теперь один со мною остался, видно стало жаль меня, он стал меня утешать, что вот ведь и ему тоже сейчас будет, да он не плачет, что еще не отчего плакать успею еще наплакаться, что уж видно чему быть так тому и быть, что от спины до ног семьдесят пять дорог и что до свадьбы все заживет. Пока он говорил пришли за ним и увели его. Я осталась последняя, я слышала, что ноги у меня как лед, взяла себя за голову голова у меня была макрая от холодного поту. Я ухватилась обеими руками за решетку. Ко мне подошел солдат. Я (нрзб) что-то вскрикнула, еще сильнее стиснула в руке. Голова у меня начинала кружиться и уж только — чуть-чуть чуть-чуть понимала я что вокруг меня

¹ На полях против этой фразы: «Чинов[ник] под[ал] ему рук[у] сказал солдату, указавши на пьяных вот с них и стал».

происходит Я не знала что делать только изо всех сил держалась за решетку¹.

— Погоди, сказал чиновник солдату когда тот подошел ко мне.

И он опять начал говорить. Минут десять они говорили, взглядывали на меня, и подошли оба ко мне.

— Послушай милая! повтори нам еще как это все было.

Я опять рассказала все как было.

И ты тут ничего не скрываешь? спросил он.

— Клянусь богом сказала я, что хотела только достать и отдать г. Тр[осникову] письма, которых тетушка не хотела дать по упрямству...

— Хорошо! я верю тебе сказал он. У тебя лицо доброе и вот господин (тут он наз[в]ал фамилию) за тебя просит, ступай к своей тетушке.

Тут он прибавил, что тетушка и ее муж заменили мне мать, а что родителей надобно почитать и уважать, и что сам бог наказывает детей которые не слушают своих родителей.

Я насилу поняла — так обрадовалась наконец поняла и чуть было не бросилась на шею толстому господину, слезы выступили у меня на глаза.

— Отри свои хорошенькие глазеночки сказал он взявши меня за подбородок и так посмотрел на меня, что мне вдруг не захотелось ни броситься ему на шею, ни плакать. Я поскорей поблагодарила и ушла. Как вдруг стало мне хорошо как весело! Тетушка тетушка! Проклятая тетушка! говорила я сама с собой. Как же пойду я к тетушке дождитесь нашли дуру пойду я к тетушке!

— А куда же ты пойдешь? услышала я голос за собой. Я оглянулась и увидела того самого господина, что отпросил меня. Он был весь красной, пыхтел как самовар. Я сначала испугалась и побежала.

¹ На полях против этой фразы: «Я уж почти не понимала ничего и только крепко держ».

Он побежал за мной. Я остановилась. Только он побежал, я опять от него. Наконец мне стало жаль его. Я остановилась.

— Куда ты так бежишь плутовка.

2

Единодушный восторг, встретивший новопришедшего, заставил нашего юношу обратить на него особенное внимание. То был человек лет шестидесяти низкого роста сутулый и как говорится приbrushистый. С первых слов герой наш узнал в нем одного из тех¹

Засучив рукав, он насыпал на голую руку от кисти до локтя дорожку табаку и проходя по ней носом—при чем табак исчезал с неизменною быстротою в его широких ноздрях,—начал таким образом:

Ванюха! давай-ка табаку понюхайте носового да помянем Кузьму Мосолова, Тюшу да Матюшу, избранную душу, Аверьку да Романа, коверкало бы его да ломало, трех Матрен да Луку с Петром, дедушку Трифона да бабушку Власьевну... На Волге на берегу лежит вот эдакой рожнице табаку. Наш брат голенькой голичок садится на скачок, потягивает табачок, боiously травку, христов корешок, бога хвалит, Христа величает, а богатого проклиняет. У богатого у богатини много пива и меду да мало в том проку. Он меня не напоит не накормит со своей женой²

Повесть «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» написана Некрасовым в 1843 году. Частично публиковалась при жизни автора в виде самостоятельных отрывков. Так, в 1843 г. в «Отечественных записках», XI, стр. 319—341, была

напечатана одна из глав повести под названием «Необыкновенный завтрак». Через два года была напечатана глава «Петербургские углы» в сборнике: «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов под редакцией Н. Некрасова. Часть I, изд. А. Иванова. Спб., 1845, стр. 253—303». Было намерение автора напечатать всю повесть полностью в «Современнике» в 1848 г. Об этом свидетельствует объявление об издании «Современника» в октябрьской книжке за 1847 г., в котором было обещано, что роман Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» будет печататься в журнале в 1848 году. Однако это обещание не было выполнено, как предполагают исследователи Некрасова, по цензурным условиям. В наиболее полном виде повесть была опубликована по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей, в книге: «Новонайденная рукопись Некрасова, под редакцией В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. Гиз, М.-Л. 1931».

Первый из печатаемых нами отрывков, повидимому, не был выявлен исследователями к моменту публикации всей повести, так как в печатном тексте рассказ Агаши об аресте не закончен и на стр. 258 имеется редакторская помета: «На этом обрывается в рукописи рассказ Агаши. Квартальный надзиратель, допросив Агашу, отпустил ее». Настоящей публикацией этот пробел в печатном тексте восполняется.

Второй отрывок представляет вариант, относящийся, повидимому, к первой части повести «Жизнь и похождения Тихона Тросникова», именно к главе V (VII) «О петербургских углах и о почетных постояльцах, которые в них помещаются». В приведенном отрывке намечена характеристика одного из обитателей углов.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ «СУРГУЧОВ»

Глава первая

Осенью часу в пятом в одну из лучших петербургских рестораций

вошел <господин> чиновник (я положительно говорю чиновник, потому что не рискую ошибиться: из десяти человек встреченных вами на петербургских улицах девять

непреренно чиновники), довольно высокого роста, одетый в бекешь с бобровым воротником, означавшим если не значительную зажиточность то по крайней мере ясно говорившим, что владелец его занимал одно из тех мест, которые называются теплыми. — Господин этот был ряб и несмотря на хорошую одежду казался как-то невзрачен. Не было в нем той принужденной важности, которая сама собою невольно говорит о достоинстве, не было также и той, немножко педантической и возбуждающей неуместное зубаскальство молодых, торжественности, какая постоянно присутствует на лицах начальников отделения и директоров департамента без всякого с их стороны усилия и даже часто без их ведома; походка его также не отличалась тою степенною важною, которая одна уже, без соображения других обстоятельств, делала совершенно неуместными все предположения, кроме благовоспитанности и благонамеренности; молодой коллежский регистратор, слышущий между своими либералом за то, что идучи в десяти шагах за своим директором, очень ловко передразнивает его походку, и которому товарищи говорят частенько: «уж смотри ты, уж наживешь ты когданибудь беду да и нас втянешь; с тобой просто страшно ходить», — этот коллежский регистратор не удостоил бы его даже и взгляда; встретившись с ним, он даже и не дал бы ему дорогу, хотя может быть и заметил бы край зеленого воротника.

Еще более убедились бы вы, что господин в бекеше не принадлежал к числу тех, которых зовут значительными и у которых расписываются в прихожих по всем праздникам и табельным дням, взгляну [в] в глаза этому господину. Эти глаза были странно устроены; смотря на них можно было даже подумывать что владелец их, не имел даже и первого чина, хотя край зеле-

ного воротника, выглядывавший из бекеша не оставил в том ни малейшего сомнения; вечно смотрели они из подлобья, робость вечно боролась в них с подозрительностью; они были серы и некрасивы; с первого взгляда можно даже было почесть их даже глупыми; но внимательный взгляд отличил бы в них, сквозь вечную игру робости и подозрительности — главнейшие их черты — порядочную долю хитрости и даже какого-то подавленного врожденного удачества.

Не говорило в пользу значительности вошедшего чиновника и то, что вошедши в ресторацию он не окинул комнаты взглядом презрительным, но осмотрелся как-то робко и подозрительно; не сел тотчас же и не углубился в себя, почитая все окружающее недостойным, но подошел к стене и с любопытством стал читать объявление в черной рамке, которым извещалось, что на днях в ресторации обменены три шляпы: но[вые] взяты, а старые оставлены, и потому хозяин ресторации просит внимательнее и пр. Чиновник (1 нрзб.), потому что ту же самую надпись он уже несколько раз читал в других ресторациях и даже удивлялся отчего во всех ресторациях обменено ни больше ни меньше, а именно три шляпы. Потом он подошел к зеркалу.

Он окинул взглядом комнату и увидел, что она была довольно пустая. За огромным длинным столом, уставленным приборами, на разных концах было только два человека, а на другом конце офицер пут[ей] сообщения выписывал стихи из Репертуара, карандашем занятым у буфетчика; еще сидел тут господин остановивший на несколько минут внимание нашего героя, (или правильнее нашего чиновника) оригинальным способом обедать; господин этот держал карту обеда и казалось, внимательно читал.

Несмотря на то, что в комнате было только два человека, рябому

¹ Фраза не окончена.

² Фраза не окончена.

господину казалось не понравилось их товарищество. Он внимательно осмотрелся и направил шаги свои к двери, которая вела в небольшую особую комнатку. Здесь с лица рябого господина тотчас исчезло выражение какого-то опасения; осмотревшись кругом, он снял с себя свои высокие, отороченные черным бархатом галоши, перевесил бекешу через стул и полюбовавшись им подошел к столу и кликнул слугу. Слуга явился с обеденной картой. Рябой господин пробежал ее и приказал подать себе обед и бутылку шампанского, наказав чтоб оно было похолоднее. Потом он воротил слугу и сказал:

— Да принеси мне братец «Северную пчелу» и «Библиотеку для чтения».

Отдав это приказание, рябой господин сел, вытянул свои длинные ноги, причем с явным удовольствием полюбавшись на красоту своих ног [с]казать мимоходом не очень красивых), обтянутых в растягивающиеся трико, и предался приятным мечтаниям человека располжившегося хорошо пообедать.

Вошел слуга и подал ему огромный лист, прозванный русским Journal de débats.

— А Северная пчела? спросил рябой господин.

— Пчелы нет, отвечал слуга.

— Отчего же нет?

— Украли-с.

— А Библиотека для чтения?

— То же нет-с. Украли-с.

— <Как же это братец>. Чего ни спроси — все у вас украли.¹ Кто же это у вас крадет.

— Господа-с...

— А какие журналы больше крадут? спросил рябой господин.

— Да все-с... Журнал Деба, Северную, Репертуар.

— А какие больше?

— Северную пчелу, отвечал слуга.

— А еще?

— Библиотеку для чтения.

— Принеси мне Репертуар.

— Занят-с.

Слуга хотел уйти, но рябой господин воротил его вопросом:

— А Репертуар крадут?

— Крадут-с...

Слуга ушел. Заключив из его показаний, что Северная пчела и Репертуар должны быть хорошие журналы и пожалев что их то именно ему и не удалось почитать, рябой господин принялся за полицейскую газету. Он, как многие из посетителей петербургских трактиров, любил чтение этой газеты и на одном вечере, где был один литератор и где по этому случаю завязался разговор о преимуществе Север[ной] пчелы перед полицейской газетой, имел даже дух довольно резко заметить, что лучше полицейской он не знает русской газеты.

Продается пара отличных шведок за сходную цену; благородная девица из иностранок желает иметь место при детях или компаньонки; продается мерин сивой масти четырех лет; отпускается в услужение дворовой человек, видный собою; пропал лягавый кобель и пр...

В размышлениях о сивом мерине четырех лет, о (нрзб.)ской карете, о кобеле, за которого дано будет 25 р. сер. награждения, о благородной девице, из иностранок, знающей немецкий, французский и русский язык, и желающей иметь место компаньонки или гувернант[ки] при детях, согласной и на отъезд, о дво[во]м человеке, видном собою, которого предлагали в услужение — рябой господин и не видел, как промелькнул тот значительный промежуток времени, который отделяет в русских ресторациях приказание от его выполнения. Слуга снял крышку с миски, откуда тотчас распространился ароматический пар и сказал:

— Готово-с.

Увидев густой благовонный пар, выходящий из открытой слугой миски, рябой господин сказал: «а!»

Рябой господин принялся есть. Он съел с большим аппетитом суп.

Но только что он нагнул бутылку, в двери послышался шорох заставивший его оглянуться. Не обернись он, заглянувшая фигу[ра] вероятно воротилась бы в общую комнату — ибо обнаружила уже явное к тому намерение... но он обернулся и заглянувшая фигура остановилась в дверях неподвижно.

<Очень могло бы случиться, что заглянувший господин возвратился бы в общую ко>

Незнакомец обнаружил уже намерение возвратиться в общую комнату, но в то самое время Сургучов оглянулся. Этот взгляд совершенно¹

Чиновник так озадачивший и даже повидимому испугавший нашего знакомого был в сущности добрый малый, в котором едва ли было чтонибудь, чего можно испугаться. Он принадлежал к числу тех петербургских юношей, которые еще не успели заматереть в чиновничестве, у которых по временам вертятся еще в голове мыслишки о возможности составить себе карьеру через женитьбу на богатой купчихе, о поездке за границу, о литературной известности.

Он ничем не отличался от своей братьи молодых чиновников, кроме двух способностей, которыми наделила его природа.

Он перегнул голову налево и осмотрел Сургучова с лева; потом перегнул голову².

Медленно перегибая голову со стороны на сторону, молодой чиновник внимательно осматривал нашего героя то справа, то слева и удивление его, казалось, возрастало по мере того, как он замечал на нем какую-нибудь вещь, которой прежде не видал. Осмотр продолжался довольно долго и во все время его герой наш молча переминался

¹ Фраза не окончена.

² Фраза не окончена.

на стуле страшно бледный и совершенно расстроенный, чтоб не сказать испуганный...

Так! сказал наконец молодой чиновник.

Вошедший господин с первого раза поражал ловкостью, светскостью, утонченным шегольством. Но кто бы взгляделся в его одежду, тот <быть может догадался> тотчас увидел бы что оно было шегольство поддельное, которое могло только обмануть при вечернем освещении. В этом отношении он похож был на декорацию, поразительную издали, тщательно отделанную, но вблизи ничего не представляющую кроме ярких, грубо наляпанных красок и безжизненных плоских фигур. <Точно также приглядевшись к одежде вошедшего вы заметили бы что шарф так небрежно обхватывающий шею несмотря на свою глянцовитость совсем не новый>

Вглядевшись в шарф, так небрежно обвитый вокруг его шеи, вы заметили бы две три белесоватые полоски, которые дали бы вам знать, что прежде чем этот шарф получил свою глянцовитость по нем может быть не в первый раз прошелся раскаленный утюг; что шляпа, на тулье которой прочли вы карточки с надписью: Циммерман, была уже за два рубли ассигнациями в переделке в гостином дворе у шапошного мастера Крундышова; что по воротнику сертука <так размашисто откинутого> может быть сам же его владелец прошел несколько раз зубами прежде чем он получил способность откидываться овально, с такою небрежностью; сукно сертука... если б дело было не вечером, не при свечах, то вы может быть заметили бы, что для материала, из которого сделан сертук нужно прибрать другое название; некоторые части его, особенно рукава могли бы совершенно заменить транспоран; может быть заметили бы, что и все швы совсем побелевшие, иные пятнышки, не

¹ На полях против этой фразы: «Кто ж?.. известно: господа крадут».

подававшиеся никаким могущественным усилиям пятновыводчиков, окрашены чернилами. Таковы же были светскость и ловкость молодого человека; опытный глаз также легко отличил бы в нем человека дурного тона, претендующего на хороший тон, также мы угадали в нем франта, щеголяющего ворочным сертуком и переделанной шляпой.

Он был выше среднего роста, хорошо сложен и недурен собой. Он любил рисоваться, старался обнаружить утонченную непринужденность, но все это было натянуто, неграциозно, чиновнически. Все это могло поразить только его собратьев мелких чиновников.

Он пригнул голову направо и осмотрел нашего чиновника справа, потом он перегнулся налево и осмотрел его слева. Все, казалось, возбуждало его удивление: и неловко повязанный несколько безвкусный, но дорогой шарф и только что сиюлочки сертучок, который как-то не шол к неуклюжей фигуре своего хозяина; и его изысканная причоска (чиновник наш был завит). Он даже нагнулся и взглянул на сапоги нашего чиновника и сапоги казались довершили его удивление (они были новые и сияли как жар).

— Наследство что ли ты получил, братец? наконец он спросил его с изумлением и не дожидаясь ответа продолжал:

— Хорошо! хорошо братец. Это очень хорошо, что ты употребляешь деньги как следует. Только братец надо тебя немножко воспитать... Этот шарф, может, он очень хорош только светские люди таких шарфов не носят: пестро! Как раз прослывешь моншер человеком дурного тона. Вот сертук так хорош: только ты совсем не умеешь его носить моншер надо что <б> во всем был шик, чтобы все было небрежно свободно, вот так (и он откидывал лацканы и воротник сертука на бледном и неподвижном на-

шем герое). Жилет тоже хорош, только что за портной делал тебе братец? Совсем почти белье не видать... Надо чтоб было больше белья моншер больше белья; главное дело больше белья: я ты знаешь знаком таким¹ со многими аристократами можно сказать да и сам умею так одеваться ты ужь меня послушай. Я тебя в год так поставлю... Что же ты не ешь супу братец: славный должно быть суп. Вот за то я тебя люблю, что при деньгах не пошел куда нибудь... У тебя, братец наклонности благородные, аристократические... А! а! и шампанское!.. браво! браво! моншер! теперь я вижу, что ты умеешь жить!

— Это кислые щи, сказал чиновник наш едва внятным дрожащим голосом.

— Кислые щи! Не хорошо моншер! Порядочные люди кислых щей не пьют! Фи! Я удивляюсь даже как тебе дали кислых щей в такой ресторации. — Стыдно кажется и у человека спросить... «Дай братец мне кислых щей» Ха! ха! <Да> ведь кислые щи продают у харчевень на столиках много... Пей моншер лимонад газов(?)... При твоём состоянии... А много ли ты наследства-то получил?

— Я не получал никакого наследства.

— Как! а сертук! а жилет! а шарф! а сапоги! а обед! Нет моншер я ведь знаю: таких вещей на 700 р. жалованья иметь нельзя...

— Прообедать пять рублей раз в месяц я могу и при моем жалованья, а платье я взял надеть у одного знакомого, даже почти родственника, который на днях приехал и остановился у меня...

— И сапоги? спросил Побегушкин, которому казалось особенно нравились сапоги нашего чиновника, потому что он не сводил с них глаз.

— Нет сапоги я сам заказывал.

— И много взяли с тебя?

¹ Так в автографе.

<Последний вопрос казалось затруднил нашего>

Чиновник наш казалось несколько затруднился но подумав он отвечал:

— Пятнадцать рублей.

— Как! только пятнадцать рублей такие чудесные сапоги... Не может быть, моншер.

— Точно, отвечал чиновник наш нерешительно.

— Да я за свои 20 руб. плачу, а все не то; нет этого знаешь, чтоб в ноге красота была; чтоб знаешь нога свободна была как без сапога... <Да я завтра сейчас же к нему покачу> Кто же тебе делал моншер...

Казалось герой наш пришел в затруднительное положение, как бы не зная что сказать...

— Хоть убей не помню! наконец отвечал он...

— Вспомни, вспомни, моншер... Да я сейчас же к нему побегу... Пожалуйста! Ты должен непременно вспомнить иначе я от тебя не отойду!

Такая решительная настойчивость казалось испугала нашего чиновника.

— По крайней мере не помнишь ли где живет...

Но чиновник наш объявил, что забыл не только дом но и улицу где живет.

— Подумай, братец, подумай, сказал Побегушкин жалобно-умоляющим голосом.

И чиновник наш несколько минут старался или показывал, что старается вспомнить адрес и наконец отвечал решительно:

— Хоть убей не вспомню!

На лице молодого человека выразилось страдание.

— Эх братец! воскликнул он с горечью — Вся!

Как только он сходил с Невского он тотчас бережно снимал с рук перчатки и бережно клал их в карман... Когда же, повернув в Литейную или в другую улицу, вдруг замечал карету—тотчас <вы-

¹ Фраза не окончена.

таскивал их> надевал их снова, охорашивался и бежал безумно навстречу кареты.

Он принадлежал к цеху молодых чиновников которые еще не втяну¹

Ну брат сколько хорошеньких видел сегодня. Хоть ты век себе по Невскому ходи, таких не увидишь. Нет, брат, аристократочки-то, брат, пешком не гуляют. На то у них экипаж, четверка, братец, форейтор кричит поди! поди! а я братец найду себе шаг за шагом, кричи, кричи! думаю, а я шагу не прибавлю, а душа то у меня вся в глазах...

— Ужь раздавят тебя когда-нибудь, заметил дрожащим голосом Иванов.

— Как бы не так раздавят... да что у меня глаз нету, что ли? А кучер-то да попробуй ка он меня зацепить... да разве он не знает, что у нас полиция есть.

В нем почему-то жило убеждение что наконец какая нибудь аристократочка (как говорил он) заметит его, сделает ему знак рукой, что он возмет отличного извозчика не торгуясь, велит скакать за каретой; остановиться в нескольких шагах там, где остановится карета, даст ей заметить себя, когда она будет выходить из кареты, вздохнет, положит руку на сердце и долго будет <смотреть> молчаливо бродить мимо ее окон; наконец выйдет служанка, молча, осторожным движением заставит его итти за собойи вот он идет, сердце у него сильно бьется; он занят мыслью что ей сказать, а между тем вот они прошли уже великолепную лестницу, швейцар в желтой ливрее вежливо привстал перед ним и вот они уже входят в дверь; вот они проходят комнату, другую третью, а бронза, фарфор, великолепные зеркала так и по [па] даются ему в глаза, вот они вошли [в] комнату уютную чудно убранную... Подождите здесь, говорит

¹ Фраза не окончена.

служанка и уходит. Он ждет и вот она... и проч. и пр. Он падает перед нею на колени. Таким образом он еще надеялся освободиться от чиновничества, в которое еще не втянулся, и о котором не думал и не говорил с важностью, потому что получал только 700 р. жалованья и не имел никаких от него доходов. И он, заткнув руки в карманы своего коротенького пальто бежал <почти опро>метью сам не зная куда, как бегают люди занятые сильно какоюнибудь мыслью¹.

Он так был занят своею мыслью, что ему даже казалось иногда, что вот такая то дама пристально на него взглянула... Раз ему показалось даже что одна... сделала ему ручкой (сомнительно, чтоб аристократки наши прибегали к таким способам изъявления своего внимания, но мечтатель наш имел свое понятие об аристократках)... — Что с ним сделалось странно поверить; сердце его так забилося, что он чуть не упал, колени подогнулись; он весь замер и только дикий отчаянный крик: извощик! извощик! свидетельствовал, что он жив... И он обскакал несколько улиц, несколько магазинов, наконец карета остановилась у подъезда великолепного дома; он²

— Чья карета? спросил он задыхающимся голосом у кучера с толстым брюхом и черной бородой.

— Чья?.. А тебе на что... чья?.. Господская!

— Да ты мне скажи братец чья?
— Проваливай закричал ему высоко-

¹ На полях против этой фразы: «возбужденный какимнибудь сильным внутренним движением».

² Фраза не окончена.

³ На полях вдоль страницы против диалога у подъезда дома: «С русским человеком такие вещи случаются. Ему стоит только задуматься сильно о какомнибудь деле и о выгодах, которые оно может дать и он тотчас принимается распоряжаться как будто уже дело сделано и выгоды получены и опоминается только тогда когда почувствует сов[ершенную] нужду в кармане...»

кой гайдук и карета въехала в ворота...³.

Он целые три часа до самого вечера ходил взад и вперед около дома; но никто не вышел позвать его... «Видно муж дома!..[*]» подумал он и грустно ушел... А на другой день он уже с утра был тут и не смотря на то, что и этот день и другие был тот же успех — он ходил как накануне праздну, гордо держал голову — ему все мечталось о любви, о деньгах, которые она ему предложит, и о том, как он от них будет после отказываться — и он ел у Изнера, не снимал перчаток даже и на Мещанской, которую глубоко презир[ал] и после, когда год проходил, принужден был закладывать последние вещи на скудный обед...¹

Он знал наизусть несколько стихотворений гр. Ростопчиной, читал Одоев[ского?] и Солл[огу-ба?...] о прочих отзывался с презрением.

Читатели назовут его смешным и (2 нрзб.), но пусть загляну[т] в себя. Я знаю, что не один он. В нем только резко отразилась болезнь, молодой человек²

И он погиб бедная жертва хорошего тона, аристократ[ки] бы[ли]³ И Петербург будет равнодушно смеяться над ним за то, что резче других отразилась на нем страсть, волнующая все петербургские души — страсть невинная, но достигшая степени, на которой и самые невинные страсти становятся гибельны!

Разные бывают судьбы людские и разные бывают несчастья. Иной глядит как будто только что проглотил тухлую устрицу³.

(для II-й главы).

Станным образом приобрел он себе друга. Раз как-то был он на

¹ На полях вдоль этой фразы: «Ты беден? спрашивает она: Беден отвечает он, ваше сиятельство».

² Фраза не окончена.

³ Фраза не окончена

Крестовском острове и уже поздне[м] вечером зашел в трактир. В трактире около буф¹

Раз как [то] гуляя на Крестовском,² он зашел в трактир из всего что тут происходило он мог только заметить, что тут били какого то маленького человечка в коричневом фраке с металлическими пуговицами, который, совершенно растерявшись и не зная куда кинуться от сыпавшихся на него ударов, — петушился уже из последних сил, но все еще повторял с каким-то жалким задором и повторял осыпаемый ударами: «Вы меня не смеете бить! не смеете! Эй, говорю худо будет... Завтра же, вот увидите, завтра же вас всех заберут... Я... я... вы не знаете что ли кто я!».. Но высокорослые господа продолжали свое дело, не обращая внимания на жалкие угрозы маленького человечка. Приятель наш с большим любопытством и даже с некоторым увлечением, потому что редкой русской человек не отдаст должной справедливости ловко-данной затрещине, даже если оно пришлось по его собственному затылку — приятель наш с большим любопытством смотрел на происходившую картину и только мысль, что ему неприлично было бы вмешиваться в такую грязную сцену удерживала его от восклицаний, которые испускаются в таких случаях. Он уже хотел уйти подвигнутый этой мыслью, как вдруг высокорослый господин, долго не обращавший внимания на угрозы маленького человечка, закричал ему:

— Благородный человек! Много вашего брата благородных-то по бильярдным шары воруют!.. А ты вот деньги-то заплати.. Играешь на бильярде да не платишь денег!.. А еще называешься князь!

¹ Фраза не окончена.

² На полях против этой фразы: «не смотря на сыпавшиеся на него со всех сторон удары петушился изо всех сил и кричал неистово».

³ Записки Отд. рукописей, т. VI.

Откуда взялась в приятеле нашем и храбрость и сила...

— Стой! закричал он, ворвавшись в толпу. — Что здесь происходит... Драка! Как вы смеете драться здесь... бездельники!

И приятель наш высыпал целый короб¹

Приятель наш сам не ожидал действия какое произвела его выходка. Хотя ни наружность его ни одежда не могли подать мысли о праве его унимать драку, однакожь высокорослые господа тотчас подобострастно отступили. Узнав в чем дело, приятель наш поспешил заплатить одному из них три целковых проигранные на бильярде маленьким человеком (и из которых вышла ссора) и поспешил к маленькому человеку.

— Здоровы-ли вы, князь? Не <больно ли> ушибли-ли вас...

— <Еще бы! (нрзб.)> Я думаю-с! Били, били мошенники, а вы еще спрашиваете не ушибли².

Может быть, сам того не зная он употребил прекрасную меру, самую решительную, которая оказывалась действительной и в случаях более важных. Никто не спросил, кто он и имеет ли право сам ввязываться к делу, но толпа тотчас боязливо раступилась, а высокорослые господа даже подобострастно потупили глаза...

— Не ушибены ли вы, князь? спросил он с участием. Не нужно ли вам чего?.. Сделайте одолжение, князь, я весь к вашим услугам.

— Ничего-с отвечал князь... А ушибен ли я знают мои бока да спина...

¹ На полях против этой фразы: «Известно, что употребленный нашим приятелем способ есть в таких случаях самый действительный — он оказывается действительным даже и в случаях более важных».

² Начиная со слов: «Приятель наш сам не ожидал...» все было зачеркнуто, но потом, видимо восстановлено, так как на полях рукою Некрасова написано: «Чисто!», что обычно обозначало восстановление зачеркнутого текста.

— Не нужно ли вам будет к доктору. Сделайте одолжение, князь, я весь к вашим услугам.

— Нет-с к доктору не нужно-с... А вот если ваша милость будет прикажите мне дать стакан ромашки-с!

Такое требование несколько смутило нашего приятеля. Однакож он¹

(Сургучов). Для II-й главы.²

Пора уже познакомить читателя с князем, о котором так часто говорит Побегушкин. Уже одно слово князь пугает читателя предубежденного против повестей с князьями и графами теми господами сочинителями, которые любят изображать большой свет и всяких аристократов, у которых им не удавалось быть и в прихожей. Но опасение читателя напрасно: мы совсем не намерены подражать тем господам сочинителям; скажем больше: если б приятель Побегушкина принадлежал к большому свету, почему либо мог назваться аристократом, то мы не решились бы даже сделать его действующим лицом нашей повести. У нас на то есть свои причины, смеем уверить читателя, весьма уважительные. Но приятель Побегушкина только и имел в себе особенного, что родился князем, а во всем остальном совершенно, как две капли, походил на тех мелкотравчатых господ, с которыми суждено нам еще много раз встретиться в продолжение нашей повести³. Он происходил от тех родителей, которые с званием однодворцев соединяли древнее княжеское звание, мешавшее им посвятить себя какому нибудь ремеслу или промыслу (ибо такие занятия почитаются у нас предосудительными для всякого принадлежащего к высшему сословию и даже

¹ Фраза не окончена.

² Помета слева на полях рукою Некрасова.

³ На полях против этой фразы: «и при встрече с которыми читатель не задумается отнести их к мелкотравчатой мелкоте чело[веческого] рода»

для имеющего чин).. Отец и шесть дядей нашего князя сносили судьбу свою довольно терпеливо (ибо к счастью хорошо были приготовлены к тому воспитанием) и только одного не могла переносить их княжеская гордость¹

Ух! Легче стало на душе и слово ложится свободнее на бумагу. К несчастью, у нас еще так много читателей, ищущих в книге того, что они называют полезным для ума и приятным для сердца и возмущающихся всем, что сколько нибудь представляет жизнь действительную несколько не подрумяненную, что подобные оговорки необходимы. Не оговорись — иной охотник почитать схватился бы за мою статью, прочел бы несколько страниц, зачитав не захотел бы не дочитать (по привычке многих читателей), а дочитав приобрел бы себе полное право бранить вас. Ясно, что оговорившись вы избавили бы читателя от нескольких часов скуки, а себя от хулителя, может быть беспощадного. Способ прекрасный и необходимый и я вперед обещаюсь уведомлять читателя в начале каждой будущей повести.

Побегушкин употребил все усилия, чтобы снискать дружеское расположение князя, что вообще не стоило труда, ибо князь был сам радехонек человеку, на счет которого можно было хоть изредка попить и поесть, — а сему способствовало притом одно особенно счастливое обстоятельство. Надобно знать, что²

очень легко, ибо сам он ничего так искренно не желал как найти чело[веческого] века, на счет которого во имя дружбы можно было пить и есть. Квартиры своей князь не нанимал может быть потому, что нанимать ее было не на что, а жил у своих пансионских товарищей, которые

¹ Фраза не окончена.

² Фраза не окончена.

любили его за то, что он играл между ними роль шута и позволял щелкать себя по носу (слабость к которой сильно склонны очень многие петербургские молодые люди). Но князь имел свои слабости. Не говоря уже о том, что иногда обстоятельства заставляли его надевать чужие панталоны, — он просто чувствовал какое-то непобедимое влечение к чужому платью¹ и к числу их принадлежала слабость носить чужое платье. Не то чтоб он любил щеголять; нет! если бы он мог иметь много собственного платья, он быть может надевал бы его без особенного удовольствия, но при виде хорошего жилета, сертука или шарфа, в нем тотчас возникало неотразимое желание надеть его и он часто достигал цели особенным образом. Он никогда не выходил со двора раньше приятеля, у которого жил, но как только тот уходил, он тотчас надевал вещь, которая ему особенно нравилась или которой не доставало в его гардеробе и пускался франтить по городу.

Приятель сначала не замечал, потом терпел пока хватало терпения, но наконец, несмотря на всю его любезность, дело кончалось таки тем, что приятель выгонял его с квартиры, замечая ему: «ты, братец, свинья! в тебе²

Ты бы давно сказал, братец, что я тебе в тягость, что тебе жаль стакан чаю... я бы давно с радостью... что мне жить что ли негде?.. Я никому в тягость быть не намерен!..

И князь уходил с достоинством, насвистывая польку.

А еще князь! кричит ему вслед ему с злобной радостью угрюмый лакей, питающий как и все его собратья какую-то безотчетную злобу к нахлебникам и всяким голодным приятелям своего барина...

Он уходил к другому, крепился сколько хматало сил, но и здесь

¹ Фраза не окончена.

² Фраза не окончена.

как[ой]-нибудь красивой жилет, коричневый фрак с стальными пуговицами (князь любил цвета яркие) или какая нибудь голландская рубашка с кружевами на манер пены (князь не щадил даже и рубашек своих приятелей) повергали его в искушение, которому он не в состоянии был противиться. Случилось так, что именно около времени встречи с Побегушкиным, он рассорился с последним своим приятелем и решительно не знал где жить. Потому не трудно догадаться, как рад был князь вниманию Побегушкина и готовности его на угождения. В тот же вечер он поехал к нему ночевать, а через два дни уже щеголял в его старом сюртуке (ибо эта часть одежды князя, как более других пострадавшая во время битвы в крестовском трактире, совершенно не годилась к употреблению). Болезненно сжалось сердце Побегушкина, когда он, возвращаясь однажды из департамента, встретил князя на Невском проспекте в собственном своем жилете, который он только что сшил и на эффект которого много расчи[тывал]. Однакож он ничего не сказал князю, потому что они в тот день только что начали говорить друг другу ты (вождевленное обстоятельство, которого робко желал Побегушкин и не смел надеяться).

Но прежде чем я приступлю к рассказу, я должен предупредить читателя, что я поведу его по грязной лестнице, в грязные комнаты, к грязным людям. Я ставлю здесь слово грязный в том смысле, в каком понимают его многие читатели. Не великие страсти, не возвышенные порывы и не аристократические страдания намерен я изобразить здесь, но я хочу ввести читателя [в мир людей] обыкновенных и бедных, каких, всего больше на свете и которые всегда останутся такими, если мы будем пробегать мимо них, зажав нос и отвернувши лицо—я хочу ввести их в интере-

сы тех желтых и костлявых старух, которые целый день просиживают над десятком гнилых яблоков, чтоб взять на них грошь барыша, посвятить их в тайны их сетований, их радостных ослаблений, которые даже нельзя назвать улыбками; тех в страдания и радости тех увечных и сгорбленных убогих и морщинистых стариков, которых глубокие и частые вздохи наполняют воздух неблагоприятными простой водки, которых радостигрубы, страсти дики, но в которых также¹ тех бледных и дрожащих мальчиков, которые сначала² тех оборванных и отвратительных женщин, которые сначала с подавленными слезами украдкой протягивают к вам руку и краснеют, потом хохочут и пьянствуют, потом пьянствуют и воруют, тех бледных и болезненных мальчиков, которые с протянутыми ручонками дрожат на улице от холода, но боятся ити

Повесть «Сургучов» писалась Некрасовым, повидимому, в 1843 г., одновременно с повестью «Жизнь и похождения Тихона Тросникова». В этом удостоверяет нас набросок одной из самых ранних редакций начала повести, написанной Некрасовым на том же листе, на котором написан отрывок из повести «Жизнь и похождения Тихона Тросникова». Повесть «Сургучов» не была за-

ВАРИАНТ К ПОВЕСТИ «КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ»

Но сильнее ужинов, мелких услуг и лести поддерживал сочувствованием даже делал необходимыми в литературном кругу их язык, покорный и неутомимый, которому светила кружка могли давать по собственному произволу какое угодно направление в твердой уверенности, что «потребная мысль» похвала, порицание, новость, мнение—все будет пущено в ход с невероятной

¹ Фраза не окончена

² Фраза не окончена.

домой, потому что там ждут их побои голодной и пьяной старухи, увечного, ожесточенного нищегою. отца. Словом, я поведу вас в мир людей, которых страдания мелки и темны, радости грубы, песни простонародны и полны подавляющей камнем на душу налегающей грусти, стремления дики, рубища отвратительны, но которые также люди, в которых также закинута искра божественная, может быть совсем погасшая. Если вы принадлежите к тем, которые торжественно объявляют таких людей настоящими вниманием, такие картины грязными, возбуждающими отвращение — бог с вами! Не для тех я пишу, кто завидев несчастного, умирающего от смрадных ран, зажав нос, торопятся пробежать мимо, но кто спешит к нему с помощью и утешением, тот поймет мою цель. К ним¹

кончена Некрасовым. В Отделе рукописей имеется всего шесть отрывков повести. Мы публикуем здесь из них три в ранней наиболее полной редакции, опуская три остальных отрывка, которые по существу не дают ничего нового в смысле раскрытия содержания повести, а лишь показывают различные стадии работы Некрасова над текстом.

скоростию и таким же искусством. Не должно думать, чтоб такие вещи делались вследствие предварительной стачки. Избави бог! Как между литераторами, так и между сочувствителями господствовал дух правдивости, может быть, потому, что светила кружка отличались действительно честностью, или говоря литературным языком добросовестностью; дурные поступки подвергались здесь строжайшему осуждению

¹ Фраза не окончена.

неоднократно решаемо было такому-то не подавать руки, за то, что он, как оказалось, дурно обошелся с своей женой; а такому то¹ самый последний сочувствитель гнушался быть орудием кого бы то ни было; каждый хотел иметь свое мнение, всего более хлопотал о самостоятельности. Но поклонение светилам было так безусловно, что стоило одному из них пустить в ход какую угодно нелепость, чтоб через час все дилетанты повторяли ее между собой и своим приятелям, попадающим на Невском. Ревность их к славе своих патронов доходила до такой степени, что если какой-нибудь литератор, не согласный с общим мнением резко отзывался о превозносимом произведении, то сочувствители доходили иногда до такой дерзости, что накидывались на него и обвиняли его в пристрастии, в зависти, такие нечастые впрочем пассажи оканчива-

Время написания повести с точностью не установлено. К. И. Чуковский предполагает, что она могла быть написана не ранее 1861 г., т. е. когда Некрасов окончательно порвал с людьми 40-х годов. Нам же казалось бы более вероятным предположить, что повесть была написана в 1846—1847 гг., в самый разгар нападок на Достоевского в кружке Белинского, когда была написана Тургеневым эпиграмма на Достоевского и проч. При жизни автора повесть не появилась в печати. Впервые была опубликована К. И. Чуковским в книге: Н. Некрасов. Статьи и материалы. Л. 1926. Здесь же К. Чуковским был дан обстоятельный комментарий, вскрывающий житейские

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ТОНКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Среди незнакомой местности сам друг с приятелем: «добродушен» на смешлив, но добр, а еще более одержим желанием казаться холод-

¹ Фраза не окончена.

лись обыкновенно к стыду чрез меру хвативших в своем усердии сочувствителей; ибо взбешенный их наглостью литератор наконец серьезно принимался доказывать свою «мысль» мнение о недостатках спорного произведения к нему приставали другие литераторы и часто с ним соглашался даже сам автор. Тут надо было видеть замешательство бедных сочувствителей, впрочем оно было непродолжительно. Они круто поворачивали в противоположную сторону, замечали, что им самим начинало казаться и пр.

«Два дни на Невском проспекте только и было толков о Каменном Сердце между»

Вскоре после посещения Решетилова к Ветлугину убежал Баланкеев, Решетилов поговорил и с ним о Каменном Сердце. От него Решетилов побежал на Невский Проспект, и через полчаса все сочувствители знали о гениальной повести.

прототипы выведенных литературных персонажей. Затем была перепечатана в книге: Н. Некрасов. Тонкий человек и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил Корней Чуковский. «Федерация», М. 1928, стр. 231—268. (Вступит. очерк—стр. 189—230). Заглавие повести дано К. И. Чуковским.

Публикуемая нами страница представляет собою вариант отрывка о литературных сочувствителях. В этом варианте интересна психологическая характеристика литературных сочувствителей, развернутая более подробно, чем в печатном тексте. Особенно подчеркнуто здесь их значение, как распространителей тех или иных мнений.

ным «добрым» и гуманным, как человек современный и развитой, — желанием, которого он иногда достигал с таким совершенством, что мог ввести вас в заблуждение, пока наконец не прорывался каким ни-

будь характерным словом, которое сразу выказывало его заматерелоснобскую натуру как будто лопнут прелые швы английской байки, и из под модного пальто, из под эксцентрической дорожной фуражки выглянут на минуту на свет божий пестрой халат и бритое темя урожденного продавца благовонных мыл, бритв и халатов татарина.

Ночевать бы нашим приятелям на дороге, под проливным дождем, еслиб вдруг, среди завываний холодного ветра, не послышался в стороне лай собаки... Какое сильное магическое действие произвел он на все население тарантаса. Встрепенулись люди, поднялись и насторожили чуткое ухо продрогшие собаки. Ямщик первый возвестил о нем радостным криком и бросился по его направлению искать дороги к близкому жилью. Грачев вышел из своей натянуто спокойно[й] роли и очень простодушно выразил свое удовольствие восклицанием: «батьюшки! да ведь точно лает собака», — а Тросников импровизировал целый монолог, который откинув сатирические вставки тонкого человека можно перенести в книгу таким образом:

— Хорошо знаю и люблю вас, собаки! — люблю весь ваш честный род, от кровного английского понтера до последней жалкой дворняшки! Все вы так или иначе полезны человеку. <Я не намерен здесь повторять анекдотов о подвигах собак, но скажу, что> один лай собаки иногда отраднее голоса дружбы, встречающей нас радостным криком на пороге родного дома, даже твоей дружбы, Грачев. Ты смеешь-

Повесть «Тонкий человек», по указанию К. И. Чуковского, написана Некрасовым в 1853 или 1854 году. При жизни автора было напечатано только начало повести в «Современнике» 1855, 1. Первые полностью повесть была опубликована К. Чуковским по рукописи, хранящейся в Ленинграде в Пушкинском доме Академии Наук СССР, в книге:

ся, ты находишь мое сравнение низким и тривиальным, но те не будут смеяться кому случилось «без дороги в путь отправиться» (не из прихоти как мы теперь [..]) кто уставал и дрогнул, не видя в перспективе ничего, кроме ночлега в болоте, а еще пуще, если был не один [и должен] сопровождать в пути милых сердцу. <больных и очутишься в положении наших друзей. (Я прошу Петербургскому жителю покуда напомнить, что железная дорога существует только между Петербургом и Москвой, что шоссе перерезывает Россию только от главных трактов, и что в нашем обширном отечестве много людей, которые целыми семействами делают огромные переходы минуя шоссе и железную дорогу).

Да я утверждаю, что голос собаки иногда слаще голоса дружбы даже твоей Грачев не тебе понять что собаке принадлежит еще важная роль в русской жизни, не твоему Раппо и не моей Дианке, конечно. Все эти офени, коробейники и другие ходобщики, которые делают пешком по четыре тысячи в год>.

Афени, коробейники и всякие ходобщики делающие по России пешком тысячи по четыре верст в год все проселками, скажут тебе какую еще роль играет в России собака, конечно, не твой Раппо и не моя Дианка. Вообрази еслиб теперь был мороз градусов в тридцать, а сколько людей бывали и еще будут именно в таком положении — и кто спасал их, если они спасались? Собаки! Да я утверждаю что голос собаки иногда слаще голоса дружбы.

«Тонкий человек и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил Корней Чуковский. «Федерация». М. 1928, стр. 23—186». Публикуемый нами листок, повидимому, случайно отделился от основной массы рукописи, чем и объясняется пробел в печатном тексте, отмеченный на стр. 73 вышеназванной

книги. Наша публикация этот пробел исполняет.

Повесть имеет автобиографическое значение. Здесь под фамилией Тросникова, уже встречавшейся в более ранних по-

вестях («Жизнь и похождения Тихона Тросникова», «Повесть о бедном Климе»), Некрасов выводит себя. Подробнее об этом см. в вышеназванной публикации К. И. Чуковского.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

<Действие>. Часть первая.

ЛЮБОВЬ

Комната в доме Гребенникова — большая, загроможденная великолепной мебелью, доказывающею неимоверное богатство и отсутствие вкуса.

Явление I

ЛЮБОВЬ

Любовь перед зеркалом рассматривает головной убор; Василиса, перед другим зеркалом, поодаль, ближе к двери; Дуняша, держащая в руках бальное платье; на стульях картонки:

ЛЮБОВЬ,

любуюсь собой в зеркало.

Прекрасно! Когда я надену это платье, этот чудесный головной убор.. этот браслет... ах, браслет!.. это будет восхитительно... Как вы думаете Василиса Степановна..

ВАСИЛИСА с досадой

Браслет! браслет! разносилась с своим браслетом! По настоящему этот браслет совсем не твой, а мой. Я и отыскала его... мне он так понравился!.. Я упростила папеньку поехать с нами, посмотреть.. Вдруг ты пристала «мне мне, папаша! мне... в слезы — точно пятилетняя девочка... Уж мне только не хотелось папеньку при ювелире стыдить.. ссору с тобой заводить... да тут еще офицерик какой-то пришел.. ах чудо! он все на меня смотрел..

ЛЮБОВЬ

Ну уж на тебя! совсем и не думал..

ВАСИЛИСА

А то уже не быть бы у тебя этому браслету..

Полноте, Василиса Степановна! Где вам такие браслеты носить... Ведь этот браслет сделан для княгини... слышите ли Василиса Степановна... для княгини?.. Вам я даже не советовала бы и на балы то ездить... с вашим именем... Я всегда краснею за вас... Василиса... точно кухарка какаянибудь. Еще вчера я сижу у генеральши.. разговариваю с племянницей.. вдруг она как закричит Василиса... Я так вся и вспыхнула... Горничных только так называют!

ВАСИЛИСА

Да разве я виновата! Ведь это наш мужик-отец такое имя мне выбрал... (Дуняше). А покажи-ка сюда башмаки! Жаль, что до бала осталось только два дни... А то я бы себе непременно заказала бы такой же браслет.. ювелир говорит, что никак не успеет..

ЛЮБОВЬ

Ничего! съездишь и без браслета. (Дуняше, которая несет к Василисе башмаки). А покажи сюда перчатки, что прислала мадам Перар..

ДУНЯША

(приостанавливается на минуту среди двух сестер и потом идет к Василисе, чтоб подать прежде башмаки)

ЛЮБОВЬ

делает к Дуняше движение; Дуняша в испуге поворачивает назад и идет к стулу, чтоб взять перчатки.

ВАСИЛИСА кидается за Дуняшей.

Да подай же сюда башмаки!

ЛЮБОВЬ грозно

Перчатки!

ДУНЯША,

совершенно потерявшись и останавливаясь

Ах, сестрицы, да ведь у меня не десять рук!

ЛЮБОВЬ с гневом

Что? что? Ты еще грубишь... Ах ты капризница! вот еще! Да ты бы теперь по миру таскалась... нищая! Поят, кормят ее...

ВАСИЛИСА

Платье новое недавно еще папаша подарил.. Белоручка!

ЛЮБОВЬ

Колода неповоротливая!

(Бросаются к ней обе: Любовь вырывает перчатки; Василиса башмаки)

ЛЮБОВЬ

Надобно выбрать перчатки... на прошлом балу у меня, я так сконфузилась, вдруг лопнула левая перчатка...

ВАСИЛИСА

рассматривает башмаки.

Ну так и есть!.. Те были малы... у меня на другой день все ноги раздуло... а эти велики... Дуняша! Поди скажи скорей, чтоб сходили за башмашником! (Дуняша быстро уходит) Этот папаша совсем об нас не заботится: гадкого башмашника прислал... только возится все с своими откупам! Ох уж дал бы бог поскорей вырваться из этого проклятого дому!

ЛЮБОВЬ

Да пора.. ведь уж тебе кажется двадцать шесть лет; еще год другой так и не вырвешься. Капризничала.. все думала выйти за графа... за барона... куда какая красавица... а теперь и какомунибудь жениху была бы радехонька!

ВАСИЛИСА

Разве Виктор Иванович какойнибудь жених?

ЛЮБОВЬ (хохочет)

Да с чего ты взяла, что он на тебе женится?..

ВАСИЛИСА

Он еще вчера мне говорил, что меня обожает.. и так все на меня смотрел.. ах! У него такая приятная улыбка... Как он хорошо говорит!

ЛЮБОВЬ

Дура! Он над тобой смеялся, а ты и поверила... Уж скорей если на то пошло, так он в меня влюблен... да только я еще подумую..

ВАСИЛИСА

Рассказывай... а я так знаю свое.. Он даже мне сказал вчера... «а знаете ли что Василиса Степановна... Я ведь пожалуй, говорит, на вас жениюсь... Ну что краснеете?.. потупили глазки... а, махнем-ка?» а сам книгу в руках вертит.. Раскланивается... подает мне книгу и говорит.. прочтите эту страничку-с Марлинский отличнейший сочинитель... Я взглянула,—тут целые пять строк подчеркнуты карандашом... вот ей богу... Я прочитала и так даже вся покраснела... Я должен или обладать вами—или пистолет решит мою участь. Решите!

ЛЮБОВЬ, в сторону

Неужели она правду говорит? (громко). Смотрите какую чепуху наплела... хоть бы и умной... ха, ха...

ВАСИЛИСА

А вот не чепуха! Хоть книгу сейчас покажу... (кричит) Дуняша! Уж нечего тут толковать: он на мне женится. Вот видишь поскорей тебя жениха нашла!

ЛЮБОВЬ

Поскорей! А Викентий-то Александрыч!.. Да он вот полгода за мной ухаживает.

ВАСИЛИСА

Штафирка-то! Рябчик, как Виктор Иванович не скажет (глупо смеется). Ах, милашка! Вот хорошо как ты вдруг выйдешь за штафирку! Тот я над тобой посмеюсь.

ЛЮБОВЬ

Захочу так выйду и за твоего Виктора... (думает и говорит в сторону) только мне кажется, за А Kentия-то Александровича будет выгодней... даром—что он штафирка! (громко) Виктор Александрыч через три много через четыре года будет генералом. Меня будут называть «ваше превосходительство».

ВАСИЛИСА

Ну еще когда будет... да на лбу ведь у него и не напишут...я с моим Виктором по Невскому проспекту иду.. в театр еду... мне всякий солдат честь отдает... эполеты, шпоры, султан... да он и гораздо гораздо моложе... и лицо у него такое приятное...

ЛЮБОВЬ

Ну уж приятное! Один нос чего стоит... как слива... точно у папеньки... <можно пять выкроить>.

ВАСИЛИСА

Пустяки! Со злости выдумала!.. У твоего-то нос в тысячу раз длиннее.

ЛЮБОВЬ

Вздор! нос самый настоящий... как должно у благородного человека... прекрасный нос, чудесный.

ВАСИЛИСА

Прескверный. Вот хоть у кого хочешь спросить... Дуняша! (после некоторого молчания). Куда запропала эта проклятая девчонка? (Входит Дуняша) Куда тебя чорт носил?.. У кого лучше нос: У Виктора Ивановича или у Акинфия Александровича...

(Дуняша молчит)

Говори же!

ЛЮБОВЬ

Говори!

ДУНЯША

У.. у.. (смотрит то на ту [то] на другую сестру) право я не знаю.

СЕСТРЫ одна за другой

Говори! Говори!

ДУНЯША

У Виктора Ивановича!

ЛЮБОВЬ

(бросаясь к Дуняше)

Так-то? а!.. Вот я сегодня в последний раз надела это платье... «подарю, думаю, завтра Дуняше...» так вот нет же тебе... судомойке какойнибудь подарю!..

ВАСИЛИСА ласково

Ничего, Дуняша... Я тебе свое лиловое отдам. Я его только раз надевала.

ДУНЯША скромно

Не надо мне сестрицы никакого платья... у меня и так много.

ЛЮБОВЬ

Ты вечно балуешь эту девчонку! Вот от того у нас толку и не выходит! Рада на шею повеситься только бы тебе потакала. Стыдно за тебя при чужих: другой подумает что ты ей равная.

ВАСИЛИСА спохватясь

Совсем я не думала ее баловать... Я очень знаю что я такое и что она, а просто так... Отчего же и не подарить, когда платье мне не нравится. (Дуняше, строго по прежнему) Сказала ты чтоб послали за башмашником?

ДУНЯША

Сказала-с.

ВАСИЛИСА

Да отвечай как следует, что ты через зубы-то цедишь.. куда смотришь-то? ведь я с тобой говорю!

Поддай ка мне посмотреть бальное платье!

(Дуняша подходит с платьем)

Разважничалась с своим штафиркой нос как у гуся.. да что говорить! По себе выбрала... такой же красавец ни дать ни взять как ты.

ЛЮБОВЬ

Я?.. Да получше тебя... на меня летом на Петергофском гулянье все офицеры смотрели, а в Екатерингофе, помнишь? даже один смотрел, смотрел да и говорит: «шарман персонь!»

ВАСИЛИСА

Это про меня он сказал.

ЛЮБОВЬ,

Про тебя? Дождись!.. На лице красные пятна. Расплылась как купчиха... (Дуняше) Возьми перчатки!

(Дуняша берет перчатки и идет, чтоб положить их где взяла, в картон)

ВАСИЛИСА

Платье!

(Дуняша, не успев положить перчатки, быстро возвращается к Василисе).

ЛЮБОВЬ

Ходит, разваливается как ступа.. Мне даже стыдно с тобой гулять... Уж верно нас за мещанок какихнибудь принимают! Квашня!

ВАСИЛИСА

Пиголица!

ЛЮБОВЬ

Старуха! Уж у тебя скоро усы пойдут. (Дуняше с гневом) Да положи-же перчатки на место... разве не помнишь где взяла?

(Дуняша идет к картону)

ВАСИЛИСА

Я квашня, я старуха... (кидается за Дуняшей) Да долго ли я буду ждать платья? (Щиплет Дуняшу так, что та вскрикивает и роняет перчатки)

Вот как я ее балую!.. Я квашня, я старуха, а ты пиголица, ты рябая... вот уж мне так стыдно с тобой ходить... всякий как взглянет на тебя такую гримасу сделает... Вот и наемни князь Дорожинский...

ЛЮБОВЬ

Лжешь, лжешь (бросаясь к Дуняше и толкая ее) Да подбери перчатки-то мерзкая девчонка! Это как на тебя взглянут так смеются... (Дуняше, которая хотела уйти) Куда? Стой здесь и не смей уходить, пока тебе не прикажут.

(Дуняша смиренно становится у дверей; на глазах ее видны слезы)

ВАСИЛИСА Дуняше

Ступай!

ЛЮБОВЬ

Прошу не умничать! будешь распорядиться, как выйдешь замуж, а я у папаши, слава богу, не последняя... не прошу мне указывать...

ВАСИЛИСА

А меня-то папенька меньше что ли любит?.. Еще побольше тебя.. Мне стоит только сказать.. Он для меня все сделает. Он и сам видит, ты злишься все...

ЛЮБОВЬ

Да, да все для тебя делает... очень любит... а меня терпеть не может... я из него ничего не могу сделать... а вот — браслет... вот все таки на балу у меня у одной будет такой браслет...

ВАСИЛИСА

Браслет... браслет... (бросаясь к ней, со слезами бессильной злобы) Отдай мне этот браслет... это мой браслет... ты просто у меня его украла... (плачет от досады).

ЛЮБОВЬ

Нет, не украла, а просто папенька мне его подарил...

Явление II

Те же и Аграфена Степановна¹.

В. И. Викен[т]ий Александрович наше вам-с. Как господин грешкам терпит.

Викент Ал. Каким грешкам?

В. И. Ну, как каким? Вот уж сейчас и видно штатского — все на политике. А у нашего брата военщины—вся душа наружу. Грешим и мы — любим кутнуть с товарищами, что скрываться. Да ведь наши грехи что — а если и погрешим—пуля—дура как раз очистит. А вы — дело известное — в канцеляриях пуль не бывает — а доходы бывают.

Викент. Алекс. Позвольте—как я должен понимать ваши слова... признаюсь — такое с вашей стороны обращение — знаете — будучи всегда в таком кругу, где люди понимают свое достоинство — я не привык...

Викт. Ал² Ну, вот—ведь я знал, что рассердится. Эх, вы фрачники—всех бы вас в наш эскадрон — небось забыли бы дуться за шутку. Там у нас тоже никто не даст наступить себе на ногу — и раз был из этого такой анекдот — (обращаясь ко всем с любезною улыбкою) Я после расскажу вам его. — Но главное у нас — товарищество и чтоб все было по чистой откровенности. А коли когда случится с кем огрызнуться — шампанск[ое] — чокнулись — выпили — бокалы о шпоры — и конец делу. Да что много говорить... Викент. Алекс. — по нашему — коли я не так что сказал — по рукам да и обнимемся (наильно обнимает его, а тот морщится) Вот как! по братски — оно же кстати — ведь может и родней будем (лукаво посматривает на Любовь и Василису).

Викент. Алек. (обраща-

¹ Страница кончается. Далее нескольких листов нет.

² Так в автографе.

ясь к Степ. Петр.) Да, Степан Петрович! Идя с вами сюда, я заметил из некоторых ваших слов — и если мои соображения меня не обманывают... Любовь Степановна... Но вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать?

Викт. Иван. Позвольте, я вижу без меня дело не обойдется. Степ[ан] Петр[ович]. Ведь как оно у вас там в купечестве в старину говаривалось: у нас есть купец, у вас есть товар... Ха! ха! ха!

Любовь Степ. (в полголоса). Вишь всякая голь купечеством тычит, а сам — чорт его знает кто такой — много голи-то дворян...

Викент. Ал. (к Викт. Ивановичу). Милостивый Государь, позвольте вам заметить — в своих делах я сам привык за себя говорить.

Звонков. А я то разве не о себе тоже говорю? Эх — вы, штатские политики. Мы, военщина, всякое дело — приступом брать, да и другим помогать. Да что вздор-то болтать? Ну, ка — (1 нрзб.) Степан Петрович — позвольте рапортом отнестись — отец и командир — в вашу роту хотим — вот я и Викентий Александрович — велите ка внести нас в списки — меня по части Василисы Степановны, а Викентия Александровича по части Любови Степановны (обращаясь к Василисе) с видом удалства). — Вот делишко и отвертел! — Ну (растапыривая руки) теперь прямо на крепость (бросается на шею к Степану) Петр[ович]у — обращаясь к остальным) повесимся на нем — ух какой высокий—нагнитесь голубчик—(3 нрзб.)

Степан Петрович. Очень рад, Виктор Иван[ович], но позвольте — дело серьезное — я отец — к таким делам не так приступаю.

Викент. Именно... позвольте вам заметить — я вас вполне понимаю — брак такое священное дело, которое — так сказать — соединяет людей на всю жизнь... А жизнь прожить — не поле перейти — тут

есть о чем подумать... Итак, Ст[е-пан] Петрович, если то, о чем я имел столько важных соображений, неоднократно мною сообщенных вам тонкими намеками...

Степан Петр. Ваше предложение делает мне истинную честь — не знаю как и благодарить вас за него, Викентий! Алекс[андрович]. Я вас всегда знал за человека солидного. Любя больше всего на свете моих дочерей, я и мечтать не смел о большем счастье. Вручая вам мое сокровище, я могу остаться совершенно спокоен...

ПИСЬМА НЕКРАСОВА И К НЕКРАСОВУ

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в различных собраниях имеются неопубликованные письма Некрасова к следующим лицам: М. В. Белинской 3 п. (1854, 1857 гг.), М. А. Веневитинову — 1 п. (1876 г.), Н. Х. Кетчеру — 4 п. (1845, 1847, 1848 гг.), П. А. Козлову — 1 п. (1873), неустановленному лицу (Константину Константиновичу) — 2 п. (1873 и б. г.). В настоящем номере «Записок» публикуются четыре письма 1870-х гг. Остальные письма будут помещены в следующем номере.

Публикация писем к Некрасову по существу является дополнением к письмам, опубликованным в «Архиве села Карабихи». Письма эти, до сих пор еще не использованные исследователями, дают интересный материал, освещающий полнее литературную и общественную деятельность Некрасова, его страстную любовь к охоте, широкую популярность среди различных слоев населения в самых отдаленных концах России. Поэтому мы считаем уместным довести до всеобщего сведения тексты этих писем, снабдив их необходимыми краткими примечаниями. Мы печатаем все неопубликованные до сих пор письма к Некрасову из «Архива села Карабихи», за исключением двух писем малограмотных — И. Григорьева и Е. И. Седова, одного письма незначительного по содержанию — В. А. Шмейсера и письма

Викент. А. Можете положить — вполне можете... могу сказать с гордостью —

Время написания Некрасовым публикуемого отрывка неизвестно. В нашем распоряжении нет никаких оснований для его датировки. Условно лишь можно предположить, что он был написан в 40-е годы, когда Некрасов много писал для сцены. Позже он совершенно оставил этот жанр.

Р. Маторина.

А. Я. Кульчицкого. Последнее из этих писем будет опубликовано в следующем номере «Записок». Письмо М. А. Веневитинова сохранилось в архиве корреспондента (в черновике).

Письмо Н. А. Некрасова к М. А. Веневитинову, также как письмо М. А. Веневитинова к Н. А. Некрасову подготовлены к печати П. А. Поповым. Все остальные письма подготовлены Р. П. Маториной.

Н. А. НЕКРАСОВ — М. А. ВЕНЕВИТИНОВУ

[1876] 2 апр.

Милостивый Государь,

К Отеч. Зап., которых содержание по преимуществу реальное — стихотворение Ваше не подойдет. Я посылаю его Вам обратно, полагая, что Вы его легко поместите в другом журнале. С тех пор, как мы виделись, у меня постоянная лихорадка. Потому то не мог сделать своих попыток к приисканию формы, как обещал.

Ист. уважающий Вас Н. Некрасов.

Стих. не мог найти, а причитания посылаю. Так болею, что искать не в силах.

(На конверте).

Е. В. Г-ну Веневитинову
Литейная, д. № 43, кв. 9.

Постскриптум («Стих. не в силах») сделан на левом поле письма каранда-

шом и, вероятно, позднее, перед самой отправкой письма. Карандашом написан и адрес на конверте.

Весь текст письма без т (твердых знаков).

Адресат письма — Мих. Ал-еевич Веневитинов (1844—1901), быв. директор Московского Публичного и Румянцевского Музеев (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

В архиве М. А. Веневитинова, откуда мы извлекаем это письмо («Венев. 18/57»), хранится («Венев. 12/9») и копия помещенного ниже (см. стр. 31) его письма, сопровождавшего посланные им в «От. зап.» произведения, о которых говорится в письме Н. А. Некрасова.

«Стихотворение», которое Некрасов признал не подходящим для «От. зап.», вероятно, — «Заговор на присуху (Из народных преданий)», опубликованное затем в № 15 журнала «Огонек» за 1879 г. (стр. 316—318) с примечанием (повидимому, автора), что оно «заимствовано из рукописи XVIII века» (стр. 316) и подписью: «М. Алексеев» — псевдоним наиболее часто употреблявшийся М. А. Веневитиновым.

В архиве М. А. Веневитинова сохранились («Венев. 13/25»): а) указанный выше № журнала «Огонек», б) черновой автограф стихотворения «Заговор на присуху», в) беловой список (неизвестным подчерком) этого стихотворения и г) два экземпляра типографских корректурных оттисков его, на одном из которых поправки автора и штемпель Петербургской типографии Эдуарда Гоппе с датой: «23 март. 79».

Указанные обстоятельства и ссылка Некрасова на свою продолжительную серьезную болезнь («постоянная лихорадка»). «Так болею, что искать не в силах») дают основание предположительно отнести публикуемое письмо к 1876 г., т. к. в марте—апреле 1875 г. Некрасов не был болен, а в апреле 1877 г. он чувствовал себя настолько плохо, что уже не мог заниматься редакционными делами «Отеч. записок».

Н. А. НЕКРАСОВ — П. А. КОЗЛОВУ

1873 октября 20.

Милостивый Государь

Желание напечатать Иву в От. Зап. было причиной что я так долго держал ваши рукописи. Я эту Иву читал время от времени раза четыре. Намерение мое было выправить неудачные стихи; но — извините — их оказывается более, чем удачных; хотя удачные и даже очень несо-

менно в переводе есть. Это дает надежду, что и с остальными Вы справитесь, приложив труд и терпение. Некоторые места сделавшиеся так сказать общими с тех пор, как поэма написана, следует вовсе исключить или значительно сократить.

Поработайте еще над поэмой и если будет Вам угодно опять пришлите мне ее; на этот раз обещаю не так долго держать ее; т. е. дать ответ через неделю.

Примите уверение в моем истинном уважении и преданности.

Н. Некрасов.

Козлов Павел Алексеевич (1841—1891), поэт и переводчик Байрона. Служил в министерстве иностранных и внутренних дел. В 70-х годах вышел в отставку и занялся литературной работой. Печатался в «Заре», в «Вестнике Европы», «Огоньке», «Всемирной иллюстрации», «Русской мысли» и других журналах.

В «Отечественных записках» перевод Козлова поэмы Альфреда де-Мюссе «Ива» напечатан не был.

Н. А. НЕКРАСОВ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

1
1873 января 18. Спб

Уважаемый Константин Константинович.

Посылаю Вам мой портрет и карточку, предоставляя тот и другую оставить у себя.

По правде сказать и портрет и карточка сделаны не совсем удачно, что находят многие мои знакомые да и я сам.

Впрочем это беда не большая.

Я ничего не имею против помещения в вашем издании моего портрета, но будет ли это удобно в издании для детей, особенно для начала подобного издания? Просто сказать: не повредило бы ходу книги.

Подумайте об этом да и мне дайте несколько подумать.

Н. Некрасов.

Не угодно ли Вам, любезнейший Константин Константинович у меня сегодня обедать в 5-ть часов?

Пред. Вам Некрасов.

Понедельник

В. М. АНИЧКОВ—Н. А. НЕКРАСОВУ

1

Москва. 7 сентября вечер.

Съев в Переяславле, по Вашему совету, порцию ленивых щей, с аппетитом Спорта, я успел добраться до Троицы в 7 часов 20 минут утра и уехал таки с первым поездом. Тарантас сдан мною старосте станции вольных почт в Троице, который обещал, на сих же днях, доставить его в Ярославль. Росписку старосты Трофимова при сем прилагаю. Извините за ее неопределительность; путной росписки взять не успел, но думаю что и этой будет достаточно на случай розыскания тарантаса.

Еще раз от души благодарю Вас за дружеский прием и великолепную охоту.

Дичь ваша удивила всю Москву. Турухтаны оказались дивно вкусными.

Ваш В. Аничков.

2

[1857] октября 11. Москва.

Посылая Вам обещанную статью, многоуважаемый Николай Алексеевич, прошу не церемониться с нею и если не найдете ее достойною Вашего журнала, то по прочтении возвратите.

Если же статья может быть напечатана, то прошу меня уведомить, дабы я мог через месяц приготовить другую о поездке из Константины, через Кабилию в Алжир, сушим путем.

Название статьи предоставляю Вашему усмотрению.

Всепокорнейший Ваш слуга.

В. Аничков

[На обороте 2-го листа:]

Его Высокоблагородию Николаю Алексеевичу Некрасову

На углу Литейной и Бассейной, в доме Норова.

От В. Аничкова.—При сем сверток.

Аничков Виктор Михайлович (1830—1877), генерал, военный писатель. В 1858 г. вместе с Чернышевским и Н. Обручевым редактировал «Военный сборник». В «Современнике» анонимно помещал описания путешествий.

Год второго письма установлен по содержанию.

Какую статью посылал Аничков при этом письме, не установлено. «Очерки Алжирии». Из записок русского офицера» напечатаны в «Современнике» 1857, XI, XII.

Н. П. БОТКИН—Н. А. НЕКРАСОВУ

1862 февраля 6. Москва.

Любезный Николай Алексеевич! У меня есть до тебя просьба. Не можешь ли ты дать взаймы Михайле Александровичу Языкову тысячу руб. с ер. за небольшие проценты, на год сроком. — В случае несвоевременного неплатежа, я обязуюсь заплатить за него. — Записку же эту можешь сохранить у себя как документ. —

Пожалуйста не откажи. Чем меня много обяжешь

Твой Н. Боткин.

Боткин Николай Петрович (1813—1869), второй из братьев Боткиных, пайщик известной чайной фирмы Боткиных. Много путешествовал по Малой Азии и Египту. С Некрасовым, как и со многими литераторами, был в приятельских отношениях. Письмо было приложено к письму М. А. Языкова к Некрасову (см. следующую публикацию).

М. А. ЯЗЫКОВ—Н. А. НЕКРАСОВУ

[1862 февраля 12.]

Любезнейший Николай Алексеевич, посылаю Вам письмо Н. П. Боткина, из которого увидите, что мне нужно тысячу рублей. — Он да брат мой Петр Ал[ександрович] всегда меня выручали в крайних случаях; но у Боткина на это время денег нет, а брата, живущего жалованьем и посылающего в Ницу

деньги на житье своей жене, я тревожить не смею, ибо знаю, что он без денег. Сверх того брат заплатил за меня в Январе месяце 600 р. Зиновьеву и 600 р. долгу в казну.

Вы меня одолжите очень, если денег одолжите, но не на год, а на полтора года по той причине, что жалованьем я располагаю жить, а процентные деньги предназначил бы в уплату тысячи рублей; проценты же нам, чиновникам, как я узнал, будут раздаваться не ранее полутора года, т. е. по окончании сверки годовых доходов во всем Государстве и пропуская эти счета сквозь тройной куб Государственного Контроля. Окончательная поверка совершится вероятно не ранее 1864 года.—Занимая у Вас деньги, предлагаю следующие гарантии:

- 1) ручательство Боткина.
- 2) Привычку сдерживать данное слово, которой я во всю мою жизнь придерживаюсь строго.
- 3) Законный документ
- 4) Кроме Вас я никому не должен.

Независимо от всех этих соображений, мне легче, по нашим старым дружеским отношениям, обратиться к Вам, нежели к какому бы то ни было чужому человеку. Снабдив меня тысячей, Вы не только обяжете, но, просто говоря, сделаете доброе дело.

Впрочем, мне сейчас деньги-то и не нужны,—и я даже употребляю теперь все усилия, чтобы обойтись без займа, но мне нужна уверенность и успокоение, что в случае крайности я мог бы смело обратиться к Вам.

Завтра или послезавтра я зайду к Вам за ответом, и если не найду Вас, то прошу Вас оставить дома коротенькую записочку: да или нет.

Ваш М. Языков.

Понедельник.

Датируется на основании письма Н. П. Боткина к Некрасову от 6 февраля 1862 года, которое было приложено к этому письму.

Языков Михаил Александрович (1811—1885), директор стеклянного завода и основатель библиотеки в Новгороде. Был близок к кружку сотрудников «Современника» и «Отечественных записок». Вместе с Д. Толстым и Г. Есиновым издал сочинения Антиоха Кантемира. Спб. 1836.

М. А. ВЕНЕВИТИНОВ—Н. А. НЕКРАСОВУ

[СПБ. Начало 1876].

М. Г. Н. А. Заклинания Ролла и других героев А. Мюссе, монолога Байроновского Манфреда и Гетевского Фауста приучили нас к мысли, что одна западноевропейская литература способна дать нам образцы энергии мысли и силы выражения, которых тщетно будем мы отыскивать в произведениях отечественных писателей. Если мысль эта и не лишена некоторых оснований, то не писателей следует обвинять в невольном ограниченном полете их вдохновения, разбивающего себе лоб о заставы цензурных требований. Но есть у нас своя непечатная словесность и литература, способная опровергнуть доводы наших обвинителей. Есть у нас кроме того богатое и неисчерпанное сокровище, поэтическое творчество русского народа, в преданиях которого мы встречаем иногда поразительные по картинности, силе и яркости произведения. Одно из таких произведений случайно попало мне в руки и до того изумило меня поэтичностью образов и энергиею выражений, что я решился испробовать на нем свои силы и постарался придать ему стихотворную форму. Если Пушкин знакомил нас с Арабскими преданиями, а Майков знакомит нас с новогреческими песнями, то ужели мы не в праве обращаться к самому естественному источнику вдохновения, к русской народности¹ словесности? И какое богатое поле творчества представляет поэту эта поза-

¹ Повидимому, описка, вм. «народной». П. П.

бытая народная словесность. Вот соображения, которые побуждают меня обратиться к Вам с покорнейшею просьбою дать на страницах Отеч. Зап. место прилагаемому стихотворению, в случае, если оно выдержит Вашу оценку и критику.

Адресат письма — Н. А. Некрасов.

Письмо публикуется по автокопии, сохранившейся в архиве М. А. Веневитинова («Венев. 12/9»). На стр. 4 этой копии недатированный автограф его неопубликованного стихотворения («И, как не видя света, в скуке...»).

О предмете переписки и основания предполагаемой ее датировки см. в комментарии к письму Н. А. Некрасова к М. А. Веневитинову (стр. 29).

А. И. КРОНЕБЕРГ — Н. А. НЕКРАСОВУ
[1856—1864] марта 15. Москва.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

Я имею от Марьи Александровны полную уверенность, поступать с бумагами и сочинениями покойного брата по моему усмотрению, и спешу ответить Вам на Ваше предложение. К сожалению я не могу доставить Вам ни Ричарда, ни материалов для биографии Андрея. Ричард переведен им еще в 1838 г.; в 1848 он хотел его переправлять, но увидел, что поправки были невозможны, потому что это была слишком слабая попытка еще неопытной руки, и решился вновь перевести его вполне: обстоятельства заставили его после первой сцены положить перо. Что касается до биографии Андрея, то и тут я в настоящее время не могу Вам сообщить ничего такого, что было бы удобно для печати: Вы, без сомнения, не захотите ограничиться послужным списком, а лица, которые имели влияние на грустную повесть его жизни, еще живы.

Прошу Вас разрешить сомнение на счет условий, которые Вы мне предлагаете. Вы называете 5 пьес: Гамлет, Двенадцатая ночь, Макбет, Много шума из ничего, Ричард.

Ричард], — и потом говорите, что желали бы напечатать три первых и Ричарда. Или Вы не хотите поместить в сборнике Много шума из ничего, или ошиблись в счете? В последнем случае, заменив Ричарда этой пьесой, мы получим те же 4 пьесы, и условия останутся без изменения: я на них согласен. — Что касается до росписки, то, если наше дело сладится, я прошу Вас не уничтожать ее, а прислать ко мне вместе с остальной суммой, потому что я только доверенное лицо и должен буду переслать все Марье Александровне.

Душевно преданный Вам
А. Кронеберг.

Кронеберг А. И. — брат Андрея Ивановича Кронеберга (ум. 10 апреля 1855), поэта, переводчика и критика. Почти все переводы, помещавшиеся в «Современнике», принадлежали ему, но известность его основана главным образом на переводах Шекспира. О переводах Кронеберга В. Г. Белинский отзывался как о замечательном литературном приобретении.

С точностью не установлено, для какого издания Некрасов просил прислать материалы для биографии А. И. Кронеберга и перевод «Ричарда» Шекспира. Что касается переводов драматических произведений Шекспира, упоминаемых в письме, то все они, за исключением «Ричарда», в переводе А. И. Кронеберга, были напечатаны в полном собрании драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей. Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. I—IV тт. Спб. 1865—1868. Впервые эти произведения в переводе А. И. Кронеберга появились в следующих изданиях: 1) «Двенадцатая ночь или что угодно» — «Отечественные записки» 1841, VII, отд. III, стр. 1—47; 2) «Гамлет». Трагедия В. Шекспира. Перевод А. Кронеберга. Харьков. В Университетской типографии, 1844, 220 стр. — отдельное издание; 3) «Макбет» — «Петербургский сборник». Спб. 1846, стр. 275—374; 4) «Много шуму из ничего» — «Современник» 1847, XII, отд. I, стр. 229—302.

Письмо Некрасову
1857 г.

Здравствуйте, Николай Алексеевич. Я пишу Вам по поводу Вашего письма от 15 марта. Я очень рад, что Вы обратили внимание на мое стихотворение.

Прошу Вас разрешить сомнение на счет условий, которые Вы мне предлагаете. Вы называете 5 пьес: Гамлет, Двенадцатая ночь, Макбет, Много шума из ничего, Ричард.

Я имею от Марьи Александровны полную уверенность, поступать с бумагами и сочинениями покойного брата по моему усмотрению, и спешу ответить Вам на Ваше предложение. К сожалению я не могу доставить Вам ни Ричарда, ни материалов для биографии Андрея. Ричард переведен им еще в 1838 г.; в 1848 он хотел его переправлять, но увидел, что поправки были невозможны, потому что это была слишком слабая попытка еще неопытной руки, и решился вновь перевести его вполне: обстоятельства заставили его после первой сцены положить перо. Что касается до биографии Андрея, то и тут я в настоящее время не могу Вам сообщить ничего такого, что было бы удобно для печати: Вы, без сомнения, не захотите ограничиться послужным списком, а лица, которые имели влияние на грустную повесть его жизни, еще живы.

Прошу Вас разрешить сомнение на счет условий, которые Вы мне предлагаете. Вы называете 5 пьес: Гамлет, Двенадцатая ночь, Макбет, Много шума из ничего, Ричард.

Автограф объяснения Н. А. Некрасова по поводу стихотворения «Тишина» [1857 г.]

Кронеберг Мария Александровна—жена Андрея Ивановича Кронеберга.

Письмо датируется предположительно. Оно не могло быть написано ранее 1856 г. и не могло быть написано позже 1864, так как переводы Кронеберга, о которых говорится в письме, напечатаны в 1865—1868 гг. (см. выше).

И. А. КУЩЕВСКИЙ—Н. А. НЕКРАСОВУ
1872 июля 13.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич!

Обстоятельства мои мне решительно не позволили ничем заняться в течении последних двух недель, так что я, не желая представить мою работу в настоящем ее положении, решаюсь просить у Вас еще хоть две-три недели сроку. Ваше великодушие позволяет мне надеяться, что Вы извините мне эту мою невольную неаккуратность.

Примите уверение в моем совершенном почтении и глубокой преданности.

Готовый к услугам
Ив. Кущевский.

Кущевский Иван Афанасьевич (1847—1876), писатель. В «Отечественных записках» были напечатаны его произведения: 1) «Николай Негорев или благополучный россиянин» — 1871, I—IV, за подписью: «Ив. Кущевский»; 2) «Не столь отдаленные места Сибири» (наброски из воспоминаний ссыльного)— 1875, VII, под псевдонимом: «Хайдаков».

Работа, для представления которой Кущевский просит отсрочки, — роман «На службе отечеству» — в «Отечественных записках» не была напечатана.

В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ—Н. А. НЕКРАСОВУ

1

[1870] июля 12. Конотоп.

Из самого грязнославного Конотопа приветствую Вас, милый, дорогой Николай Алексеевич, где уже пробыл дней десять и откуда выезжаю 21 Июля. 23 утром я в Москве, а где в Москве будет ведать

про то Степанов. Не скажете ли Вы, по его адресу, когда Вы явитесь в белокаменную. Может быть съедемся. Сам по себе, больше дня в М[оскве] я не останусь.

Из сего усмотреть можете, что 15-го в Карабаху прибыть я не мог, о чем разумеется, сто раз жалею. Петру Ивановичу Ваше поручение передано письменно. Изловить его, как известно, вообще трудно, а письмо Ваше я получил накануне отъезда. Елисееву вручена сумма в день Вашего выезда и взята расписка.

Воображаю, какую чортову пропасть лупите Вы там всякой болотной и лесной твари. Но я, увы, горько ошибся в своих ожиданиях. Исходив и изъездив все окрестные болота, только два поганых болотца обрел — одно с бекасами, другое с утками. Гомеопатическими приемами беру ежедневно беру¹ дань с каждого, рассчитывая чтоб стало добычи до отъезда. Отправляюсь утром или вечером, беру две пары бекасов, две пары уток и что подвернется попутно из куликового роду. Дупеля и не слышать. Много дроф, но лазить за ними — колени не гнутся.

Что светленькая малютка? Так мне досадно и жаль, что я не вооружил ее удочным снадобьем, которое у меня первый сорт, и в изобилии. Тысячу милых слов скажите ей.

Погода все это время чудесная, — сад у нас целый лес. Вообще мне хорошо живется, хоть больше месяца прожить так трудно.

Горячо обнимаю Вас, мой милый Николай Алексеевич, в уста и в сердце горячо цалую.

Душевно Ваш В. Лазаревский.

А Сетер надул таки Н[иколая] К[арловича] на счет понтира!

Милорд мой божествен — и по носу и по душе. Конечно он да ружье Ваше являют штуку беспример-

¹ Так в автографе.

ную — промаха не знаю; чего и Вам желаю.

2

[1870] августа 3.

Счастливые, видно, писем не пишут, мой дорогой Николай Алексеевич! Не встретив такового в Москве, я продрал прямо в Питер, завернул в Москве только в Троицкий. Отдохнув дня три в семье на даче, я, конечно, сделал рекогносцировку в Чудово — только посмотреть выводки. Видел оных 10, в полтора дня, или точнее, в 10 часов. Стрелял с придержаньем, непокойной совестью и с больным Милордом, но все таки убил 13 штук. Что за тетерева я Вам скажу, — от старых не отличить. Кроме найденных, десятка два выводков еще есть на счету, а несчитанным, конечно, счету нету. — Вернувшись, был у Николая Карловича. Он только завтра скажет мне может ли ехать в Чудово: в виду известных делов, так далеко ему отлучаться несподручно. Вот что он просил меня передать Вам: пару сетеров, черных с подпалинами, из Англии он получил. Стоимость их около 440 рублей. Богатый добротой и нравственностью наличных псов, он не оставляет ни одной из сих собак для себя. Сука ошенилась здесь. Щенками он распорядился по своему усмотрению. Если Вам угодно, он пришлет обоих сетеров в Вашу квартиру, если же это неудобно, то оставит у себя до Вашего приезда или распоряжения. Я видел кобеля — красавец! Сука похожа на него. Есть нос и поиск.

Я бы просил также Вас сказать мне пару слов: поджидать Вас с выводками, или лупить без оглядки, в виду того, что скоро они и в урему свалются.

Никого из редакции не видал, ничего не знаю. У Николая все благополучно. Собаки здоровы.

На случай скорого приезда, заезжайте в Чудово, и дайте мне депе-

шу. У Степана хорошая новая комната.

Ангелу — тысячу милых слов.

До свидания. Горячо обнимаю Вас

Душевно Ваш Лазаревский.

3

[1872 июль, до 15.]

...десятка экземпляров¹.

Полагают, что все это будет чрезвычайно благотворно для самой печати.

Если Вы знакомы с Евгением Якушкиным, потолкуйте с ним о кн. Волконской. Здесь был какой то Иванов, начальник инженерной части в Сибири, женатый на дочери декабриста Анненкова, который очень некрасивые вещи о ней передавал. Якушкину это известно. — Храни меня бог и от помысла оскорблять личность, с которой духовно уж сроднили меня мои слезы, — но художнику, как солнцу, нужно возможно больше света при работе.

Как я говорил Вам в последнее свиданье, думаю уехать в Чудово 15 Июля.

Сегодня заходил ко мне Твердомедь которого я не видел уж целые годы. Хотя он визиту этому придал вид случайности, но, кажется, умысел иной тут был. Он завел речь о Грузинской даче, особенно напирая на то, что там привыкли все охотиться, а в газетах-де не было опубликовано, что теперь охотиться нельзя. На первый раз я не нашел ничего лучшего, как уверить его, что напечатаю сие дело. К сожалению, я не настолько знаком с фактом, чтоб определить в объявлении местность, полагаю что не мешало бы Вам послать записку в Голос. Все таки это хоть когонибудь до остановит. Холщевникова нет, да я бы признаюсь и видаться с ним не хотел. Александра увижу не скоро.

Автор четверостишия, говорят,

¹ Начало письма утеряно.

Минаев. Очень бы обрадовали парой строк, когда в Чудово? До свидания. Душевно Вас люблю и братски обнимаю.

Милой Зинаиде Николаевне mille belles choses.

Весь Ваш В. Лазаревский.

[Карандашом на полях:]

Азиатский Пашино бежал, забравши деньги где мог.

За р. прекратилась. О Леонтьеве нет слухов.

(1 ирзб.) от Степана не получил, и потому не ездил.

4

[1872] 18/VI.

Совсем без задних ног. Перед 15 не спал ночь, да в Чудове три ночи не спал. — Первое поле вечернее. Всего пара тетеревей. На другой день — 6 пар. На третий — но этот день организовал Степан — бестолковость его всесильна. По невыносимой жаре — и я и Милорд с лежки — за Жандармской мызой таскались мы 15 часов — на отдых 3 часа — разыскивая глухаринные выводки — убит один косач. Я то еще бодрствовал, но Милорда хоть на руках носи. Оставил его без сознания. Разрешите, голубчик, протаскивать иногда Раппо, и ему ведь не худо будет.

Александра не видел — за ранним выездом и поздним возвращением.

Пришел с охоты вчера в 10, а в 4 встал чтоб ехать сюда, в Комиссию. Заседания у нас по средам. А в промежутках нужно еще в Петергоф к своим съездить.

Был у Краббе на днях. Здоров я, говорит, как бык, да горло душит. Положение мое по Комиссии больше чем неприятно. Прозект Краббе, когда я вчитался в него, более чем несостоятелен. Но Шахов[ской?] Голицын и Трубецкой — мои эксперты — его составляли. Как жаль, что Волконский уехал за границу. Судя по тому другому — он не единомышленник их. Говорит один

Трубецкой, — другие с ним лично спорят, — но против меня все за одно. Это какое то единоборство. Дуэль. Интересно и для меня, и для дела то, что мои мнения будут на обсуждении Госуд[арственного] Совета. Наговоримся при свидании.

Я мчался в Чудово, как в обетованную землю. Почему то казалось что эта весна наплодила там уйму дичи. Степан говорит не больше прошлогоднего. По моему — меньше. В два поля на г а р я х, за заводом, я убил только одного тетеревенка, были еще старики, да холостые. Вальдшнепа еще убил.

Инструкции по новому закону о печати еще нет. Лонгинов удивительно широко его толкует, конечно в свою пользу. Так напр. журнальную книжку яко бы можно придержать до выхода следующей книжки без окончательного разрешения. На мое возражение о различии книжки и журнала, он ставил на вид силу вещей. К[омите]т М[инист]ров не будет стесняться задержкой. Книга задерживается, затем Член Совета будет писать о ней записку для внесения в К[омите]т М[инист]ров да когда то еще он разберет. Так что в сущности не 5—7 дней будет книга задерживаться до выпуска, а хоть месяц и два.

Не зову Вас очень — пока не для чего.

Романовскому бог дал Сергея.

Время не то что летит, а как то исчезло. Хорошо это, или худо?

Обнимаю и целую Вас.

Земно кланяюсь Зинаиде Николаевне.

Душевно Ваш Лазаревский.

Был 2 раза у Тимашева и раз у Валуева. Приемы великолепные.

1

Лазаревский Василий Матвеевич (1817—1890), чиновник и литератор. С 1866 г. член Совета министра внутренних дел и Главного управления по делам печати. С Некрасовым был в друже-

ских отношениях, укрепляемых страстью к охоте.

Год установлен на основании сопоставления с письмом Лазаревского к Некрасову от 3 августа [1870].

Степанов—повидимому, общий знакомый.

Петр Иванович — фамилия не установлена.

Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), журналист, с 1868 г. один из трех редакторов-пайщиков «Отечественных записок».

Светленькая малютка — повидимому, Некрасова, Фекла Анисимовна, урожденная Викторова, гражданская жена Некрасова, которую Некрасов называл Зинаидой Николаевной.

Милорд—собака Лазаревского.

2

Год установлен на основании сопоставления с письмом Н. К. Краббе к Некрасову от 19 июля 1870 г. (См. «Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 111. Здесь это письмо ошибочно приписано А. А. Краевскому.)

Краббе, Николай Карлович (1814—1876), генерал-адъютант, управляющий морским министерством.

Ангелу—Зинаиде Николаевне, гражданской жене Некрасова.

3

Датируется 1872 годом на том основании, что поэма «Русские женщины» (глава о кн. Волконской) была напечатана в «Отечественных записках» 1873, I. Отсюда можно заключить, что писалась она в 1872 г. и в это время все материалы, которые могли бы полнее осветить образ кн. Волконской, Некрасову были интересны.

Волконская Мария Николаевна, жена декабриста Сергея Григорьевича Волконского, последовавшая за мужем в Сибирь.

Якушкин Евгений Иванович (р. 1826), юрист-этнограф, сын декабриста И. Д. Якушкина.

Твердомедь—лицо не установлено.

В рассказанном в письме эпизоде дело шло, повидимому, о нарушениях пра-

вил охоты на Грузинской даче или в Грузинском лесничестве, где Некрасов платил арендную плату за право охоты. (См. «Архив Карабихи», М. 1916, стр. 90—91).

Холшовников Н.—знакомый Некрасова, товарищ по охоте. В «Архиве Карабихи», М. 1916, стр. 221—223, напечатаны два его письма к Некрасову от 18 и 25 июня 1871 г.

Александр—лицо не установлено. Возможно, что это Ераков Александр Николаевич (1817—1886), инженер путей сообщения. Он был близким другом Некрасова, особенно в 60-е и 70-е годы. Статья А. Еракова «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России» напечатана в «Отечественных записках» 1873, V.

О каком четверостишии Минаева говорится в письме, не установлено.

Пашино Петр Иванович (1838—1891), путешественник и писатель. В 1872 г. издавал в Петербурге учено-литературный журнал «Азиатский вестник». Вышла всего одна первая книга. Затем издание было передано И. Дурново и, за невыходом в свет более года, признано окончательно прекратившимся.

4

Год установлен по содержанию письма на том основании, что новые правила о печати, о которых говорится в письме, были утверждены Государственным советом 7 июня 1872 г.

Раппо—собака Некрасова.

Новый закон о печати—«Государственный совет, по докладу министра внутренних дел, 7-го июня 1872 г. утвердил новые правила о печати, предоставлявшие министру, в целях борьбы «с опасными лжеучениями, стремящимися ниспровергнуть понятия о нравственности и поколебать коренные основы государственного и общественного порядка», проникшими в «бесцензурную» печать, право предварительно задерживать выход в свет освобожденных от предварительной цензуры книг или номеров повременных изданий, если распространение их будет признано «особенно вредным» с тем, однако, чтобы вопрос об окончательном запрещении

данной книги или издания разрешался, по его представлению, Комитетом министров». (В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М.-Л. 1927, стр. 169). Эта цензурная мера стоит в непосредственной связи с тем впечатлением, которое было произведено на правительство и консервативную часть общества нечаевским процессом. Непосредственным же поводом к установлению этих новых правил послужила статья Г. З. Елисеева «Плутократия и ее основы», помещенная в «Отечественных записках» 1872, II, в которой автор высказывал явное недовольство существующим строем.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875)—библиограф. С Некрасовым был связан общим литературным кругом и сотрудничеством в «Современнике». В 60-е годы Лонгинов перешел в лагерь реакционеров. В 1871 г. был назначен на пост начальника Главного управления по делам печати.

Романовский—лицо не установлено. Упоминание о Романовском есть в письме А. А. Абазы к Некрасову, в котором Абаза просит Некрасова уплатить Романовскому карточный долг за Абазу. («Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 73).

Ф. Е. МЕЙЕР—Н. А. НЕКРАСОВУ

1864 августа 4.

Милостивый Государь

Известный немецкий автор Бертольд Ауэрбах только что окончил в рукописи новый роман и желает передать оный какому либо русскому периодическому изданию, чтобы он мог явиться в свет прежде или одновременно с немецким подлинником и на русском языке. В случае, что Вы согласны поместить упомянутый роман в издаваемом Вами журнале «Современник», то покорнейше прошу Вас уведомить меня о том с присовокуплением условий вознаграждения. Ф. Мейер.

Редактор Петербургских] Немецк[их]
Ведомост[ей].

Мейер Фридрих (Федор Егорович) (род. 1824). С 1852 г. состоял редактором

«St. Petersburger deutsche Zeitung» и в то же время был лектором немецкого языка и литературы в Петербургском университете.

Ауэрбах Бертольд (1812—1882)—немецкий романист. Повидимому, Мейер пишет о романе Ауэрбаха «На высоте». В «Современник» перевод этого романа напечатан не был.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ—Н. А. НЕКРАСОВУ

[1870] Киссинген 5/17 июля.

Мне приходится перебивать самому себя, Николай Алексеевич, но это вина не моя, а Наполеона и Бисмарка. Война объявлена и требуется как можно скорее убираться в Россию. Для этого нужны деньги, и тех 200 талеров, об которых я писал в прошлый раз будет мало. Надо 350 или по крайней мере 300. Надеюсь, что Вы оцените исключительность обстоятельств и доставите мне возможность своевременно убраться отсюда. Ввиду спешности дела я с сегодняшней же почтой пишу в редакцию, рассчитывая что там может быть поймут эту спешность и решатся выслать деньги, не дожидаясь особого Вашего приказа. Признаюсь, однако, что надежда эта слабая. Статью я во всяком случае привезу готовую, а может быть и конец перевода.

Преданный Вам Ник. Михайловский.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904), известный критик и публицист, виднейший теоретик русского народничества, постоянный сотрудник «Отечественных записок».

Год установлен по содержанию письма. Франко-прусская война была объявлена в июле 1870 года.

С точностью не установлено, какую свою статью обещал привезти Михайловский. В ближайшие месяцы были напечатаны следующие статьи: «Иероним Савонарола (по Перрану)», «Отеч. зап.», 1870, VI, VII. Без подписи. «Вольтер человек и Вольтер мыслитель. Статья первая». «Отеч. зап.», 1870, IX.

1871 июля 18.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич!

Первою и священной обязанностью, прежде всего, приношу Вам величайшую мою признательность за сделанное мне в прошедшем году пособие в крайней моей нужде. — В настоящее время я осмеливаюсь обратиться вновь с покорнейшею просьбою, если найдете возможным, оказать мне Ваше содействие в устройстве моего семейства. — У меня четыре дочери: 11, 9, 7 и 3 лет и два сына, последние уже обучаются, а о первых уже два года хлопочу, которую-либо из старших принять в Ярослав[ский] Сиротский Дом для обучения на казенный счет, — но на баллотировке им жребий не выпал, по малому числу вакансий, а могут принять только пансионеркою с платою по 125 руб. в год, но я сам не более этой цифры получаю в год и тем содержанию семейство, следовательно уплачивать такой суммы не в силах.

В таких то обстоятельствах я и решился прибегнуть к Вам, Милостивый Государь, Николай Алексеевич, и просить, нет ли у Вас случая в Петербурге или Москве попросить, кого нужно, поместить одну из старших дочерей моих в которое либо женское учебное заведение на казенный счет, и она по крайней мере могла бы быть полезна младшим сестрам. Такое благодеяние с Вашей стороны было бы для меня и для семейства выше всякой цены.

Кроме сего желательно мне еще попросить Вас о том, старший сын мой ныне вышел из 7-го класса гимназии и должен поступить в настоящем году в Медико-Хирургическую Академию по Ветеринарному Отделению, для чего и дана ему стипендия от Ярослав[ского] Губернского Земства по 15 руб. в месяц на содержание, — но я на-

хожу, что 15 руб. в месяц на содержание, одежду и проч. недостаточно, а потому и прошу Вас, не найдется ли у Вас для него какого дела в свободные часы от лекций, хотя какой переписки, или других возможных для него занятий, для пополнения недостатков в содержании, — и это тоже было бы для меня и для него большое благо.

О последнем утруждаю Вас только между прочим, но первая моя просьба составляет для меня великую и священную обязанность, почему, если есть возможность, помогите мне в этом случае, где можно, и не откажите в совете, как поступить и куда обратиться по этому предмету.

С высоким к Вам уважением пребываю покорнейший слуга

А. И. Предтеченский.

Корреспондент письма — одно из тех лиц, которым Некрасов неоднократно помогал. Подробными сведениями об этом лице мы не располагаем. Была ли выполнена Некрасовым просьба, заключавшаяся в настоящем письме, не установлено.

Ф. С. РАЗМАХНИН — Н. А. НЕКРАСОВУ

23 февраля 1871 года.

Милостивый Государь,
Николай Александрович!

Не удивляйтесь пожалуйста, что незнакомый Вам человек, живущий на Урале, беспокоит Вас своими письмами. Чувствуя глубокое уважение к Вашим произведениям, проникнутым истиной и добром, я всякий раз с жадностью читал каждое стихотворение, вышедшее из-под Вашего пера, в особенности Ваше стихотворение: «Кому на Руси жить хорошо?», заключающее в себе свободную глубокую мысль, произвело на многих из нас, живущих на Урале, невообразимое впечатление, рассказ попа и рассказ помещика

¹ Так в автографе.

великолепны! и я ждал с нетерпением, что расскажут про свое житье-бытье купчина, министр государев и царь; но увы! до сих пор ни слова; неужели Вы остановились и не хотите продолжать, или красный карандаш оставил следы на Вашей корректуре; по этому-то невведению я, Сибирец, решился беспокоить Вас своей покорнейшей просьбой: не откажитесь сообщить мне (на что прилагаю почтовую марку) почему нет до настоящего времени продолжения этого стихотворения, и если осталась только корректура, то нельзя ли как копию с нее прислать мне, чем премного обяжете.

Уважающий Вас

Размахнин.

Адрес: Пермской губернии Екатеринбургского уезда, в Кышымский завод Фавсту Степанову Размахнину

Публикуемое письмо интересно как документ, свидетельствующий о широкой популярности Некрасова, как поэта, в 70-х годах. К сожалению, никакими сведениями о корреспонденте письма мы не располагаем.

Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» печаталась в «Современнике» 1866, I (Пролог); «Отечественных записках» 1869, I (Пролог и I ч.); II (гл. II—III); 1870, II (гл. IV—V); 1873, III («Последыш» из 2 ч.); 1874, I («Крестьянка» из 3 ч.). Последняя часть поэмы «Пир на весь мир» при жизни автора по цензурным условиям не была напечатана. Появилась в печати только через четыре года после его смерти в «Отечественных записках» 1881, II.

М. Х. СЕНЮТКИН — Н. А. НЕКРАСОВУ

1854 марта 23. Новочеркасск.

В редакцию Журнала «Современник».

Года полтора тому назад, рассматривая реестры старых дел Войскового Архива, я имел счастье, после многих тщетных поисков, найти

весьма значительное количество дел и отдельных актов, относящихся ко времени Пугачевского бунта. Из этих дел и актов, до крайности разнообразных по содержанию, мне удалось составить целое, довольно объемистое сочинение, под заглавием: «Военные действия Донцов против Крымского Хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева в 1773 и 1774 годах». Первый отдел, или лучше сказать, эпизод, составляющий $\frac{1}{4}$ часть всего сочинения, был отпечатан в Донских Ведомостях и потом перепечатан в газете «Кавказ». К сожалению, тесные пределы неофициальной части Донских Ведомостей и особенно недостаток типографских средств не дали мне возможности поместить в них всю статью, заслужившую одобрение некоторых образованных моих соотечественников. Это обстоятельство и советы друзей, постоянно читающих Современник, побуждают меня обратиться в Редакцию его с покорнейшею просьбою: не угодно ли ей будет поместить мое сочинение (вполне или собственно только не отпечатанную часть (30 писанных листов) о действиях Донцов против Пугачева) в издаваемом ею журнале. А чтобы Редакция могла иметь понятие о предлагаемой статье, я имею честь препроводить при сем на рассмотрение отпечатанный отрывок и даже подробное оглавление оной. При этом считаю нужным упомянуть, что главная цель моей статьи есть: доказать письменными свидетельствами современников и важных государственных лиц что Донцы принимали весьма большое участие в уничтожении Пугачевского бунта и были главными виновниками разбития и поимки Пугачева, — обстоятельство совершенно упущенное из виду покойным историком бунта Пушкиным. Для лучшего достижения этой цели и чтобы быть совершенно беспристрастным повествователем дел моих предков, я во всех местах сочинения, где только позволяла возмож-

ность, вставил целиком множество актов, — не упуская впрочем из виду самой нити повествования. От такого метода, конечно, слог потерпел, зато выиграла истина, о которой я всего более заботился при изложении фактов. Впрочем здесь не место, да и не дело распространяться о достоинствах или недостатках моей статьи: представляя ее на суд просвещенной Редакции, покорнейше прошу, в случае если решение его окажется в мою пользу почтить меня кратким уведомлением.

Есаул
Михаил Христофоров Сенюткин.

На 1-м листе письма сверху автограф Некрасова: «Получено 5 Апр[еля]. Ответ послал 6 Апр[еля] с просьбою о присылке рукописи».

Статья М. Х. Сенюткина «Военные действия Донцев против Крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева в 1773 и 1774 гг.» напечатана в «Современнике» 1865, VIII, стр. 43—131 (отд. II).

ТАСКИЕВ (псевдоним СИБИРЯК-УГРЮМЕЦ) — Н. А. НЕКРАСОВУ
1866 июля 27.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич

В прошлом письме еще из Нерчинского завода, я имел честь упомянуть Вам, что здесь в отдаленном крае Сибири, много есть фактов требующих гласности, но к сожалению все они гложут по неимению писателей, конечно не имея права назваться им, но однакож решаю раз доверить и отдаться на Ваш взгляд и мнение, я дерзаю при сем препроводить коротенькую статейку о безвинной ссылке в Сибирь Мирона Лагуткина. —

Позвольте сознаться Вам, что отправив две статьи: 1) Обо ль щ е н н а я д е в у ш к а, 2) Э п и з о д ы из жизни Карийских варначков для помещения в Вашем журнале от 26 Января и 2 марта, я

с нетерпением ожидаю появления их или отказа. —Надеясь вполне, что Вы настолько будете добры и внимательны, к моим просьбам, что не оставите свои поправки в литературном отношении. —

Примите мое искреннейшее, душевное уважение. С чем имею честь быть.

Ваш Милостивый Государь
Покорный слуга Таскиев.

P. S. Статью можете издать под псевдонимом Сибиряк-Угрюмец.

Адрес же мой тот самый, какой был изложен в первом письме моем т. е. от 26 Января.

Ур. Зав. Пром.¹

Подпись фамилии корреспондента неразборчива. Читаем предположительно.

В архиве Некрасова хранится приложенная к письму статья под заглавием: «Не в суд осужденного, а в осуд осуждающего» за подписью «Сибиряк-Угрюмец». В статье говорится о безвинно сосланном на каторгу крестьянине Мироне Лагуткине.

Никакими сведениями о корреспонденте письма мы не располагаем. Ни ранее посланные статьи, ни приложенная при этом письме статья в «Современнике» не были напечатаны.

М. К. ЦЕБРИКОВА — Н. А. НЕКРАСОВУ
[1870 — 1871.]

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

Обращаюсь к Вам с просьбой приказать выдать мне, если можно, Отечественные Записки за этот год; что было для меня большим одолжением потому что я должна послать книги своему двоюродному брату и это увеличило бы запас дельного чтения. Я бы желала тоже иметь № 6 и 9 О[течественных] Зап[исок] 69 г. с моими статьями, если еще эти №№ остались в Редакции.

Примите, Милостивый Государь, уверение моего уважения

М. Цебрикова.

¹ Так в автографе.

Цебрикова Мария Константиновна (1835—1917), писательница, принимала деятельное участие в литературном движении 60-х годов, помещала в разных журналах публицистические и критические статьи. В «Отечественных записках» сотрудничала с 1869 г.

Письмо датируется условно на том основании, что Цебрикова просит выдать ей «Отечественные записки» за 1869 год, — видимо, уже прошедший.

В указании № журнала за 1869 год Цебрикова, видимо, ошиблась. В этом году в «Отечественных записках» была напечатана ее статья «Женские типы Шпильгагена» в №№ 6 и 12, а не в №№ 6 и 9.

Г. А. ЩЕРБАТОВ — Н. А. НЕКРАСОВУ
[1862] марта 2.

Я виделся вчера с Головинным, Николай Алексеевич, по поводу статьи Скарятин; я тут же сказал ему, что вероятно будут кроме того чтения Г. Чернышевского; на это он мне объяснил, что он чтений Г. Чернышевского ни в каком случае разрешить не может. При первом свидании я Вам расскажу ход разговора, но теперь считаю не лишним сообщить о результате, во избежание напрасных хлопот. — Поэтому необходимо бы пригласить другого вместо Чернышевского желающего подвизаться для пользы Литературного фонда.

II. МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗДАНИЮ «СОВРЕМЕННОГО» И «ИСКРЫ»

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ НЕКРАСОВА С ЦЕНЗУРОЙ

Печатаемые документы все касаются взаимоотношений Некрасова с цензурой. Первый из документов относится к 1857 году, когда Некрасовым было написано стихотворение «Тишина». Стихотворение отдельными своими местами вызвало у цензуры большие сомнения; Некрасов старался рассеять эти сомнения и объяснить инкриминируемые места в приемлемом для цензуры смысле.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Кн. Г. Щербатов.

Щербатов Григорий Александрович, кн. (1819—1881), в 50-х годах попечитель Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета. В 1858 г. вышел в отставку. В дальнейшем был петербургским губернским предводителем дворянства (1861—1864), членом Петербургской городской думы, участвовал в работе земских учреждений.

Год написания письма установлен на основании того, что 28 февраля 1862 г. в заседании Комитета Литературного фонда Некрасову, вместе с Лавровым и Дудышкиным, было поручено устроить лекции Чернышевского и Скарятин. (См.: Некрасовский сборник. Под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. «Обществ. польза», П, 1918, стр. 57).

Головин Александр Васильевич (1821—1886) — министр народного просвещения и член Государственного Совета.

Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, служил сначала во флоте. Начал литературное поприще в 1862 г. в «СПб. ведомостях», издал книгу «Заметки золотопромышленника», СПб. 1862. С 1863 г. редактировал крепостническую газету «Весть».

Р. Маторина.

В его бумагах сохранился набросок такого объяснения по отдельным пунктам. Попытка Некрасова вразумить цензуру обращает на себя внимание тем почти издевательским тоном, который чувствуется в его толкованиях своего произведения. Однако «провести» цензуру ему не удалось. Только строки:

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести большой

были напечатаны в «Современнике» (1857, № 9) в том виде, как они были написаны Некрасовым,—во всех остальных случаях в первоначальный текст пришлось вносить изменения, подчиняясь требованиям цензуры. Вместо слов «Пусть ропот укоризны за мною по пятам бежал», в «Современнике» было напечатано:

Ты не услышишь укоризны,
Родная! Где я ни блуждал...

Строка «Рекрутских жен и матерей» превратилась в другую: «Осиротевших матерей». Вместо «Проклятья, стоны и молитвы», в «Современнике» читаем: «Прощанья, стоны и молитвы». Строка «Военный поп, сложив ладони, творит молитву небесам» совсем выброшена в тексте «Современника».

Очевидно, это объяснение Некрасова существовало в двух редакциях: в первом посмертном собрании его сочинений (СПб., 1879, IV, стр. II) напечатано «Объяснение касательно стихов, признанных неудобными к печатанию, из стихотворения «Тишина». Начало совершенно совпадает с нашей редакцией, но последняя фраза этой публикации отличается от нашей: «Что война есть народное бедствие—это печатается в прописях; что после нее остаются вдовы, сироты и матери, потерявшие сыновей...» На этом рукопись обрывается, в то время как в нашей рукописи имеется еще продолжение.

Другие две публикации относятся к попытке расширить содержание журнала «Современник», сделанной Некрасовым и Панаевым в 1854 г. Отчасти эта попытка уже освещена документально в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Цензурная практика в годы Крымской войны» («Голос минувшего», 1917, XI—XII). Там напечатано прошение Некрасова и Панаева на имя министра народного просвещения Норова от 24 марта 1854 г. о том, чтобы «Современнику» было разрешено завести отдел военных и политических известий (в связи с войной). Еще раньше того Панаев лично от себя подал особую записку об этом помощнику начальника III отделения Дубельту, состоявшему тогда членом главного управления цензуры. Дубельт 16 марта от-

ветил ему весьма кратко, что за таким разрешением следует обращаться к министру народного просвещения. Мы печатаем текст этого ответа Дубельта. Главное управление цензуры было склонно разрешить издателям «Современника» их просьбу в ограниченной форме: разрешить журналу завести отдел военных известий (только на время войны), с тем чтобы там печатались исключительно известия из «Русского инвалида», «без собственных рассуждений редакторов» (см. названную статью, стр. 246). В ответственном роде главное управление цензуры сделало представление министру народного просвещения. Вопрос был близок к разрешению, но тут в дело вмешался военный министр, нашедший, что от такого права, данного «Современнику», могут пострадать интересы «Русского инвалида», пользовавшегося тогда монополией печатания военных известий. Некрасову и Панаеву было категорически отказано. Заключительный официальный момент этой истории — сообщение С.-Петербургского цензурного комитета издателям «Современника» об отказе, датированное 10-м сентября 1854 г., печатается здесь.

В следующем году «Современнику» и «Отечественным запискам» было разрешено перепечатывать военные известия из «Русского инвалида». В это время военные действия уже шли к концу.

М. Клевенский

ЧЕРНОВИК ОБЪЯСНЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА ДЛЯ ЦЕНЗУРЫ ПО ПОВОДУ СТИХОТВОРЕНИЯ «ТИШИНА»

...Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал

Здесь автор разумел дошедшие до него за границу слухи, что многие обвиняли его в нелюбви к родине.

Христос снимет
С души оковы

Никакая мирская власть не может наложить оков на душу, равно как и снять их. Здесь разумеются оковы греха, оковы страсти, которые налагает жизнь и че-

ловеческие слабости, а разрешить может только бог.

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей

Что война есть народное бедствие и что после нее остаются сироты, вдовы и матери, лишившиеся детей — об этом я не считал неудобным упомянуть в стихах, тем более что это уже относится к прошедшему.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе...

Проклинали пленные враги,
стонали раненые, молились все пораженные бедствием войны.— Если зачеркнуть проклятия на том основании, что может быть проклинали и свои, то вслед за тем придется зачеркнуть и стоны, потому что может быть стонали не от одних ран, — а затем придется зачеркнуть и молитвы, потому что мало ли о чем можно молиться?

Военный поп

Известно, что после войска, самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Поэтому упомянув о враче, я упомянул и о попе, служащем при войске — в этом смысле употреблено прилагательное военный.

ОТВЕТЫ III-го ОТДЕЛЕНИЯ и ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА НА ХОДАТАЙСТВА РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО»

III-е ОТДЕЛЕНИЕ

собственной
его императорского
величества

Канцелярии.

1. Экспедиция

С. Петербург,
«16» марта 1854 г.
№ 522.

Милостивый государь
Иван Иванович

Г. генерал-адъютант граф Орлов, получив письмо от 11-го сего месяца, которым вы, милостивый государь, вместе с сотрудником вашим по изданию журнала «Современник»

просите ходатайства его сиятельства о высочайшем дозволении помещать в этом журнале ежемесячный обзор политических событий — поручил мне иметь честь уведомить вас, милостивый государь, что так как помещение подобных статей в Современнике должно изменить программу сего журнала, и всякое изменение в оной может последовать только с разрешения Министерства Народного Просвещения, то для ходатайствования испрашиваемого вами ныне дозволения, следует обратиться в сие Министерство.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном уважении и преданности.

Л. Дубельт.

Его Высокоб-дню

И. И. Панаеву

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Санктпетербург-
ский

Цензурный
Комитет

С-т Петербург
10 Сентября 1854-го
года
№ 888

Господам издателям
журнала
«Современник».

Главное Управление Цензуры, выслушав дело по прошению издателей журнала «Современник», г. г. Панаева и Некрасова, касательно включения в журнал их нового отдела военных и политических известий, и приняв в соображение заключение С. Петербургского Цензурного Комитета, изложенное в представлении Его Превосходительства г. председателя Комитета, а также отзыв по сему предмету г. военного министра, — определило: издателям журнала «Современник», в просьбе о дозволении к существующим в их журнале отделам присоединить отдел известий военных и политических — отказать.

О таком определении Главного Управления Цензуры, вследствие предложения г. министра народного просвещения, от 2-го сего сентября за № 1778, С. Петербургский Цензурный Комитет, по распоряжению г. председателя Комитета, имеет честь объявить г. г. издателям журнала «Современник» в ответ на просьбу их от 24-го Марта 1854 года.

Цензор Бекетов.

Секретарь А. Ярославцов.

Милостивый Государь
Александр Фомич.

Приступая к изданию нового журнала, считаем приятным долгом поведать Вас, как писателя пользующегося прочною и вполне заслуженною известностью и как человека как¹ Русского, которому близки к сердцу успехи Русского независимого Слова и просвещения.

Прилагаемая программа¹ перед Вами нашу цель и заветные наши стремления содействовать по мере сил наших начинаниям передовых благомыслящих людей, осмеивая карандашом и пером все отставшее, все недостойное возрождающейся России. —

Позволяем себе надеяться, что во имя общего дела и Вы, Милостивый Государь, как писатель которым гордится отечество и как человек которому как нельзя ближе знаком быт всех сословий России с его светлыми и темными сторонами, не откажетесь Вашим литературным содействием обеспечить будущность нашего журнала.

Усерднейше просим не оставить нас ответом, потому что программа, прилагаемая здесь в корректурном листе в самом непродолжительном времени должна быть пущена в свет.

Условия приема статей у нас одни и те же с главными Московскими и Петербургскими журналами.

Просим Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Н. Степанов.
В. Курочкин.

4-го Сентября 1858-го года С. П. бург.

Просим адресовать в контору журнала: Искра, при книжном магазине Печаткина.

¹ Письмо продиктовано писарю, чем и объясняются отмеченные в тексте неясности. Подписи—автографы Н. Степанова и В. Курочкина.

Художник-карикатурист Николай Александрович Степанов и поэт Василий Степанович Курочкин в 1858 г. рассылали писателям приглашения сотрудничать в основанном ими сатирическом журнале «Искра», первый номер которого вышел в январе 1859 г. Журнал просуществовал до 1873 г.; Степанов вышел из состава редакции в 1864 г. Программа журнала, о которой идет речь в письме, была, повидимому, той программой, которая помещена в первом номере «Искры», в январе 1859 г.

Обращение к Вельтману может быть объяснено его широкой популярностью; он получал приглашения и от «Отечественных записок», и от «Современника», от «Пантеона», «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы», «Утренней зари», «Записок Одесского общества древностей» и многих других.

Тем не менее идейно-художественные особенности «Искры», как одного из органов революционной демократии, заставляют нас внимательно отнестись к этому приглашению. Что могло побудить «Искру» приглашать Вельтмана в сотрудники?

По программе, основной задачей журнала являлось «отрицание ложного во всех его проявлениях в жизни и в искусстве» путем бытовой сатиры и веселой юмористики.

Вельтман был типичным романтиком, но в его творчестве были черты, соответствующие заданиям «Искры».

В некоторых романах и повестях Вельтмана, как, например, «Саломея», «Чудодей», «Новый Емеля», «Неистовый Роланд» и др., причудливая фабула развивается на грани реальности и фантастики, но в то же время автор, как бы попутно, дает ряд сатирических бытовых сцен гротескного характера. Эта способность к карикатуре и гротеску могла в первую очередь привлечь внимание редакторов «Искры».

Ставя себе целью давать «вседневную и практическую», то-есть бытовую сатиру, они могли рассчитывать в этом отношении на знакомство Вельтмана с бытом всех сословий России. Эту черту Вельтмана отмечал еще в 1848 г. В. Г. Белинский («Современник», 1848 г., т. 8):

«Лучше всего даются ему изображения купеческих, мещанских и простонародных нравов». Дальше в той же статье Белинский отмечает способность Вельтмана к шутке, что опять-таки соответствует программе журнала.

Любопытно обращение к Вельтману, как к русскому патриоту.

Вельтману был свойствен культ русской старины. У него есть ряд повестей из древне-русской жизни, многочисленные изыскания о происхождении русских и русского языка, он принимал участие в издании «Древностей российского государства», составил описание Московской Оружейной Палаты, во главе которой он стоял с 1842 г. до конца жизни. (С 1842 г. до 1852 г. помощ-

ником директора, с 1852 г. до 1870 г.—директором).

Ответа Вельтмана на письмо Степанова и Курочкина в архиве Вельтмана не оказалось. Имя его среди сотрудников «Искры» не встречается.

В 50-х годах обозначается резкий упадок литературной деятельности Вельтмана. Возможно, что это является одной из причин, почему он не откликнулся на приглашение «Искры». Следует также заметить, что одно из последних его произведений, неудачный роман «Воспитанница Сара», появился в «Русском вестнике» Каткова в 1862 г., когда окончательно определились консервативные тенденции этого журнала.

Л. Сперанская.

III. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

АВТОГРАФЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Автографы Н. Г. Чернышевского в Отделе рукописей очень немногочисленны: это один лист из перевода Чернышевского «Всеобщей истории» Вебера, два письма к Д. А. Милютину 1862 г. и четыре письма к В. А. Гольцеву 1887—1888 гг.

Отрывок перевода относится к истории Финикии и соответствует по тексту 510—511 стр. I тома «Всеобщей истории» Вебера в издании К. Т. Солдатенкова, М. 1885 г., перев. Андреева (псевдоним Чернышевского).

Начало отрывка: «одна от другой укреплениями, понятно и то, что Триполь стал большим...»

Конец: «Тиряне хорошо понимали, что подчиненные им города питают вражду».

Текст написан на одной стороне листа, разм. 36,5 × 21, имеющего нумерацию карандашом: 155.

В тексте имеются немногочисленные исправления, поправки, вставки, свидетельствующие о работе переводчика, а также следы пребывания в типографии.

Автограф был приобретен Отделом в 1939 г., как отдельное поступление.

Два письма Н. Г. Чернышевского к

Д. А. Милютину, военному министру, находятся в составе архива последнего:

- 1) Письмо от 13 июня 1862 г. на 2 л., 2 стр., разм. 26 × 21.
- 2) Письмо от 14 июня 1862 г. на 2 л., 3 стр., разм. 26 × 21.

Публикацию писем и ответные письма Д. А. Милютину см. далее в специальной статье.

Четыре письма Н. Г. Чернышевского к В. А. Гольцеву, редактору журнала «Русская мысль», также находятся в составе архива адресата:

- 1) Письмо от 27 сентября 1887 г., на 4 л., 6 стр., разм. 21 × 13,5.
- 2) Письмо от 23 июня 1888 г. на 2 л., 4 стр., разм. 21 × 13,5. На четвертой странице зачеркнутый и вновь написанный адрес Чернышевского.
- 3) Письмо от 19 августа 1888 г. на 4 л., 6 стр., разм. 21 × 13,5. На последней странице многочисленные вписки между строк; конец письма и подпись на верхнем поле страницы.
- 4) Письмо от 31 августа 1888 г. на 2 л., 3 стр., разм. 21 × 13,5.

На всех письмах пометки карандашом рукой Гольцева, готовившего отрывки из них к публикации.

Подробнее об этих письмах см. далее в специальной статье.

ПЕРЕПИСКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
с Д. А. МИЛЮТИНЫМ

В архиве бывш. военного министра Д. А. Милютин сохранилась переписка его с Н. Г. Чернышевским, относящаяся к июню 1862 г., т. е. незадолго до ареста Н. Г. Чернышевского.

Переписка эта сохранилась также в архиве, находящемся в доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове. Причем в то время, как в архиве Чернышевского сохранились черновик и копия его двух писем и полученные им беловые письма Милютина, в архиве Милютина мы находим черновики писем Милютина и на бело собственноручно переписанные письма Чернышевского. Сравнивая текст черновиков и на бело переписанных писем легко убедиться, что оба корреспондента в процессе переписки уточняли содержание излагаемого.

Причиной переписки Н. Г. Чернышевского с Д. А. Милютиным послужил инцидент с О. С. Чернышевской, о котором в отчете III отделения царю за 1862 г. мы читаем:

«В Павловске 10 июня при выходе из вокзала адъютант образцового кавалерийского эскадрона ротмистр лейбгвардии уланского полка Любецкий, приняв по ошибке двух дам за женщин вольного обращения, оскорбил их. Бывшие при них 4 студента окружили Любецкого и угрожая ему мщением, объявили, что одна из этих дам жена литератора Чернышевского, а другая ее сестра. Любецкий через родственников их и полицеймейстера просил извинения, но муж Чернышевской, желая воспользоваться этим случаем для обличения офицеров помянутого эскадрона со студентами, домогался отдать дело на суд общества офицеров. Сделанными ему III отделением внушениями это домогательство отклонено и Чернышевский отказался от всяких притязаний к Любецкому, а жену свою отправил в Саратов».

Сейчас же после инцидента в Павловске, Н. Г. Чернышевский обратился с письмом к начальнику Образцового

¹ Всеподданнейший отчет III отд. за 1862 г. — цитировано по Красн. Архиву 1923 г., т. III, стр. 289—290.

эскадрона полковнику Марковскому. В его архиве сохранился ответ Марковского:

Милостивый государь г. Чернышевский.

Обращаться к мнению общ[ества] офицеров имеет право только член общества или начальник; следовательно, Вашей просьбе дать согласие на разрешение я не имею права. Тем более, что не имею чести даже знать Вас.

Прошу принять уверение в истинном почтении

Покорнейший слуга

К. Марковский.¹

После этого Н. Г. Чернышевский написал Д. А. Милютину следующее письмо, текст которого мы даем по беловому оригиналу, сохранившемуся в архиве Милютина. В примечаниях к этому и следующим письмам отметим различия с текстом тех же писем, сохранившихся в архиве Чернышевского и опубликованных в III—IV томе «Звеньев» в 1934 г. стр. 577—582.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — Д. А. МИЛЮТИНУ²

Ваше Высокопревосходительство,³

Одним из подчиненных Вам лиц (офицером Образцового эскадрона) нанесено мне оскорбление, за которое порядочные люди прежде вызывали на дуэль, а теперь просто бьют нахала палкою, как собаку. Но мне неприлично прибегать к самоуправству, потому что я должен служить примером для других и в моей частной жизни.⁴ Я должен наказать обидчика судом общественного мнения. Самый мягкий и прямой способ⁵ к тому — отдать⁶ его

¹ «Звенья», III—IV, стр. 577, изд. «Academia», М. 1934 г.

² В архиве Чернышевского это письмо имеется в копии тайнописью Н. Г. Чернышевского на обороте вышеприведенного письма к полковнику Марковскому.

³ Обращения в копии нет.
⁴ В копии эта фраза формулирована иначе: «потому что я должен служить примером в общественной и в моей личной жизни».

⁵ В копии — «ход» вместо «способ».

⁶ В копии вместо «отдать» — «передать».

поступок на суд его товарищей по службе. Я обращался с этою просьбою к г. командиру Образцового Эскадрона. Он отвечал, что ее исполнение превышает¹ его власть. Потому я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с вопросом: может ли быть исполнено мое желание, состоящее в том, чтобы мне сделать прежде всего другого² попытку наказать обидевшее меня лицо публичным порицанием его поступка голосом его сослуживцев.

С истинным³ уважением имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Н. Чернышевский.

13 июня
1862.

Мой адрес:
У Владимирской, в Большой Московской, дом Есауловой.

Д. А. МИЛЮТИН — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ
(черновое)

Г. Чернышевскому 13 июня 1862 г.
Мил. госуд. <арь>

С крайним сожалением узнал я из Вашего письма от сего числа о нанесенном Вам одним из офицеров Образцового Эскадрона оскорблении, за которое Вы, М. Г., желали бы наказать обидчика «публичным порицанием его поступка голосом его сослуживцев»,⁴ и спрашиваете на такой способ⁵ моего согласия, основываясь на том начале, будто бы за такие оскорбления, «за которые прежде порядочные люди вызывали на дуэль, следует теперь просто бить палкою».

Хотя для меня вовсе не понятно, почему ныне порядочные люди должны действовать иначе, чем в прежнее время, однако же не могу не

¹ В копии — «будет превышать».

² В копии это место сформулировано так: «чтобы самому мне сделать перед [лицом] всего общества».

³ В копии: «с глубоким».

⁴ В беловом эта фраза подчеркнута.

⁵ В беловом: «Способ расправы».

согласиться, что Вам, М. Г., также как и всякому другому, было бы неуместно прибегать к какому бы то ни было способу самоуправления, — и видя <что> из письма Вашего, что Вы обращаетесь ко мне как к начальнику того ведомства, к которому обидчик принадлежит по своему официальному положению, я считаю долгом своим принять меры, чтобы нанесенное Вам оскорбление не осталось без должного удовлетворения. Для этого я должен покорнейше просить Вас доставить мне сведения о том, кто именно из офицеров Образцового Эскадрона позволил себе нанести Вам обиду, в чем она¹ состояла и каким обстоятельствами сопровождалась. Вы можете быть уверены, что я поставлю в обязанность ближайшему <офицер> начальству того офицера разобратить дело, и заставить его или просить у Вас прощения, или покориться тому взысканию, которого он² будет заслуживать по мере своей вины. — Но само собою разумеется, что я употреблю для сего³ только те меры, которые установлены законом, и никакого другого способа, кроме законного, допустить не могу.

Примите, мил. госуд., и пр.⁴

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — Д. А. МИЛЮТИНУ

Ваше Высокопревосходительство. Я обращался к Вам вовсе⁵ не с просьбою о том, чтобы дать административный ход делу, о котором писал: если б я имел такое намерение, то написал бы не частное письмо⁶, а просьбу по⁷ установленной форме, с изложением подробностей дела, с поименованием лица, на которое жалуюсь, и т. д. Я

¹ В беловом вставлено — «именно».

² В беловом «он» отсутствует.

³ В беловом: «что для этого я употреблю».

⁴ В беловом: «уверение в истинном моем уважении. Д. Милютин, 13 июня 1862 г.»

⁵ В черновике нет «вовсе».

⁶ В черновике добавлено «к Вам».

⁷ В черновике «в».

не сделал этого потому, что, как известно и Вашему Высокопревосходительству, власть не компетентна в личных делах о так называемом оскорблении чести: эти дела, как Вам известно, подлежат только или¹ самоуправству, или общественному мнению. Желая пользоваться исключительно последним средством, я имел честь обращаться к Вашему Высокопревосходительству только о вопросе: имеет ли г. командир Образцового Эскадрона право оказать мне свое содействие в том, чтобы поступок одного из офицеров этого эскадрона был предложен мною на рассмотрение его сослуживцев.

Из Вашего ответа на мое письмо я вижу, что нужно тут объяснить Вашему Высокопревосходительству два обстоятельства: во первых, почему² я хочу предложить это дело на рассмотрение³ гг. офицеров Образцового Эскадрона, во вторых, почему я сообщал об этом своем намерении — сначала г. командиру Образцового Эскадрона,⁴ потом Вашему Высокопревосходительству.

Что касается первого обстоятельства, я руководюсь тою мыслью, что ближайшие представители общественного мнения о каком либо действии какого либо лица — сослуживцы этого лица. Если я не обращаюсь прежде всего к гг. офицерам Образцового Эскадрона, я нанесу им⁵ обиду: не пригласить их в судьи о поступке их товарища, значит⁶ показать, что я или не полагаюсь на их благородство и беспристрастие, или не дорожу их мнением.

Что же касается второго обстоятельства, (заявления сначала г. командиру Образцового Эскадрона, потом Вашему Высокопревосходительству — что я намерен просить

¹ В черновике нет «или».

² В черновике вставлено «же».

³ В черновике добавлено «именно».

⁴ В черновике вставлено «а».

⁵ В черновике добавлено «косвенную».

⁶ В черновике «значило бы».

гг. офицеров Образцового Эскадрона быть судьями поступка одного из их сослуживцев)¹ я почел необходимым сделать это заявление для предотвращения всяких недоразумений и ложных слухов, — осторожность, быть может чрезмерная, но быть может и не излишняя.

Из письма Вашего Высокопревосходительства я вижу, что не буду иметь содействия г. командира Образцового Эскадрона в предполагаемом мною образе действий, но еще не считаю нужным отказываться от своего намерения. Смею думать, что Ваше Высокопревосходительство не почтете нарушением законов или служебных правил, если я теперь лично и совершенно частным образом обращаюсь к каждому из гг. офицеров Образцового Эскадрона с просьбою, чтобы он выразил мне свое мнение о том поступке своего сослуживца, который нахожу я² недостойным честного человека. Мне кажется, что этим я не нарушу никаких законов или³ правил службы. Если же я ошибаюсь, то прошу Ваше Высокопревосходительство сказать мне, что это было бы с моей стороны недозволительно⁴. Я не то, что прошу Вашего разрешения или согласия, — в подобных вещах не следует искать разрешения или согласия, — я только заявляю Вашему Высокопревосходительству о своем намерении, — заявляю по принятому мною правилу осторожности в поступках. Я не хочу делать ничего недозволительного⁵.

До вечера завтрашнего дня я не буду предпринимать ничего. Запрещению я буду повиноваться. Но если не получу запрещения, то буду считать свои действия незаконнопреступными.

Прошу у Вашего Высокопревосходительства извинения в том, что обременяю Вас письмами по личному

¹ В черновике добавлено «то».

² В черновике «кажется мне».

³ В черновике «и».

⁴ В черновике «непозволительно».

⁵ В черновике «непозволительного».

19 авг. 1888

Добрый день —

3

назван этия слыши, твоя характеристика

Ваша, Ваших Александровича, мои понятия об этом —
континент между нами и приняти на себя принятие

жалею без внимания делу прав советника. Не
собираю посыл; сначала отбыв на Ваше мнение

письмо от 12 августа

Вы находите надежные сведения редакцион-

ные материалы к моему материалу. Благодарю.

Скажу о нем несколько слов. Она — лишь

первая из ряда предположений моего материала
о возможности ускорения материального благополучия

с требованиями разума и совести. Я даю ей
еще особую, увеличенную часть потому, что

для обертки журнала законности статей

в одной книге будет удобнее прибавить к

моему, то есть для всех других, кроме меня, мелочному делу.

С истинным уважением имею честь быть

Вашего Высокопревосходитель-
ства

покорнейшим слугою

Н. Чернышевский.¹

14 июня 1862.
Четверг.

Д. А. МИЛЮТИН — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВ-
СКОМУ

(черновое)

[15 июня 1862 г.]

Мил. Госуд.²

Вчера вечером получил я второе письмо ваше, в котором Вы, М. Гос.,³ объясняете, что вовсе не <желали прибе> имели намерения обращаться ко мне официально и <до> и не желали, чтобы <я> <давал> делу о нанесенном Вам оскорблении дан был ход административный: <напротив того, Вы намереваетесь «лично и совершенно частным образом обратиться к каждому из гг. офицеров Образцового Эскадрона с просьбою, чтобы он выразил свое мнение о поступке своего сослуживца»> — Ответ на этот>

На это спешу Вас <мил> уведомить, Мил. Гос., что если Вы не <имели в виду обращаться> желали моего официального вмешательства в это дело, — то⁴ я с своей стороны не <же> могу <как никакого вовсе> вмешиваться в частные Ваши сношения с отдельными личностями⁵. <Но должен только повторить, что никакого незаконного дела я не могу дозволить офицерам всякое выражение> <лич-

¹ В черновике это письмо Чернышевского имеет несколько вариантов. См. «Звенья», III—IV, стр. 579—681.

² В беловом «Милостивый государь Николай Гаврилович».

³ В беловом без «М. гос.».

⁴ В беловом вставлено «и».

⁵ В беловом все дальнейшее до слов «Но считаю» пропущено.

4 Записки отдела рукописей.

ное мое мнение, что могу только выразить свое желание...>

<Однакоже, узнав теперь из этой переписки, что Вы жела> Но считаю только обязанностью выразить мое мнение что и тот образ действия, который Вы <полагаете> указываете в последнем Вашем¹ письме не может быть признан <не> правильным² кроме того весьма желаю, чтоб <Вы> дело <это> в котором <уладилось> сколько я мог теперь узнать, не было ничего другого, кроме недоразумения и неосторожности, уладилось без вмешательства <целого> <Но если бы>

<Вы намереваетесь обратиться> <лись> <к целому> обществ<у> а офицеров эскадрона; — <я> должен предупредить Вас, мил. гос., что в таком случае дел. Вы <ибо и в противном случае <оно получило> Вы <то> сами <уже> дали бы делу <ему случаю делу> <делу> <делу частному> частному <дадите> оборот официальный.

Примите мил. гос. уверения в искреннем уважении.

15 июня.

В тот же день, когда писано было это последнее письмо Милютину, Н. Г. Чернышевский получил следующее отношение из III отделения.

«Управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии, свиты его величества гене-

¹ В беловом нет «Вашем».

² Дальше в беловом читаем: «Напротив того, весьма желательно, чтобы дело, в котором — как я мог теперь узнать, не было ничего другого, кроме недоразумения и неосторожности, уладилось без вмешательства общества офицеров Образцового Эскадрона, ибо в противном случае Вы сами дали бы делу частному оборот официальный.»

Примите милостивый государь уверение в истинном моем уважении

Д. Милютин

15 июня 1862.
Царское Село.

рал-майор Потапов свидетельствует совершенное почтение его высокоблагородию Николаю Гавриловичу, имеет честь покорнейше просить пожаловать к нему, генерал-майору Потапову, в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии завтра 16-го числа, в два часа пополудни.

15 июня 1862.
Его Высокоб-дию
Н. Г. Чернышевскому¹.

Очевидно, одновременно с ответом Чернышевскому, Милютин обо всем этом деле уведомил шефа жандармов.

В архиве Милютина сохранилась собственноручная записка шефа жандармов князя Василия Долгорукова к Д. А. Милютину о ликвидации этого инцидента, написанная на другой день после вызова Чернышевского в III отделение. Приводим текст записки:

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В АРХИВЕ В. А. ГОЛЬЦЕВА

Письма Н. Г. Чернышевского к В. А. Гольцеву по своему содержанию представляют большой интерес для изучающих последние годы общественной деятельности великого «всероссийского демократа-революционера» (Ленин).

Первая публикация этих писем была сделана самим В. А. Гольцевым в журнале «Русская мысль» 1903, кн. I (стр. 126—129). Гольцев опубликовал большие отрывки из всех писем, сопроводив их своими краткими комментариями.

Вторично эти письма опубликованы в сборнике «Памяти В. А. Гольцева» под редакцией А. А. Кизеветтера (издание Н. Н. Клочкова, Москва 1910 г., стр. 158—165). Письма опубликованы и здесь не полностью, с значительными купюрами. Причем в предисловии редактора эти пропуски объясняются нежеланием «загромождать так или иначе интимную жизненную обстановку лиц, еще живущих» и поэтому «в напечатанных письмах кое-где сделаны купюры, впрочем везде обозначенные точками»².

¹ См. «Звенья», т. III — IV, стр. 582.

² Сборник «Памяти В. А. Гольцева», стр. VI.

«Дело Любецкого, любезный Дмитрий Алексеевич, Потаповым конечно. — Он¹ не требует ничего, публичного извинения не желает, сознает неуместность своих прежних требований, как равно неприличие письма своего к полковнику Марковскому и дает слово, что со стороны юношей, сопровождавших в Павловске его жену, никаких последствий не будет.

Искренно Вам преданный
князь Василий Долгоруков.

16 июня.

Как известно, очень скоро после ликвидации этого инцидента, т. е. 7-го июля того же года, на долгие годы был ликвидирован тем же III отделением и сам Н. Г. Чернышевский.

М. Н. Лядов

Письма эти перепечатаны в «Лит. наследии» Н. Г. Чернышевского, том 3. По поводу этих писем Н. М. Чернышевская в «Введении» пишет: «К этому рукописному фонду мы присоединили письма Чернышевского, опубликованные в разных — периодических и непериодических — изданиях, подлинники которых, однако, не входят в указанный выше рукописный фонд и местонахождение которых большей частью неизвестно.

Таковы: 4 письма к В. А. Гольцеву 1887—1888 гг.»²

Из этого следует, что письма к Гольцеву печатались в «Лит. наследии» не с оригинала, а с непроверенного текста, опубликованного в вышеуказанном сборнике «Памяти Гольцева». (В примечаниях к каждому письму и указано, что оно печатается по тексту этого сборника.)

Таким образом, собственно имеется одна публикация этих писем (если не считать фрагментарную публикацию

¹ То-есть Н. Г. Чернышевский.

² «Литературное наследие Чернышевского», т. III, стр. VIII.

Гольцева), так как в «Лит. наследии» текст писем перепечатан из сборника «Памяти Гольцева». Вся разница только в чисто технических опечатках в том или ином издании. Текст двух последних писем дан с пропусками, изобилует разного рода искажениями, что дает право считать прежнюю публикацию несоответствующей научным требованиям и делает необходимой действительно полную их публикацию. Ниже мы публикуем их по автографам.

Письма от 27/IX 1887 и 23/VI 1888 г. опубликованы полностью, и поэтому нет надобности их публиковать вновь. Считаю нужным только указать на отдельные искажения, вкравшиеся в их текст. Так, например, в тексте письма от 27/IX 1887 г. напечатано: «Предметом первой моей работы я взял вопрос о том, как велико было влияние пап на ход событий в период, обыкновенно называемый временем всякого могущества их»³. В письме написано «великого могущества их». Напечатано: «обе статьи не велики»⁴. Написано: «обе статьи будут не велики».

В тексте письма от 23/VI 1888 г. напечатано в обращении: «Милостивый государь»⁵, написано: «Милостивейший». В «Лит. наследии» напечатано: «истинно научной теории, которая была изложена Ламарком»⁶. Написано: «истинно-научной теории». При этом здесь уже совершена ошибка при перепечатке текста из сборника «Памяти Гольцева», т. к. там этой ошибки нет. Таковы мелкие недостатки в публикации первых двух писем. Письма от 19/VIII и 31/VIII 1888 г. были опубликованы с значительными купюрами и большим количеством мелких искажений.

Имеются мелкие ошибки, искажающие смысл фразы или превращающие отдельные фразы в бессмыслицу. Так, например, в тексте письма от 18/VIII напечатано: «...необходимость моя не признавать ничьего личного суда о моих на-

¹ «Памяти Гольцева», стр. 158; «Литер. наследие», т. III, стр. 227.

² Там же.

³ «Лит. насл.», т. III, стр. 227.

⁴ Там же, т. III, стр. 960.

учных мнениях авторитетным для меня советом иное дело»⁷.

Написано: «...совсем иное дело».

В тексте письма от 31/VIII 1888 г. напечатано: «Когда я пишу, я непрерывно забочусь не уклониться от всякого нарушения цензурных требований»⁸. В оригинале слово «не» отсутствует. Публикаторы, вставив отрицание не, сделали фразу бессмысленной.

Купюры в тексте письма от 19/VIII отмечены многоточиями: «теперь... в программу введено» и т. д.⁹. Но в этом опущенном месте письма не содержится ничего, касающегося интимных сторон жизни какого-нибудь живущего лица. Речь здесь идет о программе журнала Гольцева «Русская мысль». Чернышевский критикует «шаткость» линии журнала, неумение редакции использовать фактические условия «существования русского журнала». Таким образом место, опущенное прежними редакторами, имеет существенный интерес.

Купюра в тексте письма от 31/VIII 1888 г. сделана даже без обещанных редакцией точек, причем из слов Чернышевского произвольно составлена фраза: «Это человек не только благородный, но и очень умный»¹⁰ (речь идет о В. М. Лаврове — издателя «Русской мысли»).

Таковы основные недостатки прежней публикации писем Чернышевского к Гольцеву.

В различных материалах архива В. А. Гольцева нередко встречается имя Чернышевского. Имеются два письма Шелгунова к В. А. Гольцеву с упоминаниями о Чернышевском. Одно из них от 25 августа 1885 г. опубликовано в сборнике «Памяти Гольцева»; второе — от 11 января 1888 г. не опубликовано. В нем Шелгунов, сообщая о работе над своими воспоминаниями, пишет: «Кончу статью тем, что дам ясный намек, что останавливаюсь на Доб[ролюбо]ве, Чер[нышевском] и П[исаре]ве и что напишу о них, если окажется возможным».

¹ «Памяти Гольцева», стр. 163.

² «Памяти Гольцева», стр. 165; «Лит. насл.», стр. 308.

³ Там же.

⁴ Там же.

Своеобразный интерес представляет письмо от 28 декабря 1874 г. Н. А. Зверева, впоследствии сенатора, как критика Чернышевского с консервативно-либеральных позиций. Зверев писал Гольцеву:

«Я ставлю скромного Милютина, эмансипатора и «тайного советника» неизмеримо выше популярного «каторжника» Чернышевского, — нужды нет, что первый получает чины и богатое содержание, а второй пострадал за идею. Либеральные идеи так медленно проникают в нашу жизнь в значительной мере потому, что сторонники их слишком часто одеваются в сердитые мантии и без нужды и цели запугивают робких консерваторов...

...Нет я не сторонник таких либералов, — я не сочувствую тем людям, у которых либеральные мысли и в дело и не

в дело, везде и всюду с языка капают. Нет я лучше предпочту «балансировать по всем правилам жонглерского искусства», лишь бы это не было против моей чести и принесло бы пользы любимому делу, нежели бесцельно качаться на одном либеральном шестаке».

Надо иметь в виду, что в понятие «либералы» Зверев включает революционеров типа Чернышевского.

Публикуемое ниже письмо сына Н. Г. Чернышевского Михаила Николаевича к В. А. Гольцеву от 7 ноября 1889 г., написанное спустя несколько недель после смерти отца, свидетельствует, что Мих. Ник. с первых дней после смерти Чернышевского начал большую и важную работу по собиранию его богатейшего литературного наследства.

М. Хейфец

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — В. А. ГОЛЬЦЕВУ

19 авг. 1888.

Добрый друг, —

начинаю этими словами, чтобы характеризовать Вам, Виктор Александрович, мои понятия об отношениях между нами и принять на себя принадлежащее боле[e] опытному другу право советника. Но советы после, сначала ответ на Ваше милое письмо от 12 августа.

Вы находите надобным сделать редакционное примечание к моей статье. Делайте.

Скажу о ней несколько слов. Она — лишь первая в ряду предположенных мною статей о тождестве условий материального благосостояния с требованиями разума и совести. Я дал ей вид особой, цельной статьи лишь потому, что для обертки журнала законченность статьи в одной книжке выгоднее прибавочных к заглавиям обозначений «статья первая», «статья вторая» и т. д. Большинство читателей журналов берут их у знакомых и принуждены читать лишь отдельные книжки

журнала, какие успевают добыть, в таком роде: апрель, август, сентябрь, декабрь, — остальные книжки не дошли до рук. Читатели этого разряда огорчаются, видя на обертке «статья вторая» — первой не было у них в руках, и нет у них уверенности, что дойдет до их рук книжка с «третьей статьей». А этот разряд читателей и формирует репутацию журнала. Это люди, читающие не от-нечего-делать, а по страстной любви к просвещению. Это Вы знаете. Этим я и руководился, рассудив, что надобно разделить ряд моих статей о законах материального благосостояния на статьи, каждая из которых имела бы форму особой, цельной, законченной статьи.

Когда я отделил начало моего трактата от продолжения и послал Вам, как особую статью, у меня осталось вдвое больше листов, чем сколько ушло для составления из них первой статьи.

Я посмотрю, повредит ли журналу моя первая статья. Будьте уве-

рен, что я умею судить об этом. Помните, что я опытнее Вас. Прибавлю, что в вопросах об отношениях русской публики ко мне я индифферентен. В русской публике нет людей, которых я считал бы компетентными судьями моим ученым мнениям. Я пишу для европейской публики, а не для русской. Печатаю по-русски лишь потому, что еще не имею возможности печатать по-французски или по-английски с одновременным изданием немецкого перевода (и перевода на французский, если подлинник английский, или наоборот). Я считаю себя имеющим силу содействовать переработке некоторых отделов науки. Основательно ли это мое мнение о себе? В данном случае не это имеет практическую важность для отношений между Вами и мною, а только то, что я имею это мнение. Из того следует: я не могу допустить, чтобы журнал, в который я посылаю статьи, брал на себя суд о их содержании. Возвращаясь к вопросу о том, пришлю или не пришлю я в «Русскую Мысль» продолжение моего трактата. Мнение русской публики не затрагивает моего самолюбия ни похвалами, ни порицаниями. Потому я могу судить беспристрастно о том, находит ли публика, что мои статьи не вредят журналу или думает, что лучше было бы для него не помещать их. Вредить «Русской Мысли» я не хочу, в этом, вероятно, Вы не сомневаетесь. Я увижу, требует ли интерес «Р. Мысли», чтоб я избавил русскую публику от помещения моих статей в ней. И будьте спокоен: Вам нет надобности судить о том, вредят или не вредят «Р. Мысли» мои статьи во мнении русской публики; я беру этот суд на себя; этого должно быть достаточно для Вас.

Прошу Вас не считать этого недостатком уважения к Вам. Речь идет не о моем мнении относительно Вас. Оно само по себе, а необходимость моя не признавать ни-

чьего личного суда о моих научных мнениях авторитетным для меня совсем иное дело. Кого Вы считаете наиболее авторитетным судьей по вопросам о законах материального благосостояния? Я сказал бы: величайший авторитет по этим вопросам — Рикардо. Предположим, и Вы выбрали это имя. И предположим, что Рикардо жив. Могу ли я признавать за Рикардо право решения о моих мнениях по этим вопросам? — Ясно, что не могу. Судья человека, имеющего притязание перерабатывать эту отрасль науки, один: европейская публика.

Беру теперь на себя право старшего, более опытного друга быть советником.

Вы затруднились напечатать мою статью потому, что в «Р. Мысли» были помещены статьи превознесившие дарвинизм. Ваше затруднение было неосновательно. Журнал не может связывать свою свободу обязанностью держаться мнений, высказываемых его сотрудниками по все[m] вопросам, не входящим в его программу. В программу учебно-литературного журнала не могут входить никакие решения никаких вопросов, кроме вопросов общественной жизни нации. Для него не обязательно признавать или отрицать — не то что дарвинизм, а хотя бы даже систему Коперника. По вопросам, не относящимся к текущим делам национальной жизни, журнал того рода, как «Р. Мысль» или «Вестник Европы» или *Revue des deux mondes* или *Fortnightly Review*, не может иметь никаких редакционных мнений. Он печатает статьи по ним, но сам остается индифферентен по всяким спорам, не относящимся к национальным делам.

Программа «Р. Мысли» недостаточно определительна. Позаботьтесь дать ей более точную определенность; не на бумаге, разумеется, а в Ваших мыслях. И выработав программу, неуклонно держитесь ее. Теперь «Р. Мысль» не проводит

свою программу с неуклонностью (какая возможна по данным фактическим условиям существования русского журнала; невозможного или неблагоприятного публики не требует). Шаткость происходит оттого, что в программу введено множество вопросов, не относящихся к национальным делам. Мнимая обязанность следить за соблюдением программы по сотням вопросов не оставляет возможности следить за соблюдением программы по тем, которые действительно важны. Выбросьте из них всякие суждения о Дарвине ли, Копернике ли; журнал не может иметь редакционных мнений ни о чем ученом; он знает только национальные интересы.

Думаю, что я делаю Вам досаду этим письмом. Так и быть, досадуйте. Интересы честного журнала, какова «Р. Мысль», мне дороже Ваших личных чувств. С досады Вы вероятно подумаете: «какой же надменный наглец». Нужды нет. Дело не в моих личных качествах, а в том, что для русской публики нужны честные журналы.

Однако, угостил я Вас. Но, так и быть. Понятно, я написал неприятные Вам вещи потому, что уважаю Вас и желаю добра Вашему честному журналу. Следовательно, имею право рассчитывать на Вашу признательность. Жму Вашу руку.

Ваш Н. Чернышевский.

Р. С. Прилагаю письмо к Вуколу Михайловичу, человеку, как я увидел, превосходному, за знакомство с которым благодарю Вас. Ему я пишу не то, что Вам; я ему пишу, что Вы с ним были правы.

2

31 августа 1888.

Добрый друг,

Виктор Александрович,

Душевно благодарю Вас за письмо от 24 августа. Я не имел права ожидать, что оно будет такое ми-

лое; тем больше я порадовался ему.

Я промедлил дня четыре ответом на него, воображая, что не — ныне — то завтра найду досуг рассказать Вам свои предположения о статьях, какие будут получены Вами от меня в нынешнем году. Но вечер за вечером проходил у меня, не подвигая вперед мою работу для окончания сильно запоздавшего Х тома Вебера. Вижу теперь, что не кончу ее ни через два, ни через три дня и что поэтому надобно отложить на неопределенное время рассказ Вам о моих будущих статьях, а пока ограничиться выражением моей признательности Вам.

В том письме, на которое Вы отвечали так благородно письмом от 24 августа, я, наговорив много совершенно лишнего вздора, забыл упомянуть о том, что следовало сказать для Вашего редакционного знания о моем характере.

Я никогда не спорил с цензурой за написанное мною; всегда я принимал без всяких возражений всякое мнение цензора о том, что надобно вычеркнуть из моей статьи; я не довольствовался даже этим; сообщаясь с заметками цензора, я сам вычеркивал другие, ускользнувшие от его внимания, места, которые подходили под высказанные им соображения. Часто случалось, что он останавливал меня, говорил: «Это не опасно, не вычеркивайте»; я отвечал: «Благодарю вас, но лучше будет вычеркнуть», и вычеркивал.

Я остался с тем же характером, какой имел тогда.

Когда я пишу, я непрерывно забочусь уклониться от всякого нарушения цензурных требований. Но их никогда нельзя знать вполне. Тем меньше могу я удовлетворительно разгадывать их теперь, при моей жизни вдали от литературного мира.

Будьте уверен, мой добрый друг, что всякие помарки, какие пока-

жутся Вам полезными для моих статей с точки зрения цензурных надобностей, вперед имеют безусловное мое одобрение.

Вам нравится, что я высказал очень хорошее мнение о Вуколе Михайловиче. Между нами говоря, я слышал отзывы, что он человек очень недалекого ума; и верил им. Я с удивлением увидел, что он человек не только благородный (в чем я не сомневался), но и очень умный. Его скромность закрывает его ум от людей тщеславных или тупых этим я объясняю отзывы, не-

справедливость которых стала очевидна для меня после какой-нибудь четверти часа разговора с ним. Когда Вам случится надобность упомянуть перед кем-нибудь о моих мыслях относительно Вукола Михайловича, то прошу Вас быть уверенным, что всякое хорошее мнение о нем, какое припишете Вы мне, будет признано мною за действительное мое.

Жму Вашу руку,

Ваш, глубоко уважающий

Н. Чернышевский

М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — В. А. ГОЛЬЦЕВУ

СПб. 7 ноября 89 г.

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Весьма сожалею, что мне не удалось познакомиться с Вами лично. Я приезжал в Москву всего лишь на один день, а потому и не мог зайти к Вам вторично.

Думал зайти к г. Лаврову, но к несчастью потерял его адрес.

К Вам я заезжал по следующему делу: в редакции «Рус[ской] Мысли» имеется повесть моего покойного отца, оставшаяся ненапечатанною. Я покорнейше бы просил Вас, многоуважаемый Виктор Александрович, переслать эту повесть в запечатанном конверте (лучше если

не по почте) на имя Козьмы Терентьевича Солдатенкова (Мясницкая, собств. дом), который по прочтении перешлет эту повесть мне.

Об исполнении моей просьбы, чем премного обяжете, просил бы очень не отказать уведомить меня по нижеуказанному адресу.

В надежде когда-нибудь познакомиться с Вами лично, остаюсь с искренним уважением

Всегда готовый к услугам

Мих. Чернышевский.

СПб.

Английский проспект, 36.

Михаилу Николаевичу Чернышевскому.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В СИБИРИ

1866—1883 гг.

(По материалам архива Корсаковых и Воронцова-Дашкова)

В середине августа 1864 г. Чернышевский был доставлен в Кадаинский рудник Нерчинского округа. Он отбывал каторгу вместе с поэтом М. И. Михайловым, до смерти последнего 3 августа 1865 г. Затем Чернышевский был посажен в одну камеру с С. Г. Стацевичем — бывшим студентом Медицинской академии. В связи с раскрытием в 1865 г. плана освобождения Черны-

шевского, подготовленного в Ишутинском кружке, — из Петербурга и от сибирских властей все чаще приходили в Кадаю приказы, настойчивые требования строже следить за опасным политическим «преступником» — Чернышевским. Так, 4 апреля 1866 г. сибирские власти отдали распоряжение о строгом надзоре за Чернышевским, 26 мая пришло подтверждение из Петербурга об

усилении наблюдения за опасным «каторжником». К этому времени относится находящаяся в архиве Корсаковых «Памятная записка», написанная генерал-губернатором Восточной Сибири Мих. Сем. Корсаковым, в которой приведен краткий, но весьма выразительный приказ полковнику Гавриилу Воронцову (коменданту политических преступников Восточно-Сибирского края) и нерчинскому коменданту.

Вот текст «Записки»:

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Обратите особенное внимание на Чернышевского¹

Написано в частном письме Полк. Воронцову от 26 мая с Адъютантом Пороховым и сверх того поручено Майору Купенкову написать Нерч. Коменданту.

«Памятная записка» Корсакова относится к 1866 г.

В ответ на письмо, переданное адъютантом Пороховым, полковник Воронцов 1 июня 1866 г. написал следующее письмо Корсакову, в котором доносил о состоянии «преступников», находившихся под его управлением:

9 июня²

Ваше Высокопревосходительство
Михаил Семенович

Адъютант Порохов доставил ко мне высочайшею милость для политических преступников, изъясненную в предписании Вашем за № 488-м которая мною объявлена преступникам содержащимся в Александровском Заводе в рудниках же Акатуевском и Катанском также немедленно будит объявлено и затем приступлю к исполнению изложенного в предписании Вашего Высокопревосходительства. Относительно Чернышевского имею честь доложить что я давно хотел было перевести его в Александровский Завод но так как Чернышевскому предоставлены средства более удоб-

¹ Подчеркнуто в автографе Корсаковым.

² Дата получения письма помечена рукою М. С. Корсакова.

ного и спокойного помещения что в Кадае и есть для него в Александровском же Заводе нет такого помещения где бы можно было отделить его от прочих в Кадае он хотя тоже не один а с преступником Стацевичем но зато они двое отделены от прочих и за ними имеется особый надзор. О Шестакове я могу сказать что он по возможности исполняет свою обязанность и уже как давно смотрителем то привык к этому трудному делу Преступники вообще с самого начала поставлены так что обращаются с ними нужно уметь. Дворжачик недавно возвратился из Шелопутию?, он сильно желает заняться практикой и говорит что Вы ему позволили но я ему не поверил не видя распоряжения Вашего. Огрызко содержится в Акатуе похаживает на работу и уже хотел пристроится к лазарету но по свидетельству лекаря оказался здоров потом изъявил неудовольствие на Акатуевскую воду, что она имеет вредное влияние на его здоровье но и это тоже не помогло ему увернутся от работ, работы продолжают хотя и неуспешно но все таки подвигаются вперед Исправление тюрем и прочего также продолжается;

С истинным почтением имею честь быть Вашего Высокопревосходительства

покорный слуга

Гавриил Воронцов.

1 июня
1866 года

З. Александровский.

Как видим из письма, «забота» об «удобном и спокойном помещении» была весьма своеобразной и заключалась исключительно в заботе об изоляции Чернышевского от других политических заключенных и в установлении усиленного «особого» надзора. 23 августа 1866 г., после тяжелого путешествия и преодоления многочисленных преград, чинимых властями и петербургскими и сибирскими, в Кадаю прибыла

Ольга Сократовна Чернышевская с 8-летним сыном Михаилом. Радость встречи была омрачена постоянным присутствием пьяного жандарма, осуществлявшего «особое наблюдение» в целях предотвращения якобы готовящегося побега Чернышевского.

27 августа Ольга Сократовна с сыном отправились в обратный путь.

В конце сентября этого же 1866 года Чернышевский был все же переведен на Александровский завод. Чернышевский пишет об этой перемене своего местожительства в письме к жене 2 октября 1866 г.: «В Кадае произошла небольшая перемена прямым образом не относившаяся ко мне, но изменившая мою обстановку в выгодную для меня сторону. Помещение солдат в Кадае было очень тесно, ревизор из Иркутска, осматривавший их казармы, хлопотал о том, чтобы как нибудь найти еще здание для размещения их. Было решено отдать под казарму весь домик, в котором жил я. Но куда же деваться мне? На мое счастье опростались две комнаты на Александровском заводе и в конце сентября я перебрался в них»¹.

Александровский завод, так же как и Кадайский рудник принадлежал к системе Нерчинских заводов, которые были подчинены одному коменданту. При этом комендант подчинялся непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири и III отделению и не был зависим от местного губернатора Забайкальской области. Поэтому наблюдение за Чернышевским почти до самого отъезда его в Вилюйск (в декабре 1871 г.) было в руках Корсакова. На Александровском заводе Чернышевский прожил с октября 1866 г. до 7 декабря 1871 г. В июне 1867 г., по окончании срока «испытваемости», согласно статье 569 устава о содержащихся под стражей, Чернышевский был освобожден из тюрьмы с разрешением поселиться на вольной квартире. Одновременно с Чернышевским на вольную квартиру был переведен Александр Афанасьевич Красовский. Подполковник Красовский, арестованный 17 июня 1862 г. за составление

¹ Чернышевский в Сибири, т. I, стр. 178

прокламации к солдатам-житомирцам, был присужден к смертной казни, замененной 12-летней каторгой. С 28 ноября 1863 г. он ее отбывал на Александровском заводе. В начале июня 1868 г. Красовский попытался совершить побег но неудачно и в 17 верстах от завода покончил с собой.

Это событие отразилось на положении Чернышевского. 11 июня 1868 г. начальник иркутского губернского жандармского управления телеграфировал III отделению о побеге Красовского. Из Петербурга неслись строгие запросы — почему Красовский был выпущен из тюрьмы, хотя и было это сделано с точным соблюдением закона. Несмотря на то, что Чернышевскому также на вполне законных основаниях было предоставлено право жить на частной квартире в поселке Александровского завода, после побега Красовского, по распоряжению Корсакова, Чернышевский был заключен в тюрьму, где он и пробыл до отъезда в Вилюйск, — 7 декабря 1871 г. К этому времени относится имеющееся в архиве письмо Николая Петровича Дитмара — военного и гражданского губернатора Забайкальской области — к М. С. Корсакову.

В письме Дитмар подробно излагает свою жизнь в Петербурге, встречи с министрами и другими важными лицами. И вот, между радостным известием, что «граф Шувалов¹ нисколько не переменился, остался прежним хорошим товарищем — на ты, любезный друг — спрашивал меня доволен ли я своим местом» и передачей различных великосветских слухов и толков, Дитмар сообщал: «Шувалов передал мне, что государь был недоволен, что Красовский жил на свободе, но что Шувалов прочел твое донесение и все успокоилось более всего опасаются чтобы Чернышевский не бежал».

Письмо датировано 22 октября без указания года. Выше приведенные сведения позволяют отнести письмо к 1868 году.

¹ Граф Шувалов в 1866 г. сменил Мензеева на посту шефа жандармов.

Все три публикуемые сообщения относятся к одному периоду сибирской жизни Н. Г. Чернышевского (1866—1868 гг.). Они очень ярко показывают, каким опасным врагом своим считали Чернышевского правительство Александра II и сам царь, сколько забот и тревог причинял Чернышевский из далекой сибирской каторги большим государственным людям. Не напрасно Дитмар пишет, что в правительственных кругах «более всего опасаются, чтобы Чернышевский не бежал». Письмо Воронцова и «Памятная записка» Корсакова свидетельствуют о том, как сибирские власти и начальство Александровского завода осуществляли приказы Петербурга о бдительном, неусыпном, «особом» надзоре за опасным политическим заключенным Н. Г. Чернышевским.

В августе 1870 года окончился срок тюремного заключения Чернышевского и, согласно действующим законам, он должен был перейти в разряд поселенцев с правом свободного выбора места в пределах Сибири. Но шеф жандармов граф П. А. Шувалов считал, что освобождение Чернышевского из тюрьмы принесет существенный ущерб государственной безопасности. 4-го сентября 1870 г. в своем докладе царю Шувалов писал, что источником всех обнаруженных государственных преступлений служили и служат «агитаторская деятельность Чернышевского и идеи, развитые в его сочинениях». Шувалов предостерегал Александра II, что в случае побега (а возможность побега после освобождения из тюрьмы увеличится) Чернышевский сделается центром революционной партии за границей. Основываясь на этих соображениях, Шувалов предложил оставить Чернышевского в тюрьме. Прочитав доклад, Александр наложил резолюцию: «исполнить согласно с соображением».

25-го сентября 1870 года Комитет министров утвердил предложение Шувалова, приняв решение о необходимости продолжить заключение Чернышевского в тюрьме... «и немедленно приступить к изысканию мер к обращению сего преступника согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и

при таких условиях, которые устранили бы всякое опасение насчет его побега и... сделали бы невозможными новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению»¹.

7/XII 1871 года Чернышевский был отправлен из Александровского завода и 11/I 1872 года доставлен в Вилюйск. В этом маленьком городке, расположенном в местности с губительным климатом, Чернышевский прожил 13 лет.

Положение Чернышевского было исключительно тяжелым: суровый климат, цинга, ревматизм, постоянная слезка за каждым шагом, вмешательство в переписку, различные мелкие придирки и никакая перспективы в будущем, так как царское правительство по отношению к Чернышевскому не считало нужным соблюдать свои собственные законы. Неоднократные просьбы жены Чернышевского, его сыновей, А. Н. Пыпина о переводе Чернышевского в более здоровое место оставались без ответа. Чернышевский не знал об этих попытках родных облегчить его участь. Сам Чернышевский не прибегал к унижительным просьбам о помиловании.

В таких невероятно тяжелых условиях прошло 13 лет вилюйской ссылки.

В июле 1882 г. Н. Я. Николадзе от имени народовольцев начал переговоры с министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым. Во время поездки Николадзе в Париж Л. А. Тихомиров передал ему заявление от имени Исполнит. комитета «Народной воли» для передачи русскому правительству. В заявлении было обещано прекращение террористических актов до и во время коронации Александра III в случае выполнения правительством ряда требований, в том числе освобождения Чернышевского. По приезде в Петербург Николадзе передал эти требования Воронцову-Дашкову. Дальнейшие переговоры Николадзе вел с флигель-адъютантом графом П. П. Шуваловым. «Было ясно,— пишет Николадзе,—освобождение Чернышевского приберегалось в награду за хорошее поведение партии во время коронации»¹.

¹ «Былое» 1924 г., № 25, стр. 41.

Николадзе передал Шувалову проект докладной записки, написанной А. Н. Пыпиным, в котором доказывалось, что Чернышевский пострадал невинно. Шувалов заявил, что такая записка погубит дело, и предложил, чтобы сыновья Чернышевского написали прошение на имя Александра III. После всех этих длительных переговоров «граф Шувалов,— пишет Николадзе,— удостоверяет меня, что если только короткая сядет с рук благополучно, Н. Г. Чернышевский непременно будет возвращен на родину»².

Письмо министра внутренних дел графа Д. А. Толстого от 18/II—1883 проливает свет на эти переговоры об освобождении Чернышевского. Письмо находится в архиве графа Воронцова-Дашкова и, очевидно, является ответом на неизвестное нам его письмо министру внутренних дел с изложением хода переговоров.

«Поспешаю уведомить Вас, многуважаемый граф, что относительно Чернышевского, мне кажется, можно было бы в настоящее время сказать интересующимся им, что о смягчении его участи будет доложено государю перед коронацией. Думаю, что так было бы осторожнее, потому что в течение двух месяцев мы увидим, как будет держать себя террористическая партия, а от этого будет зависеть и степень, так сказать, помилования Чернышевского, которого они считают своим праотцем. Вы видите, что я не отказываюсь просить за него у государя в свое время, а это должно было бы для них быть достаточным.

Искренно Вам преданный

Д. Толстой.

Сегодня государь говорил мне об иностранных газетах во время коронации, и я доложил, что совершенно согласен с вашим мнением.

18 февраля 1883 г.

¹ Н. Николадзе. «Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г.» Петрогр. 1917, стр. 32.

² Там же, стр. 38.

Из этого письма ясно, что освобождение Чернышевского было сделано под давлением и под угрозой со стороны «Народной воли», поэтому граф Толстой предусмотрительно выжидал два месяца, чтобы увидеть, «как будет держать себя террористическая партия, а от этого будет зависеть и степень, так сказать, помилования Чернышевского, которого они считают своим праотцем».

В мае 1883 г. произошла коронация Александра III, и Чернышевский был переведен на «жительство», но не на родину, а в Астрахань, при чем без возвращения «прав состояния». Поездка Чернышевского из Вилюйска в Астрахань была совершена в обстановке большой секретности и с тщательными мерами предосторожности. Многочисленные шифрованные телеграммы летели из Петербурга в Оренбург, Томск, Енисейск, Сызрань, Саратов.

Директор Департамента полиции Плеве требовал от губернаторов принятия особых мер по надзору за Чернышевским и мер к недопущению огласки об его проезде. 27/X—1883 г. Чернышевский, «секретный преступник № 5», прибыл в Астрахань. В течение последних 6 лет его жизни, после возвращения из Сибири, вплоть до смерти, полиция не оставляла без своего внимания Чернышевского ни на один день.

С 1860 г. до 1889 г., 29 лет — половину своей жизни — Чернышевский находился под надзором 3-го отделения и полиции; 21 год — ½ своей жизни — он провел в заточении в самых тяжелых условиях: в Алексеевском рavelине, в Нерчинских рудниках, в далеком Якутском городке. И несмотря на это, Чернышевский пронес свои революционные идеи через всю свою тяжелую, полную испытаний жизнь. До последнего дня он остался негибким, мужественным борцом-революционером.

М. Хейфец

ПИСЬМА К. Д. КАВЕЛИНА к М. Н. КАТКОВУ о ЧЕРНЫШЕВСКОМ

(Из архива М. Н. Каткова)

Два публикуемые отрывка из писем К. Д. Кавелина к М. Н. Каткову относятся к 1858 году. Это было время лег-

кой и кратковременной «оттепели», наступившей после смерти Николая I, время, когда еще не произошло резкого и окончательного размежевания революционно-демократического лагеря от либерального, время, породившее много либеральных иллюзий и розовых надежд. Для людей консервативно-реакционного направления события этих дней казались катастрофическим потрясением всех основ нормальной жизни. Вот как описывает эти бурные дни один из представителей этого направления Н. В. Берг:

«Развязано печатное слово, приподняты разные шлагбаумы, задумано освобождение 25 миллионов рабов. Все кипело, шел треск необыкновенный. Русский человек во всем русский человек... Читатель, конечно, хорошо помнит это необыкновенное, это странное, это страшное время»¹.

В это «странное время» многим казалось, что все идет по одной дороге, в одном направлении. Только самые дальновидные, прозорливые деятели того и другого лагеря видели острые противоречия, глубокий антагонизм в так называемом «русском образованном обществе». В лагере революционной демократии первый последовательно начал разоблачать либерализм во всех его проявлениях Н. Г. Чернышевский. Поэтому уже тогда его имя было ненавистно поборникам реакции и обскурантизма и многим либеральничавшим деятелям. Поэтому уже в 1858 г. Катков и Леонтьев — будущие знаменосцы реакции, а тогда еще кичившиеся своим лондонским либерализмом, — разглядели в Чернышевском опасного и сильного врага. В 1856 г. Катков основал журнал «Русский Вестник», в составе редакции которого сначала входили: М. Н. Катков, Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев. В 1857 г. внутри редакции произошел разрыв, и Корш ушел, основав в 1858 г. свой журнал «Атеней». Журнал этот существовал два года и придерживался умеренно-либерального направления. В мае 1858 г. в «Атенее» была напечатана

на статья Чернышевского «Русский человек на rendez-vous».

Факт помещения статьи Чернышевского в «Атенее» не свидетельствует о его согласии с литературно-политической линией журнала. Это можно объяснить тем, что Чернышевский считал неудобным помещать в «Современнике» критическую статью на произведение («Ася» — Тургенева), опубликованное в том же журнале. М. А. Антонович в своих воспоминаниях рассказывает, что Чернышевский не сочувствовал журналу Корша.¹

1858 год был годом напряженной борьбы в недрах редакции «Современника». Представители дворянского либерализма были вытеснены, и журнал стал органом революционно-демократического направления, признанным вождем которого был Н. Г. Чернышевский.

Письма Кавелина к Каткову как раз и относятся к этому периоду. Кавелин считал себя великим деятелем «прогресса», будучи на деле очень умеренным либералом. Поэтому когда Кавелин пишет, что он близок с Чернышевским — надо понимать под этим не политическую солидарность, а просто хорошие отношения между людьми различных политических взглядов. Чернышевский в своих воспоминаниях о Добролюбовом пишет о своей беседе с Кавелиным в конце 1858 г., когда оба собеседника вынуждены были констатировать, что они принадлежат к различным поколениям и придерживаются разных политических взглядов. Но несмотря на это, и Чернышевский считал до поры до времени Кавелина своим другом. Так, в письме к отцу 11 ноября 1858 г. он пишет: «Если в университете такие люди, как Кавелин и Березин, мои друзья, то с другой стороны, у меня там много врагов...»² Однако Чернышевский и тогда прекрасно понимал весь либе-

¹ «Звенья», т. III—IV, стр. 507.

² Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. IX, стр. 102—104, и «Литературное наследие Чернышевского», т. III, стр. 503.

³ «Литературное наследие Чернышевского», т. II, стр. 279.

рализм Кавелина, так остроумно разоблаченный им позднее в образе Рязанцева. В письме от 10 марта 1858 г. Кавелин облегчает свою душу в вине, в которой он действительно не виноват. Выдержки из кавелинского проекта были опубликованы в «Современнике» и стали проводом для на шумевшей цензурной истории. В февральской книжке «Современника» была помещена статья Чернышевского «О новых условиях сельского быта» за подписью «Современник». В апрельском номере журнала было помещено окончание этой статьи без всякой подписи и представлявшее собой извлечение из проекта Кавелина. 14 апреля шеф жандармов князь В. Долгоруков отправил министру народного просвещения Ковалевскому письмо, в котором просил срочно сообщить фамилию автора статьи, так как она вызвала недовольство самого Александра II. Председатель Петербургского цензурного комитета князь Щербатов на запрос директора канцелярии министерства народного просвещения А. Берте доложил, что автор статьи — как будто Кавелин. Был сделан запрос в редакцию «Современника», на который был дан ответ, что статья является извлечением из проекта Кавелина. 16 апреля Панаев получил за подписью министра народного просвещения извещение следующего содержания: «Вследствие распоряжений, по высочайшему повелению сделанных, я прошу господина редактора и издателя «Современника» Панаева, завтрашнего числа 17 апреля поутру в 9 часов явиться к шефу корпуса жандармов и представить ему 1) полную записку г. Кавелина, из которой сделанное извлечение «О новых условиях сельского быта» напечатано в апрельской книжке «Современника». 2) Извлечение из этой записки в корректурных листах, которое было первоначально препровождено чиновнику от министерства внутренних дел г-ну Троицкому, и он не одобрил»¹. Панаеву пригрозили прикрыть журнал. Кавелин тоже был вызван к кн. Долгоруко-

¹ А. Я. Панаева. Воспоминания. Изд. «Академия», стр. 399.

ву. Вся эту историю описал Герцен в статье «Черный кабинет», помещенной в номере 20 «Колокола»¹.

Как признает сам Кавелин, статья была помещена Чернышевским без его ведома и согласия, и Кавелину только и осталось, что «покраснеть за свою неосторожность». Несмотря на такой прием, надо сказать, что кавелинский проект «эмансипации» ничего радикального, а тем более революционного не содержал. Он высказывался за освобождение крестьян с землей за выкуп и весь вполне выдержан в либеральном духе. Чернышевский сопровождал статью Кавелина предисловием и послесловием, в которых не заявляет полной солидарности с автором.

В письме от 20 октября 1858 г. Кавелин, заявляя о своей солидарности с «Русским вестником» и расхождении с Чернышевским, пытается смягчить гнев Каткова. Весьма интересным является признание Кавелина о большом влиянии Чернышевского, об имеющихся горячих приверженцах его взглядов. Чернышевский был идеологом русской революционной демократии 60-х годов и поэтому знаменательно признание его силы, влияния из уст Кавелина, тогда уже больше врага, чем друга, а вскоре целиком оказавшегося по другую сторону баррикад, в рядах яростных врагов Чернышевского. Под влиянием роста крестьянских волнений, высокой волны революционно-демократического движения, брожения в Польше, то-есть под влиянием того, что Ленин определяет как «революционную ситуацию 59—61 гг.», — произошло окончательное и резкое размежевание общественных сил. Кавелин вместе со многими либералами все больше приближался к реакционной катковской позиции, выступая против движения народных масс, против демократа Чернышевского. Ленин неоднократно подчеркивал историческую значимость последовательной борьбы Чернышевского с российским либерализмом. Ленин писал: «А тот, кто пожелает вспомнить давнюю историю русского

¹ Герцен. Полн. собр. сочинений, изд. М. Лемке, т. IX, стр. 279.

либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому увидит точнейший прообраз отношения кадетской партии либеральных буржуа к русскому демократическому движению масс.¹

В статье «Памяти Герцена» Ленин писал об отношении Кавелина к аресту Чернышевского: «Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». И дальше, Ленин приводил слова Герцена, полные презрения, страстной ненависти к этим бывшим «прогрессистам»: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки, говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами»².

Таким образом либерал Кавелин, «как и следовало ожидать», благополучно эволюционировал и стал поборником самодержавия, освободившись от своего «индифферентизма» в отношении к революционеру Чернышевскому.

1858 г. 10 марта.

«Мне остается облегчить перед Вами и перед всеми моими московскими друзьями и благоприятелями душу в вине, в которой я безвинно виноват. Вы знаете мои отношения к Современнику. Из всей этой компании я близок с Чернышевским, которого очень люблю и уважаю. Чернышевский раз приходит ко мне и просит моего проекта эмансипации. Я ему дал и прибавил, что дарю ему в литературную собственность. Чернышевский, не сообразив моих отношений к Некрасову и тиснул целые из него выдержки в Современнике, без моего имени. Дело было сделано, и мне осталось

¹ Ленин, т. XVI, стр. 132.

² Ленин, т. XV, стр. 467.

только покраснеть за свою неосторожность. Цензура...¹ эту статью, но кажется она должна пройти. Знай я, что Чернышевский так распорядится, я бы поступил иначе, ибо с Некрасовым и Панаевым не могу принять никакой солидарности».

2

[1858 г.]² 20 октября.

«С наслаждением читаю Русский Вестник. Позвольте только сказать Вам во имя личного сочувствия к Вам и Вашему изданию: не слишком ли горячо принимаете Вы к сердцу бросаемые Вам из-за угла камни? Я, и многие вместе со мной думаю, что для Вас и для дела было бы выгоднее пренебречь ядовитыми выходками Атеней. Что же касается до Чернышевского, то его я знаю близко, и могу Вас уверить самым положительным образом, что он не заслуживает названия человека без убеждения. С ним можно не соглашаться, да и трудно бывает...³ иной о нем согласиться. Но по искренности и честности своих убеждений он безупречен и заслуживает полного, глубокого уважения и сочувствия. Это один из лучших людей, пользующийся большим влиянием и имеющий горячих приверженцев. Было бы очень...⁴ жаль, если бы слепые страсти и предубеждения, вызванные одним недоразумением, стали мешать действию Русского Вестника в многочисленном кругу его [чи]тателей и приверженцев. Бейте ложь, невежество, личные интересы и страсти, прикрывающиеся убеждениями, но щадите лица и убеждения».

Для полной картины следует привести ответ на письмо Кавелина, написанный Леонтьевым 27 октября 1858 г.

¹ Письмо обгорело.

² Датируется по ответу Н. Леонтьева на это письмо. См. далее.

³ Письмо по краям обгорело.

⁴ То же.

Катков и Леонтьев на страницах всех трех своих изданий («Московские ведомости», «Русский вестник», «Современное обозрение») с помощью целой армии писак, которых Герцен называл «ярыгами патриотизма и содержанцами III отделения», вели последовательную «полемику» с «Современником», самыми сильными аргументами которой были ложь, клевета и донос. В «Московских ведомостях», № 150 от 3 июля 1851 г. в статье «Журнал «Современник» о графе Кавуре» Катков писал: «Горькое чувство умственного бессилия наших публицистов не оставляло нас ни на минуту, когда мы перелистывали статьи «Современника». В № 253 17 ноября 1861 г. в той же газете помещена статья «Жертвы «Современника», в которой автор дает такую «объективную» оценку деятельности этого журнала: У «Современника» одна цель — расплодить как можно больше нравственных лишаев, льстя пустому самолюбию и природной лени». Позднее, когда Чернышевский был упрятан правительством в казематы Петропавловской крепости, Катков продолжал свою гнусную травлю, обливая ушатами грязи Чернышевского и его сторонников. Сколько вражды и ненависти в таких катковских строках: «Это было время (конец 50-х годов) так называемых свистунов, время всевозможных безобразий по части социализма, коммунизма, материализма, нигилизма, эмансипации, простиравшейся на все виды глупости и разврата, время поругания всего, чем дорожит народ и человек, время невероятной терроризации, которая производилась над целым обществом шайкою писак, захвативших в свои руки публичное слово»...¹

Эта ненависть всей оравы реакционеров и либералов лучше всего характеризует значение революционной деятельности Чернышевского. Уже в 1858 г. Леонтьев и Катков осознавали опасность идей, распространяемых Чернышевским, опасность влияния революционера Чернышевского на молодежь и

¹ М. Н. Катков. «1863 год». М. 1878, т. II, стр. 707.

с позиции своей реакционной «ортодоксальности» указывали Кавелину (который тоже был весьма далек от взглядов Чернышевского) на его «индифферентизм».

Отрывок из письма Леонтьева от 27 октября 1858 г. к Кавелину.

«Г. Чернышевский, как говорят все, очень хороший человек, очень честный человек и очень способный человек; вы пишете, что он имеет горячих приверженцев. Нельзя не пожалеть, что такой человек увлекся такими безумными и бесплодными теориями, но если он еще и других увлекает ими, то не обязан ли противодействовать ему всякий, видящий, что эти теории ведут не к жизни, а к смерти всего наиболее драгоценного для людей и общества? Вы, вероятно, не все читаете, что пишется, иначе вы, наверное, обратили бы внимание Чернышевского на то, к чему ведет такая деятельность. Тысячелетиями историей выработанные блага для него ни почем. Свобода лиц, свобода слова, улучшенное правление, — все это вне его симпатии. Помилуйте, ведь проповедовать такие вещи значит развращать людей? Чернышевский, конечно, сам не знает, что творит. Но можно ли знающему оставаться равнодушным? Куда бы мы годились, если бы спокойно смотрели на таких витязей, набирающих себе дружины? Чем более у них приверженцев, тем сильнее побуждение, тем священнее долг противодействовать им, не позволять им лишать нашу молодежь идей и энтузиазма, лишая ее в то же время всякого практического взгляда на потребности жизни. Больно видеть Константина Дмитриевича, этот индифферентизм, от которого и ваше письмо не совсем свободно»¹.

Письма Кавелина являются важным документом, характеризующим значение и влияние Н. Г. Чернышевского в предреформенные годы и отношение к нему со стороны различных кругов русского общества того времени.

М. Хейфец.

¹ «Русская мысль», 1892, III, стр. 6—7.

IV. М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Архивные материалы, связанные с именем Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, заключают в себе: 1) рукописи писателя, 2) его письма к различным лицам, 3) письма к нему корреспондентов, 4) высказывания, отзывы и воспоминания о нем современников.

Из автографов произведений писателя в подлинниках и авторизованных копиях в Отделе рукописей имеются:

1) «Мнения знатных иностранцев о помпадурях» — автограф черновой рукописи «Помпаду ров», относящийся к самому последнему очерку их (см. Н. В. Яковлев «Новое о «помпадурях» — Литерат. газета 10 мая 1939 года). — Описание этой и других рукописей см. ниже.

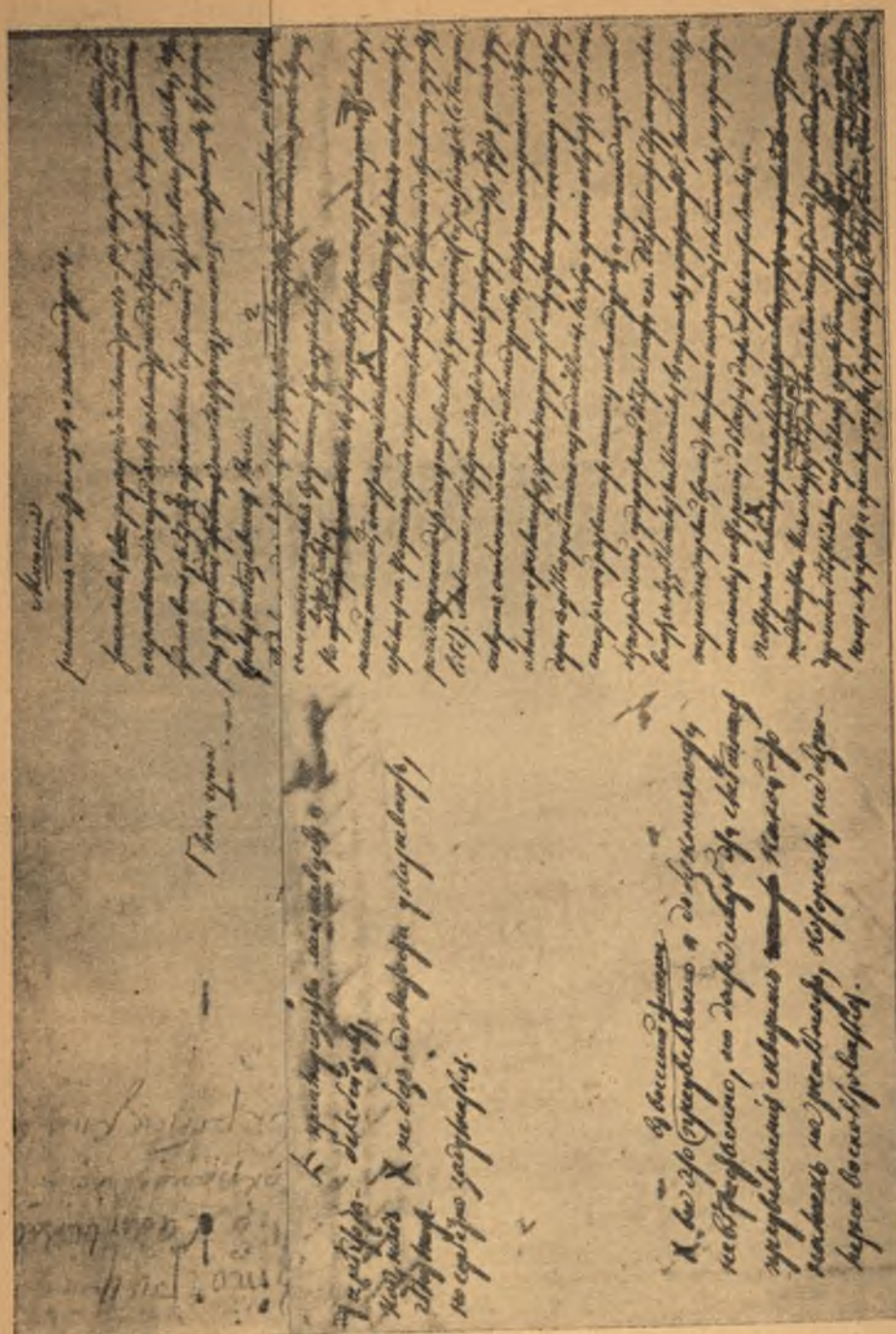
2) «О русской правде и польской кривде» — автограф, наборная рукопись статьи-рецензии на реакционно-монархическую брошюру под названием «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал, и что она происходила» кн. В. В. Львова (посмертное издание) СПб. 1863 г. Статья была задержана цензурою; в гранках она хранится в Институте литературы в Ленинграде. Напечатана была под заглавием рецензируемой книги, без подписи, в 1863 г. в «Современнике», кн. 10.

3) «Завещание моим детям» («Признаки времени») — копия отрывка статьи, сделанная рукою Е. А. Салтыковой; на копии подпись и поправки автора.

4) «Орел-меценат» — копия сказки, рукою М. С. Скребицкой. Сказка была опубликована в зарубежном неле-

гальном органе «Общее дело» Н. А. Белоголового в январе 1886 года за № 81 и отдельным изданием М. Эльпидина в Женеве, а также в русских нелегальных изданиях на гектографе. Копия сказки представляет несомненный интерес для исследователя, так как списана М. С. Скребицкой, хозяйкой дома в Петербурге, где проживал Салтыков в течение 14 лет, с подлинника, полученного ею от автора.

Значительно обширнее по объему хранящиеся в Отделе письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к многочисленным адресатам: С. Т. Аксакову, произведения которого имели одно время «решительное влияние» на замысел и исполнение Щедриным ряда рассказов из серии «Губернские очерки», напечатанных в августовской книжке «Русского вестника» за 1856 год; Н. А. Белоголовому, врачу и общественному деятелю, по поводу личной жизни последних лет, закрытия журнала «Отечественные записки», редактором которого Щедрин состоял шестнадцать лет, и равнодушного отношения к этому факту тогдашней литературной общест-венности; К. А. Буху, общественному деятелю и писателю, относительно гонений на Щедрина, как лица неблагонадежного; В. А. Гольцеву, редактору «Русской мысли», по поводу возможности сотрудничества Щедрина в «Русской мысли»; Г. З. Елисееву, одному из редакторов «Отечественных записок», по поводу ликвидации журнала; Д. Н. Мамину-Сибиряку в связи с печатанием в «Отечественных записках» его произведений «Золотуха», «Бойцы», «Горное гнездо»; Н. А. Некрасову по вопросам издания журнала; Л. Н. Толстому относительно участия Щедрина в издательстве «Посредник» и др.

Автограф страницы рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мнения знатных иностранцев о помпадурях».

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Копия

Получено 1870 г. 12 мая

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

1870 г.

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Ваше письмо
получено
и благодарю
вас за него

Все эти письма были опубликованы в XVIII, XIX и XX томах собрания сочинений Щедрина (1937—1939). В настоящем издании мы публикуем впервые письмо М. Е. Салтыкова к Е. Ф. Коршу с выражением готовности содействовать изданию журнала «Атеней», а также два черновика деловых писем Салтыкова, относящихся к его деятельности в качестве председателя Тульской казенной палаты.

Не меньший интерес для исследователя могут представить опубликованные ранее письма П. В. Анненкова, К. А. Буха, Г. З. Елисеева, и публикуемые здесь письма корреспондентов М. Е. Салтыкова-Щедрина: А. Н. Плещеева, А. И. Эртеля и других. В письме П. В. Анненкова дается высокая оценка произведений Салтыкова «За рубежом» с дружеским упреком в излишней «скудожестивенной расточительности», проявленной Щедриным; письма Г. З. Елисеева ценны для освещения идейных расхождений между руководителями «Отечественных записок». Письма А. Н. Плещеева и А. И. Эртеля печатаются ниже.

Переписка эта — ценнейший материал для исследователя, как живой голос современника обо всем, что совершалось тогда в обстановке жестоких репрессий, как личная исповедь писателя, не выпускавшего пера из рук до самой смерти и «благодарного за то, что дали тридцать шесть лет говорить... заикаясь», как правдивая повесть о печальной участи литературного труженика, не думавшего дожить до такого срама, когда «литература без особых насильственных усилий изгонит его из своих рядов» — факт особенно примечательный для самодержавного правительства и его «внимания» к первоклассному русскому таланту.

Из мемуарной литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине наиболее значительными являются воспоминания Н. А. Белоголового, негласного издателя и редактора зарубежного нелегального органа «Общее дело» (1877—1890) — о встречах с Щедриным. Мемуары напечатаны в книге Н. А. Белоголового

«Воспоминания и другие статьи». М. 1897 год. Сюда же надо отнести воспоминания доктора А. И. Скребичского, в доме которого жил Щедрин последние годы; печатаются ниже.

Многочисленные высказывания и упоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине, — наиболее значительные из них печатаются ниже, — находим в письмах: К. К. Арсеньева, Я. Л. Барскова, В. В. Билибина, С. П. Боткина, Е. А. Боткиной, Н. А. Белоголового, А. В. Дружинина, А. М. Жемчужникова, Е. А. Егорова, М. Н. Каткова, К. Н. Левина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. К. Михайловского, А. Н. Плещеева, П. М. Свободина, Н. А. Соловьева-Несмелова, Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, А. И. Эртеля, Ф. О. Шехтеля и других.

Картина домашней обстановки, среди которой писатель-сатирик доживал последние дни своей жизни; полная «оброшенность» и одиночество, мучительное и медленное умирание и наряду с этим поразительная работоспособность, глубокая преданность литературе и читателю — главная тематика этих высказываний.

Оценку М. Е. Салтыкова-Щедрина, как писателя, дают отзывы его современников: А. Н. Плещеева, В. Г. Черткова, А. И. Эртеля, а также — карикатуристов П. Ф. Николаева и отца жены А. И. Эртеля И. В. Федотова, публикуемые ниже.

Отклики на смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина нашли себе место в ранее напечатанных письмах молодого Антона Павловича Чехова к А. Н. Плещееву от 14 мая 1889 года (см. «Письма А. П. Чехова», под редакцией М. П. Чеховой, т. I, издание 2-е) и Александра Чехова к брату Ант. П. Чехову от 5 мая 1889 года (см. книгу «Письма Александра Чехова к Антону Павловичу Чехову», издание Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, М. 1939 г.), а также в публикуемых ниже письмах К. К. Арсеньева к А. М. Жемчужникову от 10 мая 1889 г., А. И. Эртеля к жене от 3 мая 1889 года.

Описание автографов М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А. Рукописи (автографы и авторизованные копии).

1. Мнения знатных иностранцев о помпадурках.

Начало: «Мнения знатных иностранцев о помпадурках. «Заканчивая (свой) рассказы о «помпадурках»...»

Без даты.
Черновой автограф, без подписи, без конца.

3 лл. 6 стр. 34,7×21,7. Конверт. На листе 1-ом сверху помета карандашом рукою А. И. Скребицкого: «автограф М. Е. Салтыкова, сохраненный А. И. Скребицким». При рукописи конверт; на нем рукою А. И. Скребицкого: «Автограф М. Е. Салтыкова, предназначенный для эпистолярного отделения [Публичной библиотеки] [в Петербурге] Румянцевского музея. Скребицкий».

В тексте имеются по сравнению с печатным некоторые разночтения.

Н. Щедрин (М. Е. Салтыков)
Сбор. сочинен., 1934—1939 г., т. IX, стр. 248—255.

3378/2.

2. О русской правде и польской кривде.

Начало: «О русской правде и польской кривде писано ко всем православным христианам из царствующего града Москвы в лето от сотворения мира 7371, от рождества же бога слова 1863, июля в 15 день»... [1863].

Черновой автограф без подписи.
2 лл. 4 стр. 35,8×22,4. На л. I типографские пометки карандашом.
Т. V, стр. 343—346.

М. 4835. 13а.

3. [«Завещание моим детям»].

Начало: «Не было ни общественного здравия, ни общественного бла-

гоустройства, ни общественного спокойствия»...

Беловая копия отрывка статьи «Завещание моим детям» рукою Е. А. Салтыковой с поправками и подписью автора: Н. Щедрин. Без даты.

7 лл., 14 стр. 26,1×20,7. На листах слева пометки чернилами; после текста приписка: «переписанная статья М. Е. Салтыкова с его поправками».

В тексте по сравнению с печатным имеются небольшие разночтения.

Т. VII, стр. 33—49.

М. 4835. 13б.

4. Орел меценат.

Начало: «Орел меценат». Сказка. Поэты много об орлах в стихах пишут и всегда с похвалой»...

Беловая копия, без подписи. Без даты.

10 лл. + 2 лл. обл., 19 стр. 35×21,5. В тексте и на полях карандашные пометки рукою неизвестного. При рукописи сопроводительная записка — письмо рукою А. И. Скребицкого 1 л., 2 стр., содержание ее публикуется ниже. На обложке надпись: «Настоящая рукопись в типографию не сдается. Для печатания, если бы оно когда-либо понадобилось, снимается копия в стенах Румянцевского музея. А. Скребицкий».

Т. XVI, стр. 102—109.

3378/1.

Б. Письма.

Аксакову Сергею Тимофеевичу

1857 г. августа 31.
Т. XVIII, М. 1937.

Ганс, т. III, 1а

Белоголовому Николаю Андреевичу

1875—1889 гг. 115 писем.
Тт. XIX и XX. М. 1937 и 1939.

Белог. п. VII.1—114

Буху Константину Андреевичу

1874—1875 гг. 3 письма.
Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. М. 1938, вып. 1.
Бух. п. VIII, 22—24.

Гольцеву Виктору Александровичу

1887—1888 гг. 2 письма.
Т. XX. М. 1937.
Гольц. VII.

Горбунову Ивану Федоровичу

1863, конец октября.
Т. XVIII. М. 1937.
М. 8227. 2.

Елисееву Григорию Захаровичу

1880—1889 г. 100 писем.
Тт. XIX и XX. М. 1939 и 1937.
Собр. Витязева № 2.

Коршу Евгению Федоровичу

[1857 г.] 25 октября.
Печатается ниже.
М. 3099.

Мамину-Сибиряку Дмитрию Наркисовичу

1882—1884 гг. 5 писем, 1 тел.
Т. XIX.
М.-С. п. III. № 70.

Некрасову Николаю Алексеевичу

1861—1876 гг. 15 писем.
Т. XVIII.
М. 5765. 61. 1—15.

Новодворскому Андрею Осиповичу

1880 ноября 3.
Т. XIX.
М. 8227. 3.

Плещееву Алексею Николаевичу

1876—1887 гг. 3 письма.
Тт. XIX и XX.
М. 8227. 4. а, б.

Урусову Александру Ивановичу

1861—1888 гг. 6 писем.
Тт. XVIII, XIX и XX.
М. 5773 б. 35.

Юрьеву Сергею Андреевичу

1883 г. 2 письма.
Т. XIX.
М. 8227. 5.

Эртелю Александру Ивановичу

1884 г. 3 письма.
Т. XIX.
Эрт. XIX. 23.

Старшему делопроизводителю Казенной Палаты

Черновой автограф за подписью: Салтыков. 1867 год января 20.

1 л., 1 стр.
Печатается ниже.
Собр. Л. м. п. XXI. 9.

Г. Ефр(емовского) у(езда) Казначей Черновой автограф, без подписи. 1867 года августа 21.

1 л., 1 стр. 34,5×21,7.
Печатается ниже.
Собр. Л. м. п. XXI. 9.

Неизданные автографы М. Е. Салтыкова-Щедрина

ПИСЬМО М. Е. САЛТЫКОВА-

ЩЕДРИНА — Е. Ф. КОРШУ

[1857 г.] 25 октября. С. П. Б.

Вы могли быть заранее уверены, многоуважаемый Евгений Федорович, что я с своей стороны готов всеми моими средствами содействовать успеху предпринимаемого Вами издания. В бытность мою в Москве я хотел сам вызваться на участие в

«Атенеи»¹, если не сделал этого, то единственно потому, что не был уверен, будет ли в нем литературный отдел. Не далее как в будущем декабре я пришлю к Вам, в полное Ваше распоряжение, несколько небольших рассказов, которые Вы и напечатаете по усмотрению Вашему, когда Вам будет угодно.

¹ Ниже, при описании рукописей и писем М. Е. Салтыкова, дается ссылка на это же издание.

В. П. Безобразов², которому я сообщал Ваше приглашение к участию в Атенее, поручил мне передать Вам, что Вы можете считать его в числе Ваших сотрудников, и что он сам будет писать к Вам на этих днях. Впрочем, сотрудничество как мое, так и Безобразова вполне для Вас обеспечено.

Позвольте мне, вместе с тем, дать Вам маленький совет. Так как теперь осталось уже очень мало времени для публикаций, то Вы бы сделали весьма хорошо, если б, напечатав значительное число объявлений об издании Атеней, разослали в редакции всех губ[ернских] ведомостей не менее 100 экземпляров, или же послали по 1 р. 50 коп. для перепечатания объявления в неофициальной части. Это может много содействовать успеху подписки.

За сим, желая Вам всего лучшего, а журналу Вашему полного успеха, остаюсь преданный Вам

М. Салтыков

Не зная Вашего адреса, пишу на имя Валентина Федоровича³. Сделайте одолжение, попросите Валентина Федоровича передать Шумскому⁴, что одна из пьес, о которых он меня просил, не пропущена, а о «Просителях» еще ничего неизвестно.

Публикуемое письмо адресовано к Евгению Федоровичу Коршу и относится к 1857 году.

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист, редактор «Московских ведомостей» (1843—1848), издатель журнала «Атеней» (1858—1859); сотрудник нескольких периодических изданий и переводчик многих книг с иностранных языков; с 1836—1841 гг. — библиотекарь Московского университета; с 1862—1892 гг. — библиотекарь Публичного и Румянцовского музеев.

¹ «Атеней» — журнал, издав. в Москве (1858—1859). Сотрудниками его состояли: И. С. Тургенев, Н. Щедрин, И. А. Гончаров, С. Соловьев, Н. Г. Чер-

нышевский и др. В пятой книге журнала М. Е. Салтыков-Щедрин поместил свой «Святочный рассказ».

² Безобразов Владимир Павлович (1828—1889) — экономист и публицист, академик, сенатор; служил в министерстве государственных имуществ и редактировал журнал министерства.

³ Корш Валентин Федорович (1828—1883) — либеральный публицист.

⁴ Шумский (Чесноков) Сергей Васильевич (умер 1878 г.) — знаменитый артист; с 18 апреля 1841 г. играл в московском Малом театре.

ЧЕРНОВИКИ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

1

Г. Старшему Делопроизводителю Казенной Палаты.

Не имея возможности, по болезни, присутствовать сего числа в Палате, поручаю Вам предъявить о сем гг. Членам Палаты с тем, чтобы г. Начальник Ревизского Отделения вступил, впредь до моего восстановления, в исправление моей должности.

Управляющий Салтыков.

20 январ[я] 1867.

На обороте:

О постигшей болезни Г. Управляющего Палатою записать в книгу о переменах по службе чиновников и на временное исправление должности Управляющего вступить Г. Начальнику Ревизского Отделения Коллежскому Советнику Никите Васильевичу Попову.

За старшего делопроизводителя

[Подпись]

2

21 августа 1867 г.
№ 15399.

Г. Ефр[емовского] у. Казначей.

До сведения моего дошло, что Вы не имеете намерения пере[ходить] езжать в г. Крапивну, куда Вы <уже> назначены у. Казначей. Посему предлагаю Вам <немед> с первой же почтой уведомить меня, действительно ли слух этот справедлив, и буде правилен, то прошу

Вас без замедления прислать предложение об увольнении от службы.

Обе деловые бумаги — черновые автографы М. Е. Салтыкова — относятся ко времени службы М. Е. Салтыкова

управляющим казенной палатой в Туле, куда он перевелся в 1866 году из Пензы где и пробыл год.

Приписка на обороте рукою другого лица.

М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, отзывах и воспоминаниях современников.

А. И. ЭРТЕЛЬ — М. Е. САЛТЫКОВУ-ЩЕДРИНУ.

[1884 г.]

Многоува[жаемый] Мих[аил] Ев[графович].

Тут произошло недоразумение. «Миниатюры»¹ мои вовсе не представляют и не представляют из себя никакой непосредственной связи. Я уже ни в каком случае не рассчитывал заручиться Вашим согласием на помещение в От[ечественных] Зап[исках] будущих моих рассказов — это было бы чересчур наивно. Я только на тот конец просил Вашего разрешения прислать Вам лично² будущую мою работу — ибо знал, что в редакции Отеч[ественных] Зап[исок] иногда читают «беллетристику» другие лица; мне же, как вероятно и всякому, приятнее и дороже иметь «судью» Вас, раз это оказалось возможным на первый раз. И все таки это не условие...

Что касается до гонорара, то я нигде и никогда не назначал его сам, это мне казалось противным и уж во всяком случае второстепенным. Тот или другой размер вполне зависит от Вас. Я бы даже не поднял об этом и вопроса, опять таки повторяю, не считая его существенным³ вопросом, — если бы в Вашем письме не стояло нескольких слов по этому поводу. Значит опять-таки не в виде «условия» сообщил Вам о размере гонорара⁴, платимого мне Вестником Европы.

Если же и за всем тем мои рассказы окажутся неудобными для Отеч[ественных] Зап[исок] почтительнейше Вас прошу возвратить мне рукопись с этим же посланным

и прошу извинить меня, что отнял у Вас время на переписку.

А. Эртель.

Эртель Александр Иванович (1855—1908) — писатель-беллетрист, сотрудник журналов «Вестник Европы», «Дело», «Русская мысль», «Русское богатство» и других периодических изданий; в «Отечественных записках» печатался в 1884 году. «В первый раз, — по словам Щедрина, — Эртель появился с крошечным рассказом в апрельской книжке» (журнала «Отечественные записки», рассказ «Миниатюры. Разговоры. Восторги» — И. Ф.). В связи с гонением на «Отечественные записки» был арестован вместе с членом редакции публицистом С. Н. Кривенко и критиком М. А. Протопоповым, но вскоре освобожден. Большой почитатель Щедрина, от которого получил 3 письма. [См. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собрание сочинений. М. 1939 г., т. XIX, стр. 393—394].

Дата (1884 г.) устанавливается письмом М. Е. Салтыкова от 25 февраля 1884 года, где он писал А. И. Эртелю: «Рассказы Ваши я прочитал и охотно помешу их в апрельской книжке. — Я просил бы Вас уведомить меня о размере гонорара. Я заранее согласен на тот, который платит Вам «Вестник Европы».

¹ «Миниатюры» — так называлась серия рассказов А. И. Эртеля; в 1884 г. они были помещены в «Отечественных записках», а в следующем 1885 г. напечатаны в «Русской мысли» (июнь).

² Подчеркнуто автором письма. — И. Ф.

³ То же.

⁴ Гонорар «Вестника Европы» составлял 125 р. за лист.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ — В. А. ГОЛЬЦЕВУ.

Петерб[ург] 16 апреля [1887] г

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Салтыков просил меня осведомиться у вас, может ли он рассчитывать, что если б он присылал вам свои работы, то Р[усская] Мысль стала бы их печатать, т. е. иными словами не считает ли Р. М. его сотрудничество опасным для себя? Но он не желал бы, чтоб его статьи проводили через цензуру. (Здесь ходили слухи, что в Р[усской] Мысли показывают статьи предварительно цензору, может это и вздор, но это говорили)¹ и также чтоб их рассматривал г. Бахметьев)², которого он не терпит. (Это между нами.)

В его статьях впрочем не будет ничего особенного нецензурного. Они, кажется, будут посвящены прошлому и даже чуть ли не будут иметь автобиографический характер.

Между Салтыковым и В. Е. (Вестником Европы — И. Ф.), повидимому, пробежала какая-то черная кошка. В подцензурном издании писать он не желает, а потому видеть его в Север[ном] Вест[нике] мы не имеем надежды. Пользуйтесь же случаем и завербуйте его. Не откажитесь, добрейший Виктор Александрович, ответить мне [или прямо ему], поскорей, а то он по своей болезненной мнительности будет думать, что я не написал вам или получил такой ответ, которого не желаю ему сообщать.

Пользуюсь случаем, чтоб позвать вашу руку и прошу передать мое искреннее почтение вашей супруге.

Душевно преданный вам

А. Плещеев.

Адрес мой: Спасская ул., д. № 1.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, переводчик, беллетрист; в 1849 г. был арестован по делу петрашевцев. С января 1872 года — сотрудник «Отечественных записок». Под конец жизни заведывал литературным отделом «Северного вестника». С Щедриным находился в дружеской пе-

реписке, написал сочувственный отзыв о «Сне в летнюю ночь». По закрытии «Отечественных записок» Щедрин предлагал Плещееву для «Северного вестника» свои сказки «Орел-меденат» и «Вяленую воблу», но обе они не были пропущены цензурой.

Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — журналист, критик, общественный деятель и редактор журнала «Русская мысль». Салтыков в письме 1887 г., апреля 27 благодарил Гольцева за предоставление возможности печататься в «Русской мысли» и вообще за доброе и участливое письмо, однако не считал это осуществимым в скором времени по многим причинам: трудности сношений с Москвой, несочувственности соредакторам Гольцева и ходящих слухов «о сношениях «Русской мысли» с цензурой чересчур теплых и зависимых»: «я желаю иметь дело исключительно с Вами, а не с г.г. Лавровыми и Бахметьевыми».

¹ Это были действительно не «вздорные слухи», а факт. (См. выше, «От редакции», стр. 5).

² Бахметьев Николай Николаевич (1847—1909) — псевдоним «Статистик», секретарь «Русской мысли»; за подлоги был сослан в Сибирь. По его делу для дачи свидетельского показания Щедрин вызывался судебным следователем, но он уклонился от этого: «Зачем оказалось нужным свидетельство мое — я недоумеваю, ибо видел Бахметьева всего один раз, когда Юрьев (бывш. редактор «Русской мысли» — И. Ф.) прислал его ко мне для переговоров о передаче «Р[усской] мысли» подписчиков «Отечественных» записок. Конечно, я к следователю не явлюсь и пошлю докторское свидетельство». (Из письма к В. М. Соболевскому 27 февраля 1888 г.)

ИЗ ПИСЕМ В. Г. ЧЕРТКОВА к Л. Н. ТОЛСТОМУ

9 декабря [18]85 года.

...В складе работа¹ поддерживает-ся самая напряженная. Заказов и переписки много.

Салтыков написал² мне, <из> спрашивая, <печатает> годятся ли для нас такие вещи, которые уже были в печати, и предлагая свой «Сон в летнюю ночь»³, написанный несколько лет тому назад и вошедший в его «Сборник», недавно изданный. Вещь эту я прочел, и она мне показалась вовсе неподходящею. Начинается описанием юбилея одного чиновника в Министерстве Препон; чиновник этот исполнял должность управляющего клозетами.

Вторая часть рассказа — описание того, как сельские священник и учитель задумали юбилей в честь крестьянина 50 лет, выносившего безропотно всякие невзгоды, тонувшего и замерзавшего несколько раз, неоднократно битого, бывшего три раза в тюрьме и не пожелавшего даже узнать, за что он туда попал и т. п. За этим юбилеем учитель говорит витиевату, но искреннюю речь, в которой он восхваляет крестьянский труд и сокрушается по поводу всей тяжести этого труда, он по пунктам разбирает положение крестьянских детей, женщин и мужчин.

Кончается все тем, что, по доносу писаря, наезжает начальство, и слышно только: «А, голубчики!».. и на этом кончается.

Нельзя было мне кажется, найти менее подходящую вещь для нашей цели, я ответил Салтыкову, что вообще мы берем уже изданное, но относительно данного рассказа прошу мне, когда он поправится, назначить свидание для личного выяснения.

Я читал в том же его недавно вышедшем «Сборнике» рассказ о потерянной совести,⁴ который мне показался несравненно более подходящим, хотя все-таки не подходящим. Мне указывали на «Господ Головлевых», как на вещь сатирическую, в которой ярко выставлены

несколько отрицательных типов. Я признаться не совсем знаю, как относиться к Салтыкову. — Говорить ли ему прямо мое мнение (но ведь он должен же гораздо лучше моего понимать) или же предоставить его собственному усмотрению первый рассказ, который он для нас напишет...

2

20 декабря [18]85 года.

...Все дело за нами, ибо главное — материал для издания мы здесь делаем, что можем, и готовим беспрепятственный ряд новых книжек..

Теперь о Щедрине.

С разных сторон мне говорят, что он очень занят мыслью писать для наших изданий, и что ваше письмо произвело на него сильное впечатление. Кузминский⁵ говорил мне, что Щедрин, несмотря на свою болезнь, проработал на днях целый день над рассказом для нас, и что на следующий день он вследствие этого встал совсем больной, в нервном расстройстве, и язык его не слушался, так что он говорил глупости. Кроме того, Кузминский сказал мне, что Щедрин говорил ему, что он не может работать даром, т. к. живет своей работой. Придется следовательно ему платить, что платят ему другие. Но это ничего. А то, что меня беспокоит, это то, что он может написать что-нибудь неподходящее к нам и поставить нас в неловкое положение. А думаю я, что это возможно на основании некоторых его замечаний при нашем свидании. Он, разбирая то, что можно писать для нас, упомянул о государственном бюджете с целью раскрыть перед крестьянами то, что делается с их деньгами. Он выразил сомнение относительно цензуры. Затем он предложил описать обстановку мелкого помещика, постоянно жалующегося на свою судьбу и действительно стесненного в своих расходах, и рядом с этим обстанов-

19 марта [1887 года.]

ку бедных крестьян, уже решительно не имеющих ничего. Следовало бы ему высказать, что мы не желаем возбуждать экономических или социальных вопросов, и еще менее возбуждать одно сословие против другого; что мы хотим высказывать обще-человеческие истины, и если обличать, то направлять наше обличение на слабости и пороки, присущие человеку вообще, а не одной какой-нибудь категории людей. Книжки наши будут таким образом иметь значение не только для крестьян, а вообще — для каждого читателя и не будут вызывать злобы или вражды одних против других. Одним словом следовало бы дать ему несколько более определенное понятие о нашей задаче, и именно теперь раньше, чем он что-нибудь написал. Потом это будет труднее.

Судя по тому, как он даже меня спрашивал о том, в каком роде писать, и потому, как он сочувственно отнесся к вашему письму, он охотно выслушает от вас ваш взгляд на это и, наверное, примет его в соображение. Если можете — напишите. Если же вам не хочется, то сообщите мне, и я лично все выскажу ему, хотя разумеется это будет несравненно хуже...

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — публицист, переводчик, общественный деятель, единомышленник и друг Л. Н. Толстого, основатель и организатор издательства «Посредник». Письма В. Г. Черткова в настоящем виде печатаются впервые.

Толстой Лев Николаевич (1826—1910). Личные отношения его к Щедрину, начавшиеся в конце 50-х годов (1856—57 гг.), когда оба писателя печатались в «Современнике», ограничились редкими встречами и небольшой перепиской по литературным вопросам.

Интерес к «Отечественным запискам» Толстой проявил в 1874 году в связи с пререканиями Толстого с Московским

...Щедрин прислал нам несколько своих вещей,⁶ помимо имени его, представляющих весьма мало положительного добра. Я был у него. Он, повидимому, сознает, что умирает, но, бедный, находится в очень мелкодушном настроении. Во всех почти его рассказах, подходящих хоть сколько-нибудь к нашей цели, есть что-нибудь прямо противоположное нашему духу; но когда указываешь ему на это, то он говорит, что всю вещь написал именно для этого места и никак не соглашается на пропуски. Он очень жалок, и как-то не хватает духу настаивать тем более, что если б он согласился с нами, то пришлось бы ему признать вообще бесплодность и ложные приемы большинства его литературных работ. А для этого кажется в нем не хватает духу.

Из письма Луженовского⁷ вы увидите, до чего ходит его мелочность. А между тем переделка Луженовского его рассказа «Пропала совесть» несравненно лучше самого оригинала. И я с радостью издал бы эту переделку, между тем как изложение самого Щедрина совсем не годится для наших целей...

комитетом грамотности; тогда же он поместил в «Отечественных записках» за 1874 г., № 9, свою статью «О народном образовании».

¹ В складе работа — работа в складе издательства «Посредник», основанного по мысли Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова при деятельном участии П. И. Бирюкова: издательство ставило целью дать народу «настоящую» литературу по дешевым ценам, быть «посредником» между лучшей частью интеллигенции и народом. Из крупных писателей в «Посреднике» принимали участие: В. М. Гаршин, А. И. Эртель, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, позднее писатели из рабочих и

крестьян: В. И. Савихин, Н. Г. Журавлев, С. Т. Семенов, С. Д. Дрожжин. Из художников: И. Е. Репин, Н. Н. Ге, Кившенко, Ярошенко, Бем, Касаткин, Пастернак, Переплетчиков, Лебедев.

² Салтыков написал — в ответ на приглашение Л. Н. Толстого от 3 декабря 1885 года принять участие в «Посреднике» и тем «доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас», Щедрин готов был дать «Сон в летнюю ночь».

³ «Сон в летнюю ночь» — рассказ Щедрина, напечатанный в журнале «Отечественные записки» за 1875 год.

⁴ Рассказ о потерянной совести носил заглавие «Пропала совесть».

⁵ Кузминский Александр Михайлович (1843—1917) — муж Т. А. Кузминской, урожденной Берс, сестры С. А. Толстой.

⁶ Щедрин прислал нам не-

ИЗ ПИСЕМ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА к А. П. ЧЕХОВУ

1

2 апреля 1888 года.

Мы намерены составить свою книжку (Гаршинский сборник — И. Ф.) посolidнее. У нас наполовину займут биография, личные воспоминания многих лиц о В. Г.¹, его письма, письма к нему Тургенева, которые он не издал из скромности в то время, когда фонд издавал переписку Тургенева, критические статьи о нем и проч.

Вторая половина будет состоять из беллетристических вещей (стихи и проза), и в этом отделе у нас имеется в виду несколько хороших

Чехов Антон Павлович (1860 — 1904), будучи еще молодым, по-настоящему понял Щедрина, высоко ценя его не только как великого писателя, но и как своего учителя, которому был многим обязан.

¹ В. Г. — Гаршин Всеволод Михайло-

сколько вещей — речь идет о пяти сказках, присланных Щедриным в марте 1887 г. «Посреднику»; из них Толстому особенно понравилась «Рождественская сказка»: «изумительная» во всех отношениях, она не удовлетворила его своим «нехристианским концом», т. е. тем революционным духом, которым она пропитана. Щедрину было предложено через Черткова переделать конец или совсем опустить его, Щедрин ответил категорическим отказом: «Вы хотите отрезать конец, — рассердился он. — Ну так я вам скажу, что свои произведения я не отмериваю на аршин!» В результате ни одно произведение Щедрина не было напечатано в «Посреднике».

⁷ Луженовский Николай Николаевич (1862—1889) — студент Московского университета; вместе с Михаилом Александровичем Островским, тоже студентом, переделал для народных изданий сказку Щедрина «Пропала совесть».

имен: Салтыков, Короленко, Гл. Успенский — надеюсь, что и Чехов будет.

2

13 сентября [1888 г.]. Петербург.

... Что достойно большего удивления, это деятельность Салтыкова. Человек полуразрушенный, на которого глядеть тяжело, и он в течение лета заготовил для В. Е.² материал на шесть №№, т. е. до февраля будущего года включительно так, что ему остается еще написать на две книжки журнала, и он кончит свою Пошехонскую Старину, которая составит книгу листов в 50! Этот больной старик перецеголяет молодых и здоровых писателей.³

вич (1855—1888) — писатель, сотрудник «Отечественных записок» с 1877 года. Щедрин очень ценил его талант. В данном письме речь идет об издании сборника памяти Гаршина, которого Плещеев высоко ставил как писателя «бесспорно самого чистого, самого искреннего и самого симпатичного».

² В. Е. — «Вестник Европы» (1866—1917), где вынужден был печататься Щедрина после закрытия «Отечественных записок»; об этом он писал Н. К. Михайловскому 17 ноября 1884 года: «Я решился печататься в «Вестнике Европы» и отчасти в «Русских ведомостях» — больше идти некуда. Но, конечно, и в том и в другом месте я буду не более, как случайный сотрудник».

³ Перецеголяет молодых и здоровых писателей... По поводу изумительной работоспособности Щедрина А. П. Чехов писал А. Н. Плет-

щеву 15 сентября 1888 г. в ответ на его письмо: «Исполать многопишущим Щедрину и Щеглову! Конечно, много работать лучше, чем ничего не делать, и Ваш упрек по адресу молодых писателей вполне законен. С другой же стороны, многописание к лицу не всякому писателю. Взять бы хотя меня к примеру. В нынешний сезон я написал свою Степь, Огни, пьесу, два водевиля, массу мелких рассказов, начал роман... и что же? Если промывать сто пудов песку, то получится (если не считать гонорара) 5 золотников золота, только».

ИЗ ПИСЕМ С. П. БОТКИНА к
Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[18]81 августа 15. Мустамьяки
Культияла.

... Салтыков сильно худеет и за последние недели порядком ослабел, прекратил прогулки в саду, не ест и спит не дурно, жестоко хандрит и торопится писать, дабы кончить книжку и предстать перед Всевышним, хотя делает всегда оговорку, что ему необходимо писать за недостатком средств, утешает себя, что он уже написал на 700 руб. слишком. Елизавета Аполлоновна¹ действует с ним всетаки непохвально, во второй раз теперь бросила его одного на даче, в первый раз ездила на Иматру, а теперь ей понадобилось ехать в Гельсингфорс; такого тяжелого и слабого больного оставлять одного на даче не совсем ладно. Во время ее отсутствия он повидимому любит ее еще сильнее и постоянно находится в тревоге, не случилось ли чего-нибудь с нею; посылает ей депеши и с тоскою ожидает ответа. На этот раз впрочем его одиночество не отравляется по крайней мере страхом быть обворованным, так как все ценности она взяла с собой, и ему нечего стеречь...

[18]84 апреля 2. С.-Петербург

... Вчера видел Щедрина, он становится опять на лыжи, 2 раза в неделю даже выходит со двора, к Лихачеву² и в редакцию; работает умеренно, жалуется на боли в ногах повидимому ревматического характера...

[18]84 мая 19. Культияла.

... Михаил Евгр[афович] первое время принял довольно бодро постигшее его горе,³ как будто даже казался веселее обычного, но вскоре наступила реакция, он не упал духом, но работать не может, раздражен, а желание говорить с русским читателем повидимому сильнее прежнего. Я ведь мизантроп, я никого не люблю, я для всех тяжел — говорил он мне в последнее наше свидание — единственное, что я люблю — это отвлеченное понятие — русского читателя — и с ним то я лишен возможности говорить. Теперь, когда говорит об этом, он задыхается; на лето едет в Сиверскую..

[18]84 сентября 7. Культияла.

... От Салтыкова имел письмо еще с Сиверской, он повидимому

еще держится довольно сносно, продолжая конечно кашлять и задыхаться...

Культияла Мая 9-го дня 1885.

...Салтыков... ни разу не был; как ты знаешь, у него тяжело хворал сын⁴ скарлатиной, осложнившейся поражением составов и перикардитом, вследствие чего отец сидел в карантине и крепко хандрил; на него я смотрю как на развалину; с прекращением издания Отечественных Записок права старческого разрушения организма физического и нравственного чувствуются все больше и больше, к тому же он повидимому сам начинает это сознавать, что конечно отягчает значительно его положение. Жена его все та же Елизавета Аполлоновна, как была и прежде; сын стал после болезни, как будто получше, но по-прежнему невоспитанный ребенок и донельзя избалованный матерью; дочь⁵ будущая красавица и больше я об ней ничего не могу сказать. Может быть, Вы старика этим летом увидите сами, а потому я не буду о нем распространяться, скажу только, что я гляжу на него каждый раз с грустными мыслями; сам он часто говорит о смерти и утверждает, что пора, что он более никуда не нужен. Иногда впрочем ему и Елиз[авета] Аполлоновна напоминают, что тебе Миша пора умирать, ты стал очень раздражителен. Вы, дети, его не любите, он все Вашу маму обижает...

ИЗ ПИСЕМ Е. А. БОТКИНОЙ⁶ к
БЕЛОГОЛОВУ

6/18 ноября 1885 — С. Петербург.
12 ч. ночи.

Дорогие друзья, пишу Вам в очень печальную и тяжелую минуту — сейчас приезжала Анаст[асия] Мих[айловна] Унковская⁷ во время Серезинога приема сказать, что Салтыкову очень плохо и просила

Серезу⁸ приехать; Нил Иванович⁹ просит. Сегодня третий день, как начались у него уремические припадки. Сильная боль в почках — поднимая даже Нила Иван[овича] сегодня ночью на ноги — и рвота. При этом зрение все падало. В воскресенье у него достало еще сил приехать к нам и просидеть у нас два часа (после он говорил Васильеву¹⁰ (докт.), что с наслаждением провел это время у нас). Впечатление, которое он на нас произвел, было ужасное — хотя голова и была свежее обыкновенного, но он был слаб, задыхался, — тих, кроток с лицом совершенно moribundi. Он был очень мил — сетовал и скорбел по поводу Лихачева, говорил все: «не знаю право как быть, ведь мы дружили с ним десять лет». Вопрос о Лихачеве его сильно тревожил и разогорчил — «как обманывал нас этот человек», все твердил он — «это удивительно право». Уезжая он очень тепло и сердечно простался с нами, и уже простившись и направляясь к выходу, остановился в дверях, обернулся к нам и сказал «прощайте» (говоря обыкновенно «до свидания»), сказал это таким прощальным голосом, что Сереза подумал, что Салтыков с нами сознательно прощается навеки. Трудно и тяжело нам было с Серезей после этого визита. Во вторник, т. е. вчера его в первый раз вырвало, и начались явления уремии, а сегодня вечером говорят он уже почти ничего не видит и как будто без сознания. Нила Ивановича, за которым съездила Унковская — не узнал. — У меня грипп и я 12 дней не выходила, поэтому ужасно жалею, что не удастся может быть пожать еще ему руку. Что то привезет Сереза, какую весть, Ел[изавета] Аполлоновна, говорят, разливается и мягка сегодня с Мих[айлом] Евгр[афовичем] необыкновенно. Дети же в театре. Намедни же разыгралась у них следующая сцена. Костя возвращается домой с двойкой. Отец говорит ему:

«я тебя перестану пускать по циркам да по театрам». На это Лиза объявляет отцу — «какое ты имеешь право не пускать Костю в цирк и театры». На что М[ихаил] Ев[графович] говорит ей довольно спокойно: — ах ты дура! — На это Лиза воскликнула — «Как ты смеешь говорить мне дура, ты сам дурак!» Мих[аил] Евгр[афович] только плюнул, а Елизавета Апол[лоновна] прибавила, «что! получил? Ce que tu as mérité!» Подобного ужаса не сочинишь. Салт[ыков], рассказывая это Васильеву, присовокупил — «что бы было прежде! а теперь я только плюнул и ушел». Бедный, бедный Салтыков. что за ад он себе устроил из своей семейной жизни! Хороший, честный человек, честная у него была голова и сердце — и такой пройдоха как Вл[адимир] Ив[анович] не его одного мог обвести кругом своего пальца. Не хочется говорить Вам, что за ужасные вещи творятся, и в какой гнусной компании находится Вл[адимир] Ив[анович] dis moi qui tu hantes je te dirai qui tu es — особенно применимо к Влад[имиру] Ив[ановичу]...

...Что особенно возмущало Салтыкова, это манера Лих[ачева] относительно близких ему людей, как наприм[ер] сам Мих[аил] Евгр[афович], Сережа; — во все время этих скандалов и историй он словом не обмолвился, ни слова не говорил, как будто ни в чем не бывало. «Посоветовался бы с кемнибудь, со мною наприм[ер] с Вами, как мол поступить. как Вы думаете — нет как будто ничего нет и не было, в какое фальшивое положение он ставит своих друзей» — кипятился Салтыков. Это действительно так. Унковс[кий], который разбирает теперь дела Кредитки, потерял всякое уважение к Вл[адимиру] Ив[ановичу] говоря, что это такая скотина, каких свет не производил.

— Очень возможно, что приняв все это к сердцу — волновался, не зная как ему быть с Вл[адимиром] Ив[ановичем], с которым он всег-

ки дружил десять лет, а с которым дружить больше не хотел, — все это и привело к более скорому исходу. Слаб он был последнее время ужасно, — хотя начал пописывать, но был недоволен своею вещью, — говорил нам это в воскресенье. — Приехал к нам ведь один! в его то положении. «Ел[изавета] Апол[лоновна] хотела ехать со мною, да дети бунтуются, нельзя оставить»...

10-го [ноября] (1885)

...Я очень жалею, что продержала письмо, не отсылая Вам его, оно могло бы прийти с лучшими известиями чем сегодня. Вчера Мих[аил] Евгр[афовичу] было лучше несколько, голова была свежее. Я к нему заходила, узнал меня и говорил со мною, хотя и слабым голосом и коснеющим языком. Сегодня он без ясного сознания, однако Сережу узнал...

ИЗ ПИСЕМ С. П. БОТКИНА
к БЕЛОГОЛОВЫМ

[18]85 декабря 26. С. Петербург.

Дорогие друзья мои! Пользуюсь праздничным временем, чтобы дать Вам посильный отчет за истекшие месяцы; в последнем письме Катя¹¹ я продиктовал несколько строчек о здоровье Мих[аила] Евгр[афовича] Салт[ыкова]. Тогда мы переживали опасные и угрожающие минуты для жизни, с тех пор прошло несколько недель, в течение которых крупозное воспаление с острыми катаральными явлениями в бронхах постепенно разрешилось, лихорадка давным давно прекратилась, питание заметно восстановилось...

...Он может писать коротенькие письма в несколько строчек, говорит недурно, хотя медленно и по временам подыскивая слова; относится к себе довольно объективно, сознает, что тупеет, что запас его мыслей постепенно беднеет; ему трудно

понимать то, что читают ему вслух; сам же читать не в состоянии; разговаривает очень охотно и рад радешенек, если к нему ктонибудь придет на посиделки, но, если визит продолжается более 2 часов, он тяготится, хотя бы с самым близким человеком. Большая часть разговоров идет конечно об его здоровье, на которое он смотрит совершенно бесстрастно, но очень охотно выслушивает возражения и впадает в отчаяние, если возражения стихнут или ослабеют; изредка отвлекается от своих болезненных ощущений в сторону, говорит попрежнему умно, а иногда и остроумно. Приступы раздражения против жены доходят иногда до бешенства, и не раз он умолял меня спасти от нее, но стоит ей исчезнуть на два часа, он впадает в новое беспокойство: и где она, и что с ней сделалось, уже не случилось ли чтонибудь, почему она запоздала. Держит она себя с ним не только как глупая женщина, но даже как злая, наслаждается его страданием. Избавление его от смерти видимо ее не порадовало, при первых днях улучшения она отняла у него сестру милосердия, затем постоянно его дразнит то тем, то другим. Он почти с религиозной верой относится ко всякому лекарству. . . . часы приема, микстуры, молока, мясного настоя составляют для него самое живое дело в течение его длинного дня, а она каждый раз, подавая лекарства, не упустит случая, чтобы сказать: ах Миша и зачем ты все это принимаешь: ведь ты все равно не выздоровеешь! Ведь ты умрешь!..

[18]86 июня 12, Культияла.

...Салтыков, т. е. Мих[аил] Евгр[афович] здесь с 21 мая, приехал он сюда далеко не в блестящем виде...

...Работать конечно не может, иногда с трудом напишет небольшое письмо; впрочем всегда может пробежать газеты. Дети и особенно

жена составляют главный предмет его раздражения. Первое время я хотел оставить некоторое время без особенного лечения, но это не могло быть продолжительно в виду того, что он тосковал, что его до сих пор никто серьезно не лечит и требовал мышьяка, что я ему и дал, как только пищеварение несколько оправилось, но это было весьма недолго; появился опять понос, опять отчаяние, что никогда не выздоровеет так как понос мешает, дети, жена раздражают. Пробившись раза два с мышьяком, я перешел на фосфор конечно в самых маленьких дозах и теперь 8-й день, что он его принимает... В общей сложности за эти 3 недели здоровье М[ихаила] Евгр[афовича] всетаки лучше, питание..... силы — несомненно улучшились, но за эти 8 дней фосфора психика несомненно изменилась, он стал говорить о посторонних его болезни предметах и очень умно и остроумно, память увеличилась; руки, ноги дрожат меньше. Сам сознает, что ему лучше и даже делал попытку к работе. Посмотрим, что будет дальше?

...Вопрос, который теперь наиболее мучит и занимает М[ихаила] Евгр[афовича], это поездка за границу на зиму. Ехать с женой он не хочет, оставить ее здесь с детьми без себя он тоже не решает, ехать всем вместе считает невозможным из за ученья Кости, которое необходимо должно идти в Россию.

Совсем история волка, козы и капусты...

[18]89 апреля 6. С. Петербург.

...Не даром Питер боится вскрытия реки, которая вместе с собою немало уносит хроников, не выдерживающих борьбы за существование; кажется в нынешнем году придется погибнуть и Салтыкову. Теперь уже недели три, как состояние его стало постепенно ухудшаться... ухудшению предшествовал целый ряд тревог по поводу перего-

воров о продаже его издания, наконец, забота об издании на свой счет; к этому присоединились семейные сцены с женой, с сыном...

...Сегодня 7 апреля надеюсь у него побывать.—Ну вот и побывал у последнего пасынка семейства Головлевых. Не могу передать Вам того тяжелого впечатления, с которым я вышел из этой неудачной семьи; большого застал за рюмкой молока, которое он пил и ругал, проклиная внутренно всех и все; он сидит в креслах с протянутыми на стул ногами, дышит легче, спит лучше, меньше кашляет...

...Ни о чем не говорит, ничего не вспоминает, только жалуется, стонет и ругает молоко. Что же это за лечение? Когда же Вы его от меня возьмете, когда же все это кончится? Вот все, что я слышал сегодня от нашего пациента. Елизавета Аполлоновна в каком то особом настроении; не без нетерпения ожидает развязки, приготавливаясь к новой роли вдовы, с трудом удерживает свое веселое настроение, не совсем подходящее к настоящему положению мужа и с любопытством спрашивала меня, доживет ли он до Царского села, куда он думает переехать на лето. Не могу сказать, чтобы лицо ее выражало радость, когда я ей ответил,

Обзор архивных материалов С. П. Боткина и Н. А. Белоголового был опубликован в «Записках Отдела рукописей» 1938 г., в № 2; там же частично были напечатаны некоторые выдержки из писем С. П. Боткина; в настоящей публикации даются новые данные о болезни и последних годах жизни М. Е. Салтыкова-Щедрина, в отрывках.

Боткин Сергей Петрович (1832 — 1889) — профессор медицины, общественный деятель, сотрудник журналов «Медицинский вестник», «Военно-медицинский журнал», издатель сборника «Архив клинических внутренних болезней».

что, может быть, и в будущем году придется пожить в Царском. Единственное симпатичное лицо, которого я видел у Салтыкова, была Таня, помните ту Камчадалку, которая прежде служила у Вас, а потом с нами ездила за границу. Она действительно с самоотвержением и любовью ходит за этими последними остатками бывшими когда то человеком и с ангельским терпением выносит все его выходки. Впрочем я не прав винить его, и на его долю выпало тяжелое испытание в виде постоянного сожительства с Елиз[аветой] Апол[лоновной] и его сыном Константином. Нельзя сказать, чтобы они его утешали; даже в теперешнем его тяжелом положении пощады ему нет; жалуюсь мне на молоко, он пожаловался и на семью—меня все раздражают—промычал он с особенным стоном. Может быть впрочем и на этот раз отдуют северные ветры, разнесут ледяную крышу нашей Невы, которая очистится от льда и поставит Питер на летнее положение, а Михаил Евгр[афович] благополучно переберется на дачу да еще пожалуй чтонибудь и напишет. Ведь мы уже не раз его хоронили, а сколько с тех пор убралось народа из среды его оплакивавших друзей и почитателей...

Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895) — врач, общественный деятель, друг С. П. Боткина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, издатель зарубежного журнала «Общее дело» (1877—1890). Пациентами его, как врача, были: Некрасов, Щедрин, Елисеев, Тургенев. Интересный архив Белоголового, содержащий свыше ста писем Щедрина, воспоминания о декабристах, материалы о встречах с А. И. Герценом, Л. Н. Толстым, Н. А. Некрасовым, хранится в Отделе рукописей.

¹ Елизавета Аполлоновна — Салтыкова, жена М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² Лихачев Владимир Иванович (1837—1906) — юрист, общественный деятель. Опекун детей Салтыкова-Щедрина после его смерти.

³ Постигшее его горе — речь идет о закрытии 20 апреля 1884 года журнала «Отечественные записки», общественное значение которого, — как «дезинфицирующего начала в русской литературе и очищения от микробов и бактерий», — Щедрин ставил высоко. Закрытие журнала явилось «литературным горем» Щедрина, о чем он писал к Анненкову, Кавелину, Боровиковскому, Белоголовому, Елисееву, Михайловскому и др.

⁴ Сын М. Е. Салтыкова — Константин Михайлович (Костя) — (1872 — 1932).

ПИСЬМО К. К. АРСЕНЬЕВА
к А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

10 мая 1889 года.

Многоуважаемый Алексей Михайлович за венок, возложенный на гроб М. Е. Салтыкова, Комитетом Литературного фонда¹ уплачено 66 рублей. На каждого из одиннадцати членов комитета (не считая московского) приходится следовательно по 6 рублей.

Глубоко уважающий Вас
К. Арсеньев.

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — юрист, публицист и критик, почетный академик; умеренный либерал; автор статьи «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова», напечатанной в «Вестнике Европы» за 1883 год, с января по май.

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908) — поэт, стихи которого печатались в «Отечественных записках».

¹ Литературный фонд — так неофициально называлось общество для пособия литераторам и ученым, осно-

⁵ Дочь М. Е. Салтыкова — Елизавета Михайловна (1873 — 1927?).

⁶ Боткина Екатерина Алексеевна.

⁷ Унковский Алексей Михайлович (1828—1893) — общественный деятель, близкий к кругу Щедрина и Некрасова; Анастасия Михайловна — его жена.

⁸ Сережа — Боткин Сергей Петрович.

⁹ Соколов Нил Иванович (1844 — 1894) — профессор Военно-медицинской академии, ассистент С. П. Боткина, лечивший Щедрина.

¹⁰ Васильев — доктор, лечивший Щедрина.

¹¹ Катя — Боткина Екатерина Алексеевна (1850—1917) — жена С. П. Боткина.

ванное в 1859 году. В числе его учредителей был Н. Г. Чернышевский, имя которого продолжало печататься в ежегодных отчетах вместе с другими именами учредителей: А. В. Дружинина, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова, И. С. Тургенева и др. 2 февраля 1877 года Салтыков был избран товарищем председателя Комитета Литературного фонда. В сборнике, изданном Литературным фондом, были напечатаны три сказки Щедрина.

ИЗ ПИСЬМА И. В. ФЕДОТОВА к
А. И. ЭРТЕЛЮ

6 августа 1881 года.

Салтыков-Щедрин — это один из тех, которые без страха освещают электрической искрой все закоулки общественного разврата. От него не уходит никакая общественная гадина, которой он не послал бы в след хорошего пинка или ядовитого удара сатирическим бичом.

Он стоит хорошего памятника. Мне кажется, если ему будет памятник, его изобразят с кнутом в руке¹ и разбегающимися от него разными, исполосованными им гадами... Но это дело будущего.

Федотов Иван Васильевич — отец первой жены писателя А. И. Эртеля, с последним вел оживленную и интересную переписку по вопросам литературы, искусства, политики, философии, религии и морали. «Он был, — по отзыву Эртеля, — в политике умеренный социалист, в философии — материалист и отчасти поклонник Шопенгауера, в искусстве почитатель Байрона и Тургенева. Очень ценил Щедрина». Переписка Федотова с Эртелем сохранилась среди архивных материалов А. И. Эртеля в Отделе рукописей.

Его изобразят с кнутом в руке... — Повидимому, мысль о символическом изображении Щедрина на будущем памятнике навеяна Федотову аллегорической картиной, которую скопировал в Москве нотариус Н. П. Орлов при участии художника Д. А. Брызгалова по получению «Отечественными записками» «второго предупреждения» и издал «подпольно» в фотографических снимках, ходивших по рукам. Для Щедрина был сделан и послан ему особый снимок, по поводу которого он писал Н. П. Орлову: «Такого сходного портрета я, во всяком случае, не имел и не видел. Что касается до обстановки, не имея ничего сказать против гадов, преследующих сзади, ни даже против просвета, который всегда как-то по штату полагается, я бы на месте художника, и по ту сторону просвета устроил встречу гадов. Ибо и это тоже по штату полагается. Вообще, это было бы полное изображение отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами и с прогрессом, в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника».

ИЗ ПИСЬМА А. И. ЭРТЕЛЯ
к М. В. ЭРТЕЛЮ

3 мая 1889 г., Тверь.

О смерти Щедрина ты, конечно, знаешь. Родина, сиречь Тверь, почитла его память весьма скромно... была отслужена панихида, на которой присутствовало 2½ человека, из которых вдобавок большинство

состояло не из тверских, а из посторонних. Я не был.

Эртель Мария Васильевна, урожденная Огаркова — жена А. И. Эртеля, дочь усманского купца, окончила воронежскую гимназию в 1880 г., затем Высшие женские курсы. Эртель женился на ней после развода с первой женой Марией Ивановной Федотовой.

ИЗ ПИСЬМА А. И. ЭРТЕЛЯ
к М. Н. ЧИСТЯКОВУ

21 ноября 1890 г. ст. Углянка,
Козл.-Ворон. ж. д., Емпелево.

Я все это время перечитывал Щедрина (полное собрание его мне прислал А. Г. Сукочев), ах, друг, какой это крупный и мало того крупный, — какой прозорливый¹ и «христианский» писатель! Способ его изложения, его гнев, его горький смех многих приводят в заблуждение, заставляют ошибочно видеть в нем какого-то человеконенавистника, который глумится де надо всем — и добрым и злым, — но такое мнение — сущий вздор. И отношение к нему Льва Толстого так невероятно, так, скажу прямо, легкомысленно, что я даже не умею объяснить его.

Можно только объяснить тем, что, во-первых, Лев Николаевич мало и без внимания читал Салтыкова, а, во-вторых, что ему органически противен жанр Салтыкова и органически любезно даже формальное незлобие и всепрощение... Но писатель, простивший даже Иудушку Головлева², сумевший пробудить в читателе жалость даже к такому извергу (вспомни или перечитай смерть Иудушки) заслуживает иного мнения.

Вообще я очень рад, что мне пришлось восстановить в памяти все важное, написанное Салтыковым и отрешиться от многих ошибочных о нем представлений. Это, брат, писатель ничуть или мало уступающий Льву Толстому, а в энергичной, в страстной борьбе со злом, в

Карлсбадский рисунок Гете — 1812 г. (см. стр. 89)

той силе анализа, с которой он умел разбираться в разных общественных течениях, может быть, даже превосходящий Толстого.

По мнению Льва Николаевича, если и есть у Щедрина что-нибудь хорошее, так это в «Губернских очерках». А вообрази «Губернские очерки» и есть самое слабейшее, что есть у Щедрина! Что сей сон значит — ей богу — не пойму. В конце концов нужно согласиться с покойным Громекой³, когда тот, говоря о Л. Толстом, сказал по поводу Салтыкова: «...другая вершина русской поэзии,» — а об отношении этих двух «вершин» друг к другу нужно разобраться со временем и не нам, а людям более беспристрастным.

Чистяков Матвей Николаевич (1854—1920) — один из друзей А. И. Эртеля; в Отделе рукописей сохранилась интересная переписка между ними.

¹ Прозорливый — писатель. По поводу этой «прозорливости» М. Е. Щедрина А. И. Эртель писал и к Н. Я. Петрову 26 октября 1898 года: «В сущности никто так прозорливо не проник в подоплеку русского народа, как политического тела, как Щедрин в «Истории города Глупова». (См. «Письма А. И. Эртеля»).

² Иудушка Головлева — главный герой романа «Господа Головлевы» Щедрина, появившегося в «Отечественных записках» в середине 70-х годов.

³ Громека Михаил Степанович (1852—1883) — критик.

ИЗ ПИСЬМА П. Ф. НИКОЛАЕВА
к А. И. ЭРТЕЛЮ

26 февраля 1891 года

Ну и талант же у Вас, батюшка, чертовский какой-то. Силища и талант громаднейшие. По поводу «Гардениных»¹ я говорил, что Вы оставляете за флагом Ваших сверстников, а «Смена»², судя по началу, может оставить за флагом даже наших стариков, кроме впрочем Салтыкова — тот писатель особой

силы, потому, конечно, что и человек особой силы.

Николаев Петр Федорович — врач, статистик, каракозовец, бывший каторжанин.

¹ «Гарденины» — роман А. И. Эртеля под заглавием «Гарденины, их дворня приверженцы и враги» печатался в журнале «Русская мысль» за 1890 год, затем вышел отдельным изданием.

² «Смена» — роман А. И. Эртеля, печатался в журнале «Русская мысль» за 1891 год.

А. И. СКРЕБИЦКИЙ
о М. Е. САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

Михаил Евграфович Салтыков жил 14-ть лет в доме покойной жены моей Марии Семеновны¹, на Литейной (теперешний номер 60-й, старый 62-й). Он доставлял ей свои произведения в день появления их в печати; непропущенные, или допущенные с изменениями давал ей для прочтения. Настоящая «сказка» так пришлось жене по вкусу, что она, переписав ее, поднесла мне ее.

Рядом с домом жены моей в здании, принадлежащем св. синоду (теперь 62, старый 64) обитали, последовательно один после другого, незабвенной памяти: граф Д. А. Толстой² и Победоносцев³. Первый был товарищ М. Е. по лицу.

Странный симбиоз антиподов на одной улице, стена об стену в буквальном смысле.

М. Е. Салтыков занимал квартиру с 5-ю окнами, выходящими на улицу, со стороны соседнего дома № 58.

Скончался он в лицевой комнате (кабинете) с двумя окнами. Рядом с нею была его гостиная, с тремя окнами. Из этого кабинета, по настоянию нового жильца, теперь проломана дверь прямо на лестницу. В этом углу на противоположной стороне окон, стояла его кровать, на которой он умер.

А. Скребицкий.

К чему такие подробности, — может спросить читатель, которому попадутся эти строки. Может быть когда-нибудь наше общество, развившись, воспользуется ими, чтобы относиться к ним с таким же уважением, как мы давно видим на Западе.

Я жил в том же этаже; площад-

ка была общая, входные двери были одна против другой. М. Е. Салтыков, не выходящий в последние годы никуда, обыкновенно в халате, заходил ко мне очень часто мыкать свое горе, жалуясь, что все его забыли.

В действительности он сам никого не принимал.

Скребицкий Александр Ильич (1827 — после 1903 г.), доктор медицины, врач-окулист, двоюродный брат В. А. Арцимовича; в доме его жил Щедрина с осени 1876 г. и советовался с ним по поводу своей глазной болезни.

¹ Скребицкая Мария Семеновна — жена А. И. Скребицкого, урожд. Юрьевич.

² Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), реакционер, министр внутренних дел и шеф жандармов (1882—1889), участник совещания четырех министров, которое постановило прекратить издание «Отечественных записок», причем одним из поводов к этому было то, что «статьи самого ответственного редактора (Салтыкова, — И. Ф.), которые, по цензурным условиям, не могли быть помещены в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих эмиграции».

³ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор «святейшего синода» (1880 — 1905 г.г.), имевший огромное влияние в царской России, реакционер, ярый враг и гонитель Толстого и Салтыкова-Щедрина.

Объявление о смерти Щедрина доставило большое удовлетворение Победоносцеву и всей салонно-придворной части населения столицы, которая ненавидела от души писателя-сатирика. «Мне известно, что наш сосед по дому, — вспоминал К. М. Салтыков, сын писателя, — отслужил по этому случаю в своей домово́й церкви «благодарственный господу богу молебен». (См. «Правда» 12 мая 1929 г., № 106, «Последние дни Салтыкова-Щедрина» (воспоминания сына).

И. Федоров.

МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ СОБРАНИЙ АВТОГРАФОВ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Широкая обработка собраний автографов и архивных материалов началась в Отделе рукописей с конца 1935 года. В распоряжении Отдела, наконец, оказалось достаточное количество рабочих рук и технических возможностей, чтобы можно было по-настоящему приняться за громадные накопленные материалы.

За четыре года приведено в порядок около 200 собраний. Сотни тысяч новых документов влились в общий фонд рукописных богатств, предоставляемых Отделом научным исследователям в своем читальном зале.

Новые, необычные для Отдела масштабы работы заставили его сосредоточиться на методических вопросах, заострить их, выработать инструкции, считаясь по возможности с последними достижениями, применявшимися на практике в других подобных ему учреждениях, как Государственный Исторический музей, Литературный музей, Толстовский, Институт мировой литературы им. Горького в Москве, Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Институт русской литературы при Академии Наук в Ленинграде.

Я говорю «на практике», потому что теория, зафиксированная в инструкциях и в очень немногочисленных по количеству и незначительных по качеству методических руководствах, от-

стает от практики, потому что практика всегда предлагает «казусный» материал, не предусмотренный в инструкциях, и только что составленные инструкции сейчас же начинают обрастать дополнениями и даже изменениями.

Собрав по возможности весь такой материал инструкций, их проектов, дополнений, технологических процессов и дополнив их записями на основе устных консультаций с отдельными специалистами этой работы и различных научных дисциплин, Отдел составил в 1935 г. свою первую инструкцию. Естественно, что в ней основными пунктами были те, которые соприкасались с первоочередной задачей Отдела для того периода. Это были вопросы первичного разбора материалов, выделения отдельных собраний и фондов, общего учета их и составления первичных суммарных описей. Ведь в тот момент не только шкафы Отдела рукописей, но и полы его были заложены и заставлены связками, папками, мешками и ящиками материалов, стекавшихся сюда после Октябрьской революции из национализированных дворянских имений, закрывавшихся монастырей, — материалов, поступавших и от отдельных представителей литературы, искусств, науки и общест-венности. Перед этим колоссальным потоком был бессилён крошечный до 1935 г. штат Отдела.

Работа по первичному разбору и выяснению материалов заняла конец

1935 г. и почти весь 1936 год. Показательно, что пересмотр инструкции, произведенный в начале 1936 г., привел к упрощению ее, к снижению требований, предъявлявшихся в 1935 г. при обработке материалов. Это объясняется тем, что, в сущности, только в 1936 г. Отдел понял всю величину предстоящей ему работы и решил прежде всего довести до конца общее ознакомление с материалом.

Результатом этого был действительно законченный в 1936 г. беглый учет общего количества и состава неразорванных фондов, и в 1937 г. можно было снова поднимать требования по отношению к обработке, приступить к углублению и переработке наиболее ценных, слишком суммарно обработанных фондов и расширить круг тем научной работы, начатой в минимальной степени в 1935—36 годах.

В связи с этим снова была пересмотрена инструкция. Но теперь она была значительно углублена и детализована.

В основных положениях она действует и в настоящее время, хотя в феврале прошлого года она опять пересматривалась и дополнялась, подвергаясь тщательному обсуждению на методических совещаниях.

Может встать вопрос: допустима ли такая неустойчивость инструкции? такие частые изменения ее? На это следует ответить, что практически это было необходимо и вполне объяснимо.

Беда рукописных отделов в том, что нет общепринятых твердоустановленных правил разработки архивных рукописных материалов. Я рассказала выше, как выработалась наша первая инструкция. Через некоторое время мы уже давали ее, как материал для новых инструкций Историческому и Литературному музеям, к нам приезжали из Ленинграда за консультациями, и снова в 1939 г. мы запрашивали Литературный музей об их новой инструкции, и снова запрашивают нас.

Это был и продолжается настоящий «обмен опытом» однородных учреждений. Ему способствовали кадры договорных работников, переходивших из одно-

го учреждения в другое. Общались между собою методисты, правда, часто в порядке частных консультаций. И мне думается, что все это было нормально. Но думается и другое: что уже накопилось достаточно опыта у всех рукописных отделов вместе и у каждого по-рознь, и что следовало бы кончить кустарную выработку инструкций каждому для себя; пора уже созвать конференцию работников этого дела и договориться до общеобязательных положений. Необходимость такой конференции ощущается почти всеми работниками отделов рукописей, потому что съезды библиотечных работников почти не уделяют времени и внимания вопросам рукописных отделений и из них не вытекают никаких практических результатов.

Говоря в дальнейшем о методах обработки, применяемых в Отделе рукописей, как принято для сокращения называть, «Ленинской библиотеки», я буду только констатировать факты. Без претензии считать эти методы последним словом науки, без категорического утверждения непогрешимости принятых правил. Я не могу себе позволить также останавливаться чрезмерно детально на всех процессах и буду говорить только о трех основных, составляющих инвентарную обработку материалов: систематизации материалов, составлении фондовых описей и составлении карточного каталога. Вопросы научной обработки, подготовки материалов к печати являются темой самостоятельной статьи. Все вместе, включая вопросы хранения, вопросы обработки рукописных книг, и вопросы подсобных процессов, как шифровка, нумерация и подсчет листов,—тема назревшего, необходимого печатного руководства.

Обработка архивных собраний начинается с обязательного общего просмотра всего материала, входящего в собрание. Этот просмотр знакомит и с составом материала и с наличием системы его расположения и со степенью его обработанности.

Если старая система расположения не может быть сохранена, намечается ориентировочная схема тех групп, по кото-

рым следует распределять материалы данного собрания.

В инструкции Отдела рукописей указываются принятые примерные схемы для разных типов собраний: писателей, ученых и общественных деятелей, родовых и семейных собраний. Но почти не бывает случая, чтобы эти схемы не требовали индивидуализации. Так, например, прошли в работе писательские архивы Некрасова, Тургенева, Гоголя, Фета, Островского, Чехова. Одни из них почти исключительно являются собраниями автографов творческих рукописей, другие — писем самого автора, третьи — писем к данному автору.

Были в работе архивы историков: Сергея Соловьева, Погодина, Ключевского, Кареева, но их нельзя выровнять по общей схеме, потому что материалы Соловьева состоят из небольшого количества его трудов, писем к нему и материалов, собранных Н. А. Поповым, о нем.

В архиве Кареева, кроме его научных трудов и корреспонденции, есть богатые личные мемуарные материалы. Особенностью архива Ключевского являются печатные книги, испещренные на полях его заметками. Но совсем особенным по составу является архив М. П. Погодина, который сливается с архивом и литературным портфелем «Москвитянина» и других журналов, в которых Погодин принимал участие, а также с материалами Славянского Общества, и кроме того имеет много чисто хозяйственных документов такого предприятия, как Николо-Павдинский завод, принадлежавший Погодину; наконец, кроме «архива» Погодина, есть еще много материалов его «собрания», куда входят и древне-русские документы и выписки из них и много простых курьезов. Естественно, что обычная схема для собраний деятелей науки тесна для материалов Погодина.

Индивидуальной схемы требует собрание С. Д. Полторацкого, основная масса которого представляет собою библиографические справки, занесенные на отдельные листки и систематизированные по группам для тех справочников, которые составлял Полторацкий. Личный архив его, состоящий из переписки и докумен-

тов, невелик и должен быть совсем обособлен от этой части.

Большие родовые архивы, при всем сходстве входящих в их состав групп, тоже не всегда укладываются в однотипную схему. Так, архив Барятинских из Ивановского, Апраксиных из Ольгова и Орловых-Давыдовых из Отрады требуют дифференциации схемы. У Апраксиных два наиболее типичных раздела — хозяйственная часть и переписка как и у Квашниных-Самариных, у Шаховских. У Барятинских среди материалов этой семьи вкраплены материалы А. И. Чернышева (отца одной из Барятинских, участника кампании 1814—1815 гг., военного министра николаевской эпохи), настолько замкнутые в себе, что они составили самостоятельную группу, и переписка Чернышева была отделена от общей эпистолярной части архива Барятинских и его собственных писем к дочери.

Такой же самостоятельный концентр составляют в собрании Орловых-Давыдовых материалы Анны Ивановны и Николая Александровича Толстых с одной стороны, с другой — литературные работы и материалы к ним Вл. Петр. Орлова-Давыдова. Кроме того, в обоих собраниях есть однородные земельно-хозяйственные материалы и эпистолярная часть.

Поэтому нельзя механически втискивать собрания в общеустановленные схемы. Вопрос об ориентировочной схеме, устанавливаемой на основании предварительного просмотра, очень важен, так как правильно намеченная схема чрезвычайно облегчает дальнейшую систематизацию.

По окончании предварительного просмотра приступают к черновому разбору, при котором материалы разделяются на основные группы: творческие рукописи, переписка, документы, имущественные дела и т. п. Только полностью завершив этот процесс, переходят к систематизации каждой отдельной группы. Систематизация является основным процессом обработки. Требования к ней то повышались, то понижались в разных инструкциях отдела, и в настоящее время они сводятся к следующему.

Материалы творческих рукописей должны быть разобраны по отдельным произведениям. Внутри каждого произведения они подбираются по частям, главам, а также по различным редакциям. Наиболее полно подбирается последняя редакция, если возможно, наборная рукопись произведения. Из остальных редакций составляются возможно более полные комплекты в порядке обратной последовательности от последней к первой, затем собираются планы, конспекты, наброски.

Если рукопись одной редакции состоит из отдельных листов автографных и переписанных чужою рукою с авторскою правкою или без правки текста, то она все-таки подбирается в общем порядке последовательности текста, без выделения из нее листов автографа.

Следует признать, что рукописи разных по значительности авторов систематизируются с неодинаковой степенью углубленности. Предпочтение в смысле тщательности систематизирования отдается рукописям писателей-классиков.

В первом полугодии 1939 г. были в обработке рукописи Л. Н. Толстого и Н. И. Кареева. Только по отношению к первым соблюдалась вся строгость вышеизложенных требований.

Вряд ли вызывает возражения подобная дифференциация обработки. Целесообразность ее очевидна,—зачем тратить время и силы сотрудников, а с ними и государственные средства на установление последовательности редакций в работах Кареева или Погодина? Эти истории сыграли свою роль в определенный момент культурной жизни страны, но не явились основоположниками даже в своей области. Напротив, каждая строка, каждый вариант произведения такого колосса художественной литературы, как Толстой, имеет значение и необходим для исследователей его творчества. Вот почему Отдел не поспешил начать в 1939 году пересистематизацию его рукописей, необходимость которой неоднократно указывалась исследователями, редакторами юбилейного издания. Такой же переработке подверглись собрания материалов других писателей-классиков, как Гоголь, Достоевский, Герцен, Некрасов.

Систематизация эпистолярных материалов состоит в подборе писем по авторам, внутри каждого автора по адресатам и внутри адресата по хронологии. Требования раскрытия авторов, адресатов и точности датировки также колеблется в зависимости от содержания писем, важности затронутых в них тем и причастности их к тому или иному крупному лицу. Письма неустановленных лиц к неустановленным адресатам подбираются тематически.

Документы систематизируются по отдельным лицам, которым они принадлежат, и внутри—тематически.

Имущественные дела разделяются на земельно-хозяйственные, фабрично-заводские, торговые и денежные. Земельно-хозяйственные группируются по отдельным имениям и вотчинам, фабрично-заводские и торговые по разным предприятиям, денежные снова по лицам. Внутри каждой группы—по хронологии.

Таким образом, основной принцип систематизации, применяемой Отделом рукописей Ленинской библиотеки можно назвать персональным в широком смысле в отличие от хронологического и тематического, которые вводятся как дополнительные элементы, хотя тоже абсолютно необходимые, особенно первый. Менее всего Отдел пользуется тематической систематизацией на том основании, что большая часть материалов многоотна и включение такого материала в одну тему затруднит его привлечение к другой. В дальнейшем, при широком развитии систематического справочного каталога, этот недостаток исчезнет.

Я употребила выражение «персональный в широком смысле», потому что раскладка земельно-хозяйственных дел по имениям и фабрично-заводских по предприятиям есть тоже в своем роде персональная систематизация.

В апраксинском собрании ольговские материалы отделяются от брасовских в делах межевания, приходо-расходных книгах, отчетности полевого и лесного хозяйства, молочных ферм и т. п. Только дела купли-продажи крестьян до 1861 г., материалы о крестьянских волнениях выделяются в тематические группы.

Сведения, установленные систематизатором о документе, записываются на обложке, в которую вкладывается материал, или на вкладной лист, если рукопись в переплете. Кроме того обязательно указываются на обложке дефекты сохранности.

После окончания систематизации всего собрания оно монтируется по принятой схеме, материалы укладываются в картонные, устанавливаются их последовательность, собрания шифруются и к нему составляется фондовая инвентарная опись на отдельных листах, которые позже брошюруются, переплетаются и прошнуровываются.

Такие отдельные фондовые описи удобны тем, что при поступлении нового материала, который должен примкнуть к уже обработанному, опись его присоединяется к существующей и позволяет вести точный учет объема фонда.

Кроме того, практика фондовых описей позволяет вести одновременно составление описей нескольких фондов, что особенно существенно было для Отдела рукописей в 1935—37 годах, когда в обработке было одновременно большое количество собраний, и Отдел не мог бы произвести опись всего обработанного материала, если бы он стал вести только одну последовательную книгу описей.

В инвентарную опись заносятся те же сведения, которые даны на обложке. Только в тех случаях, когда описывается под одним номером группа документов за несколько лет, и документы эти не представляют собою особенно важного материала, в описи даются крайние даты и общее количество листажа без дифференциации по годам.

Описи являются особенно важной документацией для хранения материалов; вот почему существенно указывать в них дефекты сохранности и точный учет количества.

Другую задачу Отдела рукописей—ознакомить исследователя с наличным материалом—выполняет каталог рукописных материалов.

В настоящее время для архивных материалов Отдел наиболее широко приме-

няет систему алфавитно-именной картотеки.

Понимая всю важность систематически-предметного каталога, Отдел находит, что по характеру имеющегося у него материала первоочередной задачей является охват материала алфавитно-именной картотеккой. В этой картотеке сведения о материалах, связанных с интересующим исследователя лицом, даются по трем направлениям—произведения, письма и документы данного лица, где он является как автор материалов или их владелец, затем это лицо представлено как адресат письмами и материалами, присланными ему, и наконец даются сведения о нем как о лице, упоминаемом в неопубликованных письмах и мемуарах, хранящихся в Отделе. Таким образом каждое лицо, если только оно является сколько-нибудь значительным в каком бы то ни было отношении, разносторонне освещено в картотеке.

На основную «авторскую» карточку записываются те же сведения о материале, которые даются на обложке и в фондовой описи, т. е.: наименование автора, название материала, дата написания рукописи, количество документов, количество листов, их размер, способ написания.

Дефекты сохранности выносятся на карточку лишь в тех случаях, если они отражаются на тексте. На обложке и на карточке даются указания о публикации документа, в описи этот пункт не вносится. Кроме того на основных карточках к неопубликованным эпистолярным материалам и мемуарам выписываются имена наиболее значительных упоминаемых лиц.

Для этих лиц и для адресатов писем составляются ссылочные карточки.

Многие собрания, обработанные до 1935 г., и некоторые менее значительные, обработанные в период 1935—39 гг., имеют упрощенные фондовые картотеки. К ним составлен сводный именной каталог; в нем дается только указание собраний, в которых имеются материалы данного лица, и отсылка к фондовым каталогам этих собраний.

Обработка собрания заканчивается составлением обзора к нему, который зна-

комит исследователя с общим содержанием материалов и помогает ему ориентироваться в них.

Особенно большое значение для информации широких кругов советской научной общественности о материалах Отдела рукописей имеют публикации этих

обзоров и печатные каталоги, подготовляемые и частично уже опубликованные Отделом, и, в частности, общий каталог фондов, намеченный к изданию в 1940—41 году.

Е. Кошкина.

Май 1939 г.

Миниатюра из Евангелия XVI века (см. стр. 89).

ПАМЯТНИК ДРЕВНЕГО РУССКОГО
ИСКУССТВА

Отдел рукописей приобрел исключительный по красоте и сохранности памятник древнего русского искусства. Это евангелие, писанное в начале XVI века. Деревянный переплет его обтянут красной золотистой парчой. Бумага французская, от начала до конца книги одной марки. Письмо полууставное, крупное, исполнено одной мастерской рукой. В тексте многие буквы, цифры, знаки писаны червонным золотом. Последние страницы, отведенные оглавлениям и указателям, писаны в колонках наполовину чернилами, наполовину золотом, в результате чего каждая страница является своеобразным произведением искусства.

Главный интерес рукописи заключается в ее ценнейших художественных украшениях. Прежде всего надо отметить четыре изображения евангелистов на отдельных листах, миниатюры исключительной тонкости рисунка и гармонии красочного узора с золотыми просветами. Четыре больших заставки и четыре рамки в начале евангелий, вместе с украшениями на полях, представляют целые картины, искусно вырисованные и сплетенные из растительных орнаментов.

Гармоничная пестрота красок, их легкие, прозрачные тоны свидетельствуют о большом вкусе и таланте художника. Обилие червонного золота, мягко светящегося и не режущего глаз металлическим блеском, говорит о состоятельности заказчика и о необыкновенном искусстве исполнителя.

Исследование рукописи, обнаруживающее обилие и богатство ее материалов,

высокое качество выполнения, прекрасную сохранность, приводит к выводу, что заказчиком и владельцем ее мог быть не кто иной, кроме Московского великого князя, позднее царя. Только кремлевская мастерская, книжная палата, располагала этими драгоценными материалами, привозившимися из-за рубежа. Что касается мастеров, создавших художественную книгу, то их исключительное умение свидетельствует о времени расцвета русского народного искусства в XVI веке и об определенной школе живописного мастерства — Сергиев монастырь. Именно здесь еще крепки были блестящие традиции Андрея Рублева и Исаака Собакина, именно здесь в то время еще были искусные писцы и живописцы, каких нигде уже более не находили и царские мастерские для своих заказов.

Новое приобретение послужит блестящим пополнением прекрасного собрания памятников древнего русского искусства, которым справедливо может гордиться Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Проф. Г. П. Георгиевский.

КАРЛСБАДСКИЙ РИСУНОК ГЕТЕ

Гете принадлежал к тем гениям мировой литературы, которые тяготели к пластическим искусствам, изучали, коллекционировали памятники искусства и сами занимались рисованием и живописью. Эта художественная, преимущественно графическая, линия в продолжение всей длительной жизни Гете развивалась параллельно с его литературным творчеством и часто перекликалась с ним. Но,

в отличие, например, от Пушкина, рисунки пером которого на полях рукописей служили лишь своеобразным аккомпанементом к его творческим полетам, или от Виктора Гюго, чьи сочные фантастические акварели часто тесно были связаны со средневековой романтикой его повестей и драм, рисунок у Гете в большинстве случаев носил вполне самодовлеющий характер, исполнялся непосредственно с натуры, реалистично передавая ее сущность.

Немецкий поэт одно время даже помышлял посвятить себя целиком живописи, но поездка в Италию убедила Гете в ошибочности подобного намерения, хотя им было привезено множество рисунков, которые по остроте восприятия и бойкому исполнению сделали бы честь и профессиональному художнику. Однако страсти к рисованию с натуры Гете оставался верен и любовно ее культивировал в дальнейшем, особенно во время путешествий. К такому периоду, очень продуктивному как раз в области рисунка, принадлежит и воспроизводимый здесь лист, недавно приобретенный Отделом рукописей.

Рисунок исполнен тушью и белилами на сероватой бумаге, величиною 14,6×21,5 см. и имеет собственноручную подпись в нижнем левом углу: 1812—Göthe — Carlsbad.

Уже с первых лет прошлого века начинавший стареть Гете ежегодно стал ездить в Карлсбад, славящийся своими горячими источниками, и в некоторые другие лечебные места Богемии, где он обычно проводил летние месяцы. Многочисленные встречи в этих курортах, куда стекалось избранное общество с разных концов Европы, частые прогулки в живописные окрестности давали толчок к рисованию, и в обширном художественно-графическом наследии Гете рисунки данного периода, т. е. приблизительно первого десятилетия 19-го века, на мотивы богемской природы занимают очень видное место.

Наш рисунок, датированный 1812 годом, принадлежит к указанной группе. В 1812 г. Гете гостил в Карлсбаде с 17-го мая по 28-е июня. К этому времени и нужно отнести создание рисунка. На нем

уверенной рукой увековечен вид одной из гористых местностей, которые цветущей цепью окружают Карлсбад. В глаза бросается на первом плане небольшой куст, разработанный с особой тщательностью во всех деталях. Эта почти натуралистическая передача характера растения очень знаменательна для того живого научного интереса к некоторым проблемам ботаники и минералогии, который появился у поэта в позднейшем возрасте и вызвал к жизни ряд его чисто научных трудов.

О том, какова была судьба рисунка и кто были его прежние владельцы, к сожалению нет никаких определенных сведений. Принимая во внимание знакомство Гете с многими именитыми русскими людьми и особенно встречи с ними как раз в Карлсбаде, можно было бы предположить, что рисунок был преподнесен одному из них самим автором. Но в таком случае лист, по всей вероятности, был бы снабжен какой-нибудь дедикацией, которой на нем нет. Очевидно, он был приобретен когда-то одним из русских почитателей Гете или просто коллекционером.

Поступление рисунка в Отдел рукописей надо приветствовать. У нас в Союзе имеется несколько автографов Гете, а Государственный Эрмитаж хранит два ценных документа гетевской иконографии — портрет поэта маслом работы Ягемана и мраморный его бюст работы Рауха. Подлинных же рисунков Гете до сих пор в советских собраниях не было.

П. Эттингер

«ЖУРНАЛ» кн. В. В. ВЯЗЕМСКОГО

Русская военная история конца XVIII — начала XIX века обогатилась новыми ценными документами: это шесть тетрадей большого размера, содержащих почти ежедневные записи кн. В. В. Вяземского, начавшего свою военную службу ординарцем у Суворова и умершего в чине генерал-майора 5 декабря 1812 года.

Особенностью приобретенного «Журнала» явилась его анонимность, отсутствие прямых указаний на фамилию автора, которая отсутствует: ее нет ни на заголов-

ке, ни в подписи, ни в тексте. Лишь тщательное изучение содержания «Журнала» позволило установить со всею бесспорностью, кто является его автором.

Кн. В. В. Вяземский указал в журнале, что он родился в имении своего отца, селе Климове, в 90 верстах от Москвы. Это упоминание до некоторой степени помогло раскрыть фамилию автора, так как в «Указателе селений и жителей уездов Московской губернии» (изданном, однако, в 1852 г.) можно найти «село Климово в Коломенском уезде, 90 верст от столицы», владельцами которого значились совместно кн. Вяземские Алексей и Василий Васильевичи, Ильин и Балашев.

В конце последней тетради имеется несколько строк, написанных адъютантом кн. Вяземского, генерал-майором Иваном Матвеевичем Коновальским и посвященных памяти умершего автора дневников, который именуется Василием Васильевичем.

Лицо, через которое поступили в Отдел дневники, засвидетельствовало, что еще в прошлом столетии они были подарены его матери обедневшим помещиком кн. Василием Васильевичем Вяземским.

Всех этих косвенных сведений все же недостаточно для утверждения имени автора дневников. Печатные словари, общие и специальные военные, не знают имени кн. Вас. Вас. Вяземского. В генеалогии Вяземских, изд. Долгоруковым, Вас. Вас. Вяземский зарегистрирован, но в ней нет указаний ни на даты, ни на обстоятельства его жизни. В обширной истории Отечественной войны 1812 года Михайловского-Данилевского, в галерее портретов героев этой войны Вас. Вас. Вяземский также отсутствует.

Материал для раскрытия имени автора был найден в самом конце последней тетради. Там, на стр. 160—164, помещено «Расписание армии» (II-ой армии) с указанием командиров и воинских частей.

На обороте 161-го листа читаем: «г.м.к. Вяземский 13 и 14 Егерские», т. е. в составе 15-й пехотной дивизии 9-го корпуса была бригада из двух Егерских полков, которою командовал ген.-майор князь Вяземский. Далее через несколько страниц, находим расписание расположения войск в мае 1812 года с планом мест-

ности. Здесь 13 и 14 Егерские полки автором журнала дважды называются «бригада моя» и «моя бригада» (стр. 167). Этими данными устанавливается авторство генерала-майора кн. Василия Васильевича Вяземского, командира бригады, состоявшей из 13-го и 14-го Егерских полков.

Как было выше сказано, В. В. Вяземский начал свою службу ординарцем у Суворова. Служил в 12-м Егерском батальоне, а потом полку. Стоял и переходил с ним по Черноморью от Кубани до Дуная, сделал поход в Литву, переведен к Кутузову, собиравшему армию на Волыни. Вскоре участвовал в оккупации острова Корфу, а потом с десантным отрядом побывал на обоих берегах Адриатического моря, прошел Аппенинский полуостров с юга на север, был в Риме, Неаполе, в Неаполитанском королевстве, потом в северной Италии. Далее опять оказался на Балканском полуострове, воевал с турками, штурмовал придунайские крепости, оккупировал Валахию, наконец оказался в армии адмирала Чичагова и с нею дошел до Борисова. В Борисове, в ночь с 11-го на 12-е ноября 1812 г., при отступлении русского отряда выбыл из строя.

Главное содержание записок посвящено военным действиям. Рассказ сопровождается рисунками, чертежами, картами, иллюстрирующими действия отряда, в которых участвовал автор. Но рядом с военными сведениями в записках встречаются в изобилии характеристики местностей, нравов населения, памятников искусства, описания природы и записи бытового содержания.

Однако главное значение вновь приобретенных материалов все же не в них. Журнал В. В. Вяземского прежде всего ценный документ для русской военной истории конца XVIII — начала XIX вв.

Проф. Г. Георгиевский

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ

январь — апрель 1939 г.¹

51. Евангелие, писано полууставом в конце XV в., мастером Кирилова мона-

¹ Номера даны по книге поступлений 1939 г.

стыря Закхею. Заставки и заглавные буквы исполнены красками и золотом. В конце летопись рукописи.

11. Евангелие, писано полууставом XVI в., с вкладной записью 1529 года и заглавными буквами, писанными кинноварью.

36. Титулярник конца XVII в. без заглавного листа, содержит исторические сведения о сношениях Московских князей и царей с зарубежными странами, с приведением точных титулов.

26. Сборник песнопений на крюковых нотах из Обихода, Октая и Ирмоля, с образцами разных напевов и переложений, XVII и XVIII вв.

32. Камень веры, без заглавия и заглавного листа, писан полууставом XVIII в., соч. Стефана Яворского.

33. Патерик печерский, точно воспроизводящий первопечатный Патерик 1661 г. с иллюстрациями; писан полууставом XVIII в.

34. Поморские ответы на вопросы Питирима Нижегородского, писаны мелким поморским полууставом со множеством красочных рисунков на полях и с раскрашенными заставками.

19. Лечебник, XVIII в., в 316 главах, с прибавлением полезных сведений общего характера для домашнего быта и хозяйства.

7. Материалы, касающиеся владений семьи Веригиных, в количестве 9 номеров, писаны в XVIII—XIX вв.

22. Бумаги из канцелярий уральских городов XVIII и I половины XIX вв., на 232 лл. Есть бумаги, подписанные отцом С. Т. Аксакова, бумага о сборе подписки на сочинения Пушкина. Большинство бумаг из канцелярий уездов, по которым только что прошел Пугачев.

45. «Журнал» кн. В. В. Вяземского, в шести кожаных тетрадах большого размера, содержит подневные записи с 1775 по 1812 г., с большим количеством рисунков и чертежей. См. стр. 90.

25. Список комедии Грибоедова «Горе от ума», на 144 стр., на бумаге 1825 г. Список раннего происхождения, близок ко времени создания пьесы.

43. Сборник стихотворений первой половины XIX века, на 399 стр., содержит списки произведений Пушкина, Жуков-

ского, Крылова, Бестужева, Рыльева, Грибоедова, Козлова, Карамзина, Воейкова. Здесь полный список комедии Грибоедова «Горе от ума».

41. *Medicina practica*, лекции профессора М. Я. Мудрова на латинском языке, читанные в Московском университете. Перед лекциями литографированный портрет профессора, рисованный с натуры К. Витбергом в 1824 г., и два вида университетских зданий.

44. Юмористический альбом, содержит более 80 листов, с карикатурами и французским текстом под ними, писан в 1838 г. Карикатуры изображают Матвея Алексеевича Окулова, зятя Павла Воиновича Нащокина, сестра которого Анастасия Воиновна была в замужестве за Окуловым.

35. Сборник сведений об осаде Соловецкого монастыря англичанами в 1854 г. Тетрадь содержит копии печатных сообщений о бомбардировке Соловецкого монастыря англичанами из «С.-Петербургских» и «Вологодских ведомостей» и «Критику о Соловецком монастыре», т. е. народные юмористические стихи об осаде.

42. Автографы А. И. Герцена, на 7 лл.:

а) Записка к «Лизе» на обороте фотографической карточки (собачки);

б) маленький листок из записной книжки с указанием (карандашом) крупных дат жизни до 1869 г.;

в) пять листков из записной книжки, в четвертку, на которых Герцен подробно изложил события 3 мая 1852 г., — дня похорон жены; на обороте листков нарисованы головы и написано несколько строк.

53. Автографы: I. А. И. Герцена, II. М. А. Бакунина. III. Н. Г. Чернышевского и IV. Гарибальди.

I. а) Статья по польскому вопросу, под названием «Москва мать и мачиха», на 3 лл.;

б) «Правила акционерного общества вольной русской типографии», на 3 страницах, за подписями Герцена, Петра Долгорукова, Виктора Касаткина, Вл. Стрельцова, Н. Огарева и Людовика Чернецкого;

в) надпись, на немецком языке, на книге, с посвящением книги матери; книга содержит речь при открытии публичной библиотеки в Вятке в декабре 1837 г. и напечатана там же, в Вятке.

II. Письмо Бакунина к Герцену, написанное на копии заграничного паспорта Бакунина, переписанного Огаревым на полуплисте почтовой бумаги.

III. Автограф Чернышевского. Отрывок перевода «Всеобщей истории» Вебера, на одной странице полуплиста.

IV. Собственноручная подпись Гарибальди на конверте и карточка меню обеда в честь Гарибальди.

14. Переписка профессора П. С. Казанского с братом Платоном Костромским, в 9 томах, за 1861—1877 гг., всего около 1200 писем.

12. Письма к В. А. Манасеину: Беренштама, П. И. Вейнберга, Н. И. Кареева, А. Лугового и Н. К. Михайловского, всего 9 писем.

47. Письма, в количестве 16, к А. И. Чупрову от разных лиц: Азефа, Анциферова, Аркадакского, Горбунова-Посадова, Кауфмана, Косинского, Мельгунова, Миклашевского, Петрункевича, Прянишкова, Сперанского Н. и Ходнева.

49. Письма, в количестве 34, к А. И. Барзалу от артистов, музыкантов и композиторов: Аренского, Направника, Римского-Корсакова, Сафонова, Тимковского, Кондратьева, Шалыпина, Южина, Хлодова и др.

52. Автографы Римского-Корсакова, в количестве 6 писем к разным лицам, и автографы художника П. Соколова, в количестве десяти писем к разным лицам и две визитные карточки с письмами на обороте.

23. Письма В. В. Стасова и А. Ф. Кони, в количестве 3 писем, адресованных М. М. Серовой и содержащих сведения, интересные для истории литературных кружков в Петербурге и, в частности, для истории кружка Серовой.

14. Автографы русских писателей и общественных деятелей: Вл. Немировича-Данченко, П. И. Вейнберга, Н. Кареева,

А. Лугового и Н. М. Михайловского, всего 9 писем.

4. Автографы русских писателей:

а) Брюсов В., «Miscellanea», 6 лл.

б) Волошин М., стихотворение, 1 л.

в) Глоба А., «Летающее вишневое дерево», 14 лл. и стихотворения, 9 лл.

г) Замятин Е., «О чуде, происшедшем в пепельную среду», 8 лл.

д) Ремизов А., «Петербургские рассказы», * 22 л.

е) Чеботаревская А., перевод сказок из 1001 ночи, 75 лл.

ж) Письма и записки: Ю. Айхенвальда, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, А. Глоба, Е. Замятин, А. Толстого и Тугенхольда.

50. «Петербургская поэма», автограф Блока, посвященный Е. П. Иванову. Стихотворение написано на трех страницах большого почтового листа; в конце автографа подпись и дата: «Февр. 1904».

20. Автограф В. Я. Брюсова: листок из его историко-литературных работ, нач.: «Державин (1743—1816 г.)... Конеч: «... из басен Лафонтена (1621—1695)».

РУКОПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

3. Сыкт-уз-Занд, с примечаниями и комментариями Абу-Закария Тебризи, на комментарии к поэтическим произведениям арабского поэта Абу-ль-Аля Маррийского. Рукопись на арабском языке, писана в 1346 г.

13. Сборник нравственно-мистического содержания, на немецком языке, на пергаменте, писан готической скорописью и частью латинским полууставом XVII в. Заглавные буквы писаны красками и золотом. На 1 л. об. миниатюра—мальчик облокотился на череп.

21. Нотный сборник на крюковых нотах, с греческим текстом, писан в Албании, в XVIII в.

16. Подпись Гете под собственноручным рисунком его, изображающим окрестности Карлсбада, см. стр. 89.

17. Альбом для записи стихотворений,

со стихотворным посвящением на 1820 год кн. Четвертинской — владелице альбома, заполнившей его поэтическими произведениями. Стихотворения вписаны на польском, французском, английском, немецком, итальянском и испанском языках. В альбоме на некоторых страницах зарисовки карандашом. В альбом вложен акварельный портрет Байрона.

15. Два персидских документа:

а) Фирман шаха на пожалование полковнику Н. С. Каханову ордена

Льва и Солнца II степени со звездой, и

б) препроводительная бумага при посылке этого ордена.

Оба документа датированы 1272 годом, то-есть писаны в 1856 г.

37—40. Кораны: 1885, 1886 гг. и конца XIX века, с украшениями лубочного мастерства, в переплетах; коран 1885 г., с украшениями в виде мелкого пестрого орнамента и с красочными рамками на каждой странице, в переплете.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А. А. — 37
Абу-Захария Тебризи — 93
Абу-ль-Аля Маарийский — 93
Азеф Е. Ф. — 93
Айхенвальд Ю. И. — 93
Аксаков С. Т. — 64, 66, 92
Александр II — 58, 61
Александр III — 58, 59
Аничков В. М. — 30
Анненков П. В. — 64, 79
Анненкова (в зам. Иванова) — 34
Антонович М. А. — 60
Анциферов А. Н. — 93
Апраксины — 85
Аренский А. С. — 93
Аркадакский К. В. — 93
Арсеньев К. К. — 65, 79
Арцимович В. А. — 82
Ауэрбах Бертольд — 37
- Байрон Джордж-Гордон — 29, 31, 80, 94
Бакунин М. А. — 92, 93
Балашев П. Н. — 91
Балтрушайтис Ю. К. — 93
Бальмонт К. Д. — 93
Барсков Я. Л. — 65
Барцал Л. И. — 93
Барятинские — 85
Бахметьев Н. Н. (псевд. Статистик) — 5, 6, 70
Безобразов В. П. — 68
Бекетов В. Н. (цензор) — 43
Белинская М. В. — 28
Белинский В. Г. — 21, 32, 44, 45
Белоголовый Н. А. — 64—66, 74, 78, 79
Белоголовые — 75, 76
Бем — 73
Березин — 60
Берг Н. В. — 60
Беренштам — 93
Берс С. А. (см. Толстая С. А.)
Берс Т. А. (см. Кузминская)
Берте А. — 61
Бестужев, кн. — 92
Билибин В. В. — 65
Бирюков П. И. — 72
Бисмарк Отто, кн. — 37
Блок А. А. — 93
Боровиковский А. Л. — 79
Боткин Н. П. — 30, 31
Боткин С. П. — 65, 74—76, 78, 79
Боткина Е. А. — 65, 75, 76, 79
- Боткины — 30
Брызгалов Д. А. — 80
Брюсов В. Я. — 93
Бух К. А. — 64, 67
- Васильев (доктор) — 75, 76, 79
Васильева О. С. — см. Чернышевская О. С.
Вебер Георг — 45, 54, 93
Вейнберг П. И. — 93
Вельтман А. Ф. — 44, 45
Веневитинов М. А. — 28, 29, 31, 32
Веригины — 92
Викторова Ф. А. (Зинаида Николаевна) — 33—36
Витберг К. — 92
Витязев — 67
Воейков А. Ф. — 92
Волконская М. Н., кн. — 34, 36
Волконский — 35
Волконский С. Г. — 36
Волошин М. А. — 93
Вольтер Франсуа-Мари Аруз — 37
Воронцов Гаврил — 55, 56, 58
Воронцов-Дашков И. И. — 58, 59
Вяземские — 91
Вяземский А. В. — 91
Вяземский В. В. — 90—92
Вяземский В. В. — 91
- Гарибальди Джузеппо — 92, 93
Гаршин В. М. — 72, 73
Ге Н. Н. — 73
Гербель Н. В. — 32
Герцен А. И. — 61, 62, 63, 78, 86, 92, 93
Герцен Н. А. (ур. Захарьина) — 92
Гете Иоганн Вольфганг — 31, 89, 90, 93, 94
Глоба А. П. — 93
Гоголь Н. В. — 85, 86
Голенищев-Кутузов М. И. — 91
Голицын — 35
Головин А. В. — 41
Гольцев В. А. — 4, 5, 45, 50—52, 55, 64, 67, 69, 70, 94
Гончаров И. А. — 67
Гоппе Э. Д. — 29
Горбунов И. Ф. — 67
Горбунов-Посадов И. И. — 93
Грибоедов А. С. — 92
Григорьев И. — 28
Громека М. С. — 31
Гюго В. — 90

Дарвин Чарльз — 54
Дворжачик — 56
Державин Г. Р. — 93
Дитмар Н. П. — 58
Добролюбов Н. А. — 3, 51, 60
Долгоруков — 91
Долгоруков В. А. — 50, 61
Долгоруков Петр — 92
Достоевский Ф. М. — 21, 86
Дрожжин С. Д. — 73
Дружинин А. В. — 65, 79
Дубельт Л. В. — 42, 43
Дудышкин С. С. — 41
Дурново И. Н. — 36

Евгеньев-Максимов В. Е. — 10, 37, 41, 42
Егоров Е. А. — 65
Елисеев Г. З. — 33, 36, 37, 65, 67, 78, 79
Ераков А. Н. — 36
Есипов Г. — 31

Жемчужников А. М. — 65, 79
Жуковский В. А. — 92
Журавлев Н. Г. — 73

Закхей — 92
Замятин Е. И. — 93
Зверев Н. А. — 52
Зиновьев — 31

Иванов — 34
Иванов А. — 10
Иванов Е. П. — 93
Ильин — 91

Кавелин К. Д. — 4, 59—63, 79
Казанский П. С. — 93
Кантемир Антиох — 31
Карамзин Н. М. — 92
Кареев Н. И. — 85, 86, 93
Касаткин Н. А. — 73
Касаткин Виктор — 92
Катков М. Н. — 4, 59—63, 65
Кауфман — 93
Каханов Н. С. — 94
Квашнины-Самарины — 85
Кетчер Н. Х. — 28
Кившенко А. Д. — 73
Кизеветтер А. А. — 50
Клочков Н. А. — 50
Ключевский В. О. — 85
Ковалевский Е. П. — 61
Козлов П. А. — 28, 29, 92
Кондратьев — 93
Кони А. Ф. — 93
Коновальский И. М. — 91
Константин Константинович (корреспондент Н. А. Некрасова) — 28—30
Коперник Николай — 5, 54
Короленко В. Г. — 72, 73
Корсаков М. С. — 55—57
Корсаковы — 55
Корш В. Ф. — 68
Корш Е. Ф. — 60, 64, 67, 68, 94
Косинский — 93
Краббе Н. К. — 33—36

Красовский А. А. — 36, 57
Кривенко С. Н. — 69
Кронеберг А. И. — 32
Кронеберг Андрей И. — 32, 33
Кронеберг М. А. — 32, 33
Крылов И. А. — 92
Кудрявцев П. Н. — 60
Кузминская Т. А. (ур. Берс) — 73
Кузминский А. М. — 71, 73
Кульчицкий А. Я. — 28
Купенков — 56
Курочкин В. С. — 44, 45
Кутузов — см. Голенищев-Кутузов
Кущевский И. А. — 33

Лавров В. М. — 41, 51, 54, 55, 70
Лагуткин Мирон — 40
Лазаревский В. М. — 33—36
Лафонтен Жан, де — 93
Лебедев — 73
Левин К. Н. — 65
Лемке М. К. — 61
Ленин В. И. — 3, 50, 61, 62
Лесков Н. С. — 72
Леонтьев К. Н. — 35, 60, 62, 63
Лихачев В. И. — 74—76, 79
Лонгинов М. Н. — 35, 37
Луговой А. см. Тихонов А. А.
Луженовский Н. Н. — 72, 73
Львов В. В., кн. — 64
Любецкий — 46, 50

Майков А. Н. — 31
Мамин-Сибиряк Д. Н. — 64, 65, 67
Манасеин В. А. — 93
Марковский К. — 46—48, 50
Мезенцев Н. В. — 57
Мейер Ф. Е. — 37
Мельгунов Н. А. — 93
Миклашевский — 93
Милютин Д. А. — 45—47, 49, 50, 52
Минаев Д. Д. — 35, 36
Михайлов М. И. — 55
Михайловский Н. К. — 37, 65, 74, 79, 93
Михайловский Н. М. — 93
Михайловский-Данилевский А. И. — 91
Мудров М. Я. — 92
Мюссе Альфред, де — 29, 31

Наполеон III — 37
Направник Э. Ф. — 93
Нащокина А. В., см. Окулова
Нащокин П. В. — 92
Некрасов К. Ф. — 7
Некрасов М. — 7
Некрасов Н. А. — 3, 7, 8, 10, 17, 18, 20—23, 28—43, 62, 64, 67, 78, 79, 85, 86, 94
Немирович-Данченко Вл. И. — 93
Николадзе Н. Я. — 58, 59
Николаев П. Ф. — 65, 81
Николай I — 60
Новодворский А. О. — 67
Норов А. С. — 42

Обручев Н. Н. — 30
Огарева-Герцен Лиза — 92
Огарев Н. П. — 92, 93

Огаркова М. В., см. Эртель М. В.
Огрызко — 56
Окулов М. А. — 92
Окулова А. В. (ур. Нащокина) — 92
Орлов (ген.-адъют.), гр. — 43
Орлов Н. П. — 80
Орлов-Давыдов В. П. — 85
Орловы-Давыдовы — 85
Островский М. А. — 73, 85

Панаев И. И. — 42, 43, 61, 62
Панаева А. Я. — 61
Пастернак Л. О. — 73
Пашино П. И. — 35, 36
Переплетчиков В. В. — 73
Петров Н. Я. — 81
Петрункевич — 93
Пиксанов Н. К. — 41
Писарев Д. И. — 3, 52
Платон Костромской — 93
Плеве В. К. — 59
Плещеев А. Н. — 5, 64, 65, 67, 69, 70, 73, 74
Победоносцев К. П. — 81
Погодин М. П. — 85, 86
Полторацкий С. Д. — 85
Попов Н. А. — 85
Попов Н. В. — 68
Порохов — 56
Потапов А. Л. — 49, 50
Предтеченский А. И. — 38
Протопопов М. А. — 69
Прянишников И. М. — 93
Пугачев Емельян — 39, 92
Пушкин А. С. — 31, 39, 90, 92
Пыпин А. Н. — 58, 59

Размахнин Ф. С. — 38, 39
Раух — 90
Ремизов А. М. — 93
Репин И. Е. — 73
Рикардо Давид — 53
Римский-Корсаков Н. А. — 93
Романовский 35, 37
Романовский Сергей — 35, 37
Рублев Андрей — 89
Рылеев К. Ф. — 92

Савихин В. И. — 73
Салтыков К. М. — 75—79, 82
Салтыков М. Е. (Н. Щедрин) — 3—6, 64—82, 94
Салтыкова Е. А. — 64, 66, 74—79
Салтыкова Е. М. — 75, 76, 79
Сафонов — 93
Свободин П. М. — 65
Седов Е. И. — 28
Семенов С. Т. — 73
Сенюткин М. Х. — 39, 40
Серова М. М. — 93
Сибиряк-Угрюмец (псевд.) — см. Таскиев
Скарятин В. Д. — 41
Скребицкая М. С. — (ур. Юрьевич) — 64, 66, 81, 82
Скребицкий А. И. — 65, 81, 82
Собакин Исаак — 89

Соболевский В. М. — 70
Соколов Н. И. — 75, 79
Соколов П. — 93
Солдатенков К. Т. — 45, 55
Соловьев С. — 85
Соловьев-Несмелов Н. А. — 65
Сперанский Н. — 93
Стасов В. В. — 93
Степанов — 33, 36
Степанов Н. А. — 44, 45
Стацевич С. Г. — 55, 56
Стрельцов Вл. — 92
Суворов-Рымникский А. В. — 90, 91
Сукочев А. Г. — 80

Таскиев — 40
Твердомедь — 34, 36
Тимковский Н. И. — 93
Тихомиров Л. А. — 58
Тихонов А. А. (псевд. Луговой) — 93
Толстая А. И. — 85
Толстая С. А. (ур. Берс) — 73
Толстой А. К. — 93
Толстой Д. А., гр. — 31, 59, 81, 82
Толстой Л. Н. — 64, 65, 67, 70, 72, 73, 78, 80, 81, 86
Толстой Н. А. — 85
Трофимов (староста) — 36
Трубецкой — 35
Тугенхольд Я. — 93
Тургенев И. С. — 21, 60, 67, 73, 78—80, 85

Унковская А. М. — 75, 79
Унковский А. М. — 76, 79
Урусов А. И. — 67
Успенский Г. И. — 5, 73

Федорова М. И. — 80
Федотов И. В. — 65, 79, 80
Фет А. А. — 85

Ходнев — 93
Холшовников Н. — 34, 36
Хохлов А. Е. — 93

Цебрикова М. К. — 40, 41

Чеботаревская А. Н. — 93
Чернецкий Людв. — 92
Чернышев А. И. — 85
Чернышевская-Быстрова Н. М. — 50
Чернышевская О. С. (ур. Васильева) — 46, 50, 57, 58
Чернышевский М. Н. — 52, 55, 57
Чернышевский Н. Г. — 3—5, 30, 41, 45—47, 49—52, 54—63, 67, 79, 92—94
Чертков В. Г. — 65, 70, 72, 73
Четвертинская — 94
Чехов А. П. — 65
Чехов Антон П. — 65, 72—74, 85
Чехова М. П. — 65
Чистяков М. Н. — 80, 81
Чичагов П. В. — 91
Чуковский К. И. — 10, 21—23
Чупров А. И. — 93

Шалаяпин Ф. И. — 93
 Шаховские — 85
 Шаховской — 35
 Шекспир Вильям — 32
 Шелгунов Н. В. — 51
 Шестаков — 56
 Шехтель Ф. О. — 65
 Шмейсер В. А. — 28
 Шопенгауэр Артур — 80
 Шувалов П. А. гр. — 57, 58
 Шувалов П. П. — 58, 59
 Шумский С. В. (Чесноков) — 68

Эльпидин М. — 64
 Эртель А. И. — 64, 65, 67, 69, 72, 79—81
 Эртель М. В. (ур. Огаркова) — 65, 80

Южин А. И. — 93
 Юрьевич М. С. (см. Скребицкая)
 Юрьев С. А. — 67, 70

Яворский Стефан — 92
 Ягеман — 90
 Языков М. А. — 30, 31
 Языков П. А. — 30
 Яковлев Н. В. — 64
 Якушкин Е. И. — 34, 36
 Якушкин И. Д. — 36
 Ярославцев А. — 43
 Ярошенко Н. А. — 73

Щеглов — 74
 «Щедрин Николай» см. Салтыков М. Е.
 Щербатов Г. А., кн. — 41, 61

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Автограф объяснения Н. А. Некрасова по поводу стихотворения «Тяшина» (1857 г.).
2. Автограф Н. Г. Чернышевского — письмо к В. А. Гольцову — 1888 г. 19 авг.
3. Автограф страницы рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мнения знатных иностранцев о помпадурках».
4. Карлсбадский рисунок Гете — 1812 г.
5. Страница из Евангелия XVI века.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Неопубликованные материалы и обзоры	
I Н. А. Некрасов.	
Неизданные тексты произведений	7
Подготовила Р. П. Маторина.	
Письма Н. А. Некрасова	28
Письма к Н. А. Некрасову	30
Подготовили Р. П. Маторина и П. А. Попов.	
II. Материалы по изданию «Современника» и «Искры»	41
Подготовили М. М. Клевенский и Л. И. Сперанская.	
III. Н. Г. Чернышевский.	
Автографы Н. Г. Чернышевского	45
Н. Г. Чернышевский в архиве Д. А. Милютин	46
Подготовил М. Н. Лядов.	
Н. Г. Чернышевский в архиве В. А. Гольцева	50
Н. Г. Чернышевский в Сибири (по матер. арх. Корсаковых и Воронцова-Дашкова)	55
Письма К. Д. Кавелина о Н. Г. Чернышевском (из арх. М. Н. Каткова)	59
Подготовил М. И. Хейфец.	
IV. М. Е. Салтыков-Щедрин.	
Описание автографов М. Е. Салтыкова-Щедрин	66
Неизданные автографы М. Е. Салтыкова-Щедрин	67
М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах, отзывах и воспоминаниях современников	69
Подготовил И. В. Федоров.	
Из жизни Отдела рукописей	
Методы обработки собраний автографов и архивных материалов	83
Статья Е. Н. Коншиной.	
Новые приобретения	
Сообщения проф. Г. П. Георгиевского и П. Д. Эттингера	89
Новые приобретения: январь — апрель 1939 г.	91
Именной указатель	95
Перечень иллюстраций	98